МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. В. Тырышкина

"КРЕСТОВЫЕ СЕСТРЫ" А.М. РЕМИЗОВА:
концепция и поэтика

НОВОСИБИРСК – 1997

Печатается по решению
редакционно-издательского совета

ББК 83,3 (2=Рус) 5-8 Ремизов ("Крестовые сестры") 44
К 802
УДК 8, 08

Тырышкина Е. В.
"КРЕСТОВЫЕ СЕСТРЫ" А.М. Ремизова: концепция и поэтика: Монография – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997.– 235 с.
ISBN-5-85921-012-4

Данное монографическое исследование является первой книгой на русском языке о творчестве А. М. Ремизова. Книга посвящена рассмотрению особенностей мировоззрения и поэтики известного писателя с точки зрения неомифологизма – на материале ранней прозы, в которой "Крестовые сестры" занимают центральное место. Монография содержит обширную сводную библиографию.

Издание предназначено для литературоведов: научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов.

Научный редактор – Л.Е.Тагильцева, к.ф.н., доц., зав. кафедрой теории литературы и методики преподавания литературы Новосибирского государственного педагогического университета;

Рецензенты – А.С.Сваровская, к.ф.н., доц. Томского государственного университета; Л.В.Титова, к.ф.н., с.н.с. Института истории СО РАН

ISBN-5-85921-01204

536849

©Е. В. Тырышкина, 1997
©Новосибирский государственный
педагогический университет, 1997

Введение

Текст этой монографии[1*] представляет собой переработанную кандидатскую диссертацию, защищенную в начале 1992 г. Это была первая диссертация о творчестве А. М. Ремизова, написанная на территории России. Данная монография также является первой работой на русском языке, касающейся одного из аспектов философии и поэтики этого писателя[1].

Диссертация была написана в течение 1990–1991 гг. на базе источников, опубликованных до 1991 г. За то время, пока рукопись лежала в редакции, ситуация в отечественном ремизоведении несколько изменилась. И возникает необходимость оговорить эти изменения во введении, сохранив аутентичным основной текст этой книги, так как авторская концепция не потеряла своей актуальности.

Главным событием в отечественном ремизоведении стало проведение международной конференции "Алексей Ремизов и художественная культура XX века" и выставки "Волшебный мир Алексея Ремизова" организованной в Санкт-Петербурге в ноябре 1992 г., с последующей публикацией сборника статей и каталога выставки[2].

Эта конференция ознаменовала определенный этап исследовательской традиции, когда о ней уже можно говорить как о сложив-

[1*] Эта работа поддержана грантом Open Society Institute, Прага (N. 1153/94) и грантом Central European University, Будапешт по программе "Studies on Gender and Culture". Выражаю благодарность моему коллеге Н. В. Гладких за плодотворное обсуждение содержания и структуры моей работы.

шейся. В России мероприятие подобного масштаба было первым, ему предшествовали два события: во-первых, это международная конференция в США в 1986 г., сборник материалов которой вышел в 1987 г. под названием "Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer" / Ed. by G. N. Slobin; во-вторых, конференция "Алексей Ремизов и мировая культура" в Таллинне в июне 1992 г., она охватила небольшое число участников, но была очень плодотворной; материалы конференции, к сожалению, так и не были опубликованы[3].

Первую книгу о творчестве А. М. Ремизова издала немецкая русистка К. Гайб, затем были опубликованы монографии американской исследовательницы Г. Слобин, немецкого филолога Д. Кламор, после чего одна за другой увидели свет книги польских русистов Х. Вашкелевич и А. Возьняк[4].

На территории бывшего СССР с 1992 г. по 1996 г. были защищены четыре диссертации по творчеству А. М. Ремизова – две кандидатские на территории России (Ю. В. Розанова и О. В. Сергеева), две – магистерские в Эстонии (А. А. Данилевского и С. Н. Доценко). В настоящее время в ИРЛИ РАН готовится к изданию собрание сочинений А. М. Ремизова.

Обратимся к истокам отечественного ремизоведения. В 70 – 80-е гг. уже наметилась устойчивая тенденция изучения жизни и творчества А. М. Ремизова (отдельные публикации появлялись и раньше, но говорить об исследовательской традиции еще не приходилось). Начало ремизоведению положили статьи, касающиеся влияния древнерусской культуры на творчество писателя[5]. В них в основном рассматривались произведения писателя, созданные в эмиграции. Затем появились материалы, относящиеся к периоду раннего творчества[6].

В 70-е гг. начинают публиковаться произведения самого писателя[7].

В периодике 80-х гг. появляются статьи о жизни и творчестве А. М. Ремизова популярного характера[8]. Состояние дел в отечественном литературоведении конца 1980-х гг., когда ремизоведение по сути дела только "становилось на ноги", существенно

отличалось от ситуации в зарубежной славистике. География зарубежного ремизоведения к тому времени включала в себя США, Францию, Италию, Швецию, Данию, Германию, Австрию, Великобританию, Израиль, Венгрию, Польшу, Югославию, Чехословакию. Делались переводы, публиковались фрагменты эпистолярного наследства, защищались диссертации[9].

А. М. Ремизов на Западе был уже признанным авторитетом эпохи "серебряного века" и первой волны русской эмиграции, в то время как в России делались робкие шаги по направлению к истинно научному изучению его наследия и освобождению от идеологических догм "зрелого социализма".

Практически полное молчание сохраняли литературоведы относительно жизни и творчества А. М. Ремизова с 1930-х до конца 1950-х гг.[10] Период сознательного замалчивания сменился затем периодом отдельных упоминаний имени писателя, в первое время – в негативном тоне[11].

Научная традиция отечественного ремизоведения зарождается в 70-е гг. (лет на 20 позже западной, где научным исследованиям предшествовала критика и публицистика). А. М. Ремизов в 1921 г. эмигрировал в Берлин, а затем в Париж, где и провел всю оставшуюся жизнь (умер в 1957 г.), а о последствиях революционных преобразований общества высказался весьма определенно в "Слове о погибели русской земли"[12]. Такая позиция надолго лишила писателя права входить в историю русской литературы, которую создавали идеологически ангажированные литературоведы. На нем стояло клеймо "реакционера". К тому же принадлежность или близость к символизму также указывала на его "политическую неблагонадежность". Из всех символистов только двое были в то время официально признаны достойными признания и изучения – это В. Брюсов и А. Блок[13].

Еще одним фактором, способствовавшим долгому забвению имени А. М. Ремизова, было его положение писателя "второго ряда" на фоне таких "звезд", как, например, А. Белый или Вяч. Иванов. И хотя сам А. Ремизов постоянно обыгрывал свою "меньшую" ли-

тературную одаренность по сравнению со знаменитыми современниками, однако сейчас уже можно смело говорить о своеобразии его писательской манеры, а лучшие его произведения, в числе которых особенно выделяются "Крестовые сестры", никак не могут быть названы "второразрядными".

Попробуем обратиться к критике начала века и определить, как оценивалось раннее творчество писателя его современниками. Конечно, критические заметки чаще всего носили краткий, эскизный характер. Но и эти тексты очень важны для современного литературоведа, так как они вводят нас в контекст эпохи, многие традиции которой были утеряны. Ремизов не был обделен вниманием: такие известные критики, как А. Измайлов, Е. Колтоновская, В. Кранихфельд, Ю. Айхенвальд, К. Чуковский интересовались его творчеством и откликались на его новые книги сразу же[14]. А. Блок[15], А. Белый, М. Волошин, М. Кузмин ценили его довольно высоко как писателя. М. Кузмин написал рецензии на многие произведения А. М. Ремизова[16]. А. Блок, несмотря на расхождения во взглядах, в течение нескольких лет внимательно следил за ремизовскими сочинениями и прислушивался к мнению Ремизова относительно собственного творчества[17]. В своей статье "Литературные итоги 1907 г." Блок отмечал произведения Ф. Сологуба, А. Ремизова, Л. Андреева как лучшие[18]. Многие критики единодушно признали очевидный факт влияния Ф. Достоевского на творчество Ремизова (что видно уже по заглавиям статей)[19], отмечалась традиция преемственности в понимании Ремизовым роли христианского страдания человека[20].

Первая и единственная монография дореволюционного периода – исследование А. В. Рыстенко, где произведения Ремизова анализируются с точки зрения использования древнерусских источников, причем это касается не только стилизаций, но и оригинальных произведений, в том числе "Крестовых сестер"[21]. А. В. Рыстенко выделил три основные темы ремизовского творчества: религиозные искания, страдания "маленького человека", женское подвижничество[22]. Исследователь продемонстрировал такой подход к

анализу текста, который с успехом используют в настоящее время специалисты, изучающие традиции древнерусской литературы и фольклора в творчестве этого писателя. А. В. Рыстенко выделил те направления изучения мировоззрения и поэтики Ремизова, что до сих пор остаются практически неразработанными. Это касается прежде всего символики "женского начала" в художественной системе ремизовского творчества как одной из самых важных. В качестве незатронутых тем в настоящее время можно назвать тему детства, намеченную в книге В. В. Брусянина[23]. В современных работах встречаются лишь отдельные замечания о детских образах у Ремизова[24], но специальных исследований пока нет.

Особо следует сказать о статьях К. Чуковского и Г. Чулкова. К. Чуковский, несмотря на определенные передержки (его ироническое замечание о том, что нестрадающий герой Ремизову неинтересен, а автор "Крестовых сестер" советует человечеству "Глотать гвозди!"), очень тонко уловил мировосприятие писателя как "вселенскую тошноту"[25]. Этот страх жизни и фатальное одиночество главного героя в ситуации выбора позволили исследователям 70–80-х гг. – М. Дрозда, К. Секе и М. В. Козьменко сравнить философию А. Ремизова (наряду с Л. Шестовым) с философией французских и немецких экзистенциалистов[26]. Статья Г. Чулкова "Сны в подполье" остается актуальной до сих пор следующими положениями: постановкой вопроса о религиозно-философских взглядах писателя как "простонародного взгляда на жизнь" и обоснованием метода Ремизова как метода символизма: "В повести "Крестовые сестры" Ремизову удалось найти форму совершенную и цельную на твердом основании с и м в о л и з м а" (разрядка Г.Ч.)[27].

Вопрос о методе поднимался в печати еще до революции, но делалось это скорее в эмоциональной, нежели теоретически обоснованной форме. Мнения бывали подчас полярно противоположными. В. В. Смиренский в своих воспоминаниях причислил "Пруд" и "Крестовых сестер" к произведениям реалистическим: "И между тем роман его "Пруд" и повесть "Крестовые сестры" являются поистине блестящими образцами русской реалистической прозы..."[28]

В настоящее время вопрос о творческом методе рассматривается в различных аспектах, называются различные термины – символизм, неореализм, сюрреализм и т.д.[29]. Дискуссия о творческом методе будет рассмотрена в 1-й главе, а здесь заметим, что эта проблема не может быть решена до тех пор, пока не будет проведено тщательное исследование поэтики – как раннего, так и позднего периодов творчества. Несомненно, что в творчестве Ремизова просматриваются не только символистские или неореалистические элементы, но и сюрреалистические, явно предвосхищающие последующее развитие литературы[30]. Но этап раннего творчества указывает на явное и преобладающее влияние символизма. Подробнее этот тезис будет проиллюстрирован позднее с помощью анализа ремизовских текстов.

Теперь следует объяснить, почему выбор пал на "Крестовые сестры" как на центральный объект изучения этой работы. Во-первых, это лучшее (или одно из лучших) произведений Ремизова, где в наиболее целостной и концентрированной форме отразились принципы его философии и поэтики, а во-вторых, текст этот, ввиду его сложности, еще никак нельзя считать полностью изученным[31]. На территории бывшего СССР первыми в этом отношении были статьи А. А. Данилевского и А. С. Сваровской (см. прим. 29). Отечественные литературоведы в 1970-х гг., касаясь раннего творчества А. М. Ремизова, лишь упоминали о "Крестовых сестрах"[32].

Вот некоторые выдержки из критической литературы дореволюционного периода, посвященные "Крестовым сестрам" (обзор принадлежит С. Аронян): "Величайший литературный успех года" (С.А. Венгеров); "...это рапсодия, хроника, все, что угодно, но не повесть..." (М. Кузмин); "основное видение жизни – боль и страдание, воплощенное в центральном, "цементирующем" образе Древней Руси" (Е. Колтоновская); "используется апокрифический мотив – "Хождение Богородицы по мукам"... результат влияния Ф. Достоевского, использовавшего тот же мотив в "Братьях Карамазовых" (А.В. Рыстенко); "набор вариаций на темы из "Преступления и наказания" (В. Кранихфельд); "вселенская тошнота"

(К. Чуковский); "соединение радости и страдания – трагический синтез, характерный не только для Ремизова, но и для русского традиционного мышления" (С. Адрианов)"[33].

Этот список дореволюционной критики, относящийся к периоду раннего творчества и также к "Крестовым сестрам", можно дополнить еще несколькими характерными статьями Б. Садовского, Н. Репнина, Р. Иванова-Разумника, А. Долинина. Б. Садовской оценивает творчество Ремизова чрезвычайно высоко: "На него у нас смотрят как на поверхностного стилизатора-рассказчика с примесью чуть ли не порнографии... Как поэт метафоры, понимаемой в смысле символа, Ремизов может быть причислен к писателям-символистам и в этом отношении он, как воссоздатель национального творчества, может быть назван поэтом будущего"[34]. Действительно, сочетание в творчестве А. М. Ремизова традиций национальной культуры и веяний символистского толка настолько своеобразно, что Ремизов может быть назван "самым русским символистом". Древнерусская литература, русская мифология и фольклор доминировали в его собственной мифологии, в то время как пропорция между мировым фольклором и русским у многих символистов была скорее обратной (Ф. Сологуб, К. Бальмонт, Вяч. Иванов и другие). Р. Иванов-Разумник подметил характерные метания писателя в "Крестовых сестрах" ("Между Святой Русью и обезьяной") как основной конфликт его творчества (это замечание было затем развито современными литературоведами)[35]: "Все смешивается: зло с добром, правда с ложью, обезьяна с праведником."[36] Известный критик расценил эти настроения как смятение перед лицом хаоса, которому автор не может найти объяснений, не может ничего противопоставить. Кстати, заметка "Перед лицом хаоса", посвященная творчеству А. М. Ремизова, была напечатана в журнале "Бюллетень литературы и жизни" в 1912 г. и во многом повторяет основные положения статьи Р. Иванова-Разумника. Она не была подписана, но некоторые текстуальные совпадения этой заметки и критического эссе А. Долинина[37] позволяют говорить о том, что и это эссе принадлежит перу последнего. А. Долинин

включает А. Ремизова в контекст русской философско-религиозной мысли наряду с А. С. Пушкиным и Ф. М. Достоевским. Эта идея представляется чрезвычайно ценной и остается малоразработанной и по сей день[38].

Краткие заметки Н. Репнина, явившиеся откликом на выход в свет XIII альманаха издательства "Шиповник" (первое издание "Крестовых сестер"), представляют собой пример анализа литературного произведения вне контекста творчества и жизни самого писателя, без учета его "культурного ареала". Репнин излагал свои впечатления от прочитанного с непосредственностью рядового неискушенного читателя: "Для автора действительность ничуть не логичнее сна и кошмара... Это чувство подавленности и есть художественный результат повести... В частностях сплошная фантастика... Впрочем, в вышеупомянутой гимназии происходят все более удивительные вещи. Там... рассказывают, что "в великую французскую революцию действовали не Робеспьер и Марат... действовал Гуго Капет (?) и погибал за свои злодеяния с королем Людовиком"[39]..

Н. Репнин рассуждал с позиции наивно-реалистической и все, что выпадало из области традиционного понимания текста (где казалось бы, столь очевидна тема "маленького человека", "униженных и оскорбленных"), выглядело, по его мнению, элементами ненужной и бессмысленной фантастики. Однако, что для критика казалось досадным промахом или нелепой загадкой, для Ремизова являлось продуманной деталью художественной системы. Соблазн рассмотреть поэтику и концепцию отдельного произведения какого-либо писателя вне контекста его творчества обычно приводит к большим или меньшим искажениям в трактовке и понимании текста. Идеальной моделью в данном случае может служить такой подход к отдельным произведениям, когда каждое из них функционирует как элемент системы единого целостного "свертекста" художественного мира писателя.

Основным завоеванием ранней критики, касающейся периода 1900–1910-х гг. в целом, и "Крестовых сестер", в частности, мож-

но считать постановку проблемы религиозно-философских исканий писателя. В ранней критике обсуждались также оригинальность языка и стиля писателя, делались попытки определить его место среди знаменитых предшественников, намечались типологические параллели с современниками[40]. Эти направления исследования в первую очередь были подхвачены зарубежной славистикой: творчество Ремизова в контексте модернизма[41]; Ремизов и фольклорная традиция (работа над языком и стилем)[42]; философские взгляды писателя в контексте эпохи[43].

Итогом конкретных разработок дореволюционной критики относительно "Крестовых сестер" можно считать актуализацию следующих моментов: значение функционирования фольклорных и апокрифических мотивов; явное влияние Ф. М. Достоевского и других классиков русской литературы на образную систему произведения; выявление проблематики "женского начала". Собственно, известные критики начала века уже задали основные направления исследования. Теперь лишь остается их развивать. Как было отмечено выше, зарубежная славистика долгое время не обращалась к "Крестовым сестрам", хотя это произведение переводилось на иностранные языки: немецкий (1913), чешский (1916), японский (1924), французский (1929, 1946), итальянский (1930), польский (1985)[44]. Некоторые из переводов вышли с предисловиями. Но даже во второй половине 80-х годов В. Марков отмечал, что это произведение остается для западных славистов "загадочным"[45].

В 1969 г. "Крестовые сестры" были изданы за рубежом на русском языке, но без предисловия и каких-либо комментариев, и первая дата публикации произведения была указана ошибочная – 1900 г. А. Шейн довольно резко в своей рецензии оценил это издание: "total failure" (полный провал)[46].

В уже упомянутых статьях о "Крестовых сестрах" А. А. Данилевского, В. Н. Топорова, Х. Вашкелевич рассматривается в различных аспектах соотношение художественной и внехудожественной реальности в мировоззрении писателя, проблематика интертекстуальности и полицитатности, в статье Л. Капала делаются

попытки раскрыть особенности ремизовской концепции "священного".

Основной целью данной работы является определение специфики ремизовского неомифологизма, проявившегося в его мировоззрении и поэтике, в связи с чем структура собрания сочинений А. М. Ремизова 1910–1912 гг. рассматривается как ансамблевая, построенная с точки зрения мифа о "России-мученице", и определяется в этой структуре место "Крестовых сестер" как ключевого произведения всего раннего творчества писателя. Затем вниманию читателя предлагается исследование текста "Крестовых сестер", где ремизовский неомифологизм предстает в наиболее целостной сложившейся форме. Анализ мировоззрения и поэтики А. М. Ремизова ведется также с привлечением материалов (в том числе архивных) периода 1900–1920-х гг.

Несколько замечаний требуется сделать о жанре "Крестовых сестер". Проблема определения жанра этого произведения специально еще никем не поднималась. Не представляется пока возможным решить ее однозначно. Но в качестве "рабочего" термина можно предложить "роман", хотя это и выглядит достаточно спорным. С подзаголовком "повесть" произведение вышло в составе "Избранного" в 1978 г. и отдельным изданием в 1989 г. Разночтения и путаница в жанровом обозначении начались давно, чуть ли не сразу после первой публикации, в 1910 г., в альманахе "Шиповник". В собрании сочинений 1910–1912 гг. весь пятый том, куда входили "Крестовые сестры", назывался "рассказы". Отдельное издание 1918 г. вышло с подзаголовком "повесть", а в 1922 г. – было обозначено "роман". М. Кузмин определял жанровую природу произведения как "рапсодию, хронику...", настаивая на том, что это не повесть. В. Кранихфельд делал акцент на лирических повторах – лейтмотивах, склоняясь к "поэме". Спорить или соглашаться с этими доводами трудно, так как никаких теоретических доказательств в пользу таких терминов, как "рапсодия" или "поэма" по существу не приводилось. Сам А. М. Ремизов, когда только начинал работать над "Крестовыми сестрами", писал И. А. Рязa-

новскому: "...начал рассказ из Петербургской жизни: Крестовые сестры..."[47] Через много лет в беседе с Н. Кодрянской писатель даст жанровые определения своим крупным произведениям раннего (доэмиграционного) периода: "Мои романы – "Пруд", "Часы", "Крестовые сестры", "Плачужная канава" и повесть "Неуемный бубен"[48]. Вот еще высказывания Ремизова о проблеме жанра в своем творчестве: "Я рассказчик на новеллу, не больше, и эпос не мое. <...> У меня нет дара последовательности, а все срыву. С таким трудом я протискивал свое песенное в эпическую форму. Я чувствую это и в "Пруде", и в "Плачужной канаве". В "Плачужной канаве" моя последняя попытка романа"[49].

Конечно же, Ремизов – не традиционный романист, но элементы эпической формы присущи ряду его произведений, в том числе "Крестовым сестрам". Скорее всего, в термин "роман" он вкладывал глобальное содержание – человек в мире. Вот как он охарактеризовал свое психологическое состояние при написании "Крестовых сестер": "Должно быть, больше такого не напишу по напряжению, по огорчению против мира. Теперь спокойнее подхожу ко всему и сужу сверху, а не изнутри"[50]. "Огорчение против мира" – одна из основных идей "Крестовых сестер", и воплотить ее можно было пусть и в редуцированной, трансформированной, но – эпической форме. М. Кузмин почувствовал, что роман в начале XX-го века вступил в новую фазу своего развития и высказал это следующим образом в в своих кратких "Заметках о русской беллетристике": "Намечаются пути к воссозданию формы романа, которая дала бы нам отражение современности не в распыленных осколках, а в целых, хотя бы и небольших зеркалах. Нужно сознаться, что русские зеркала были кривыми... но эта кривизна, сама по себе характерно русская, заимствованная Ф. Сологубом, А. Ремизовым, гр. А. Толстым и А. Белым от Гоголя, Салтыкова и Лескова, – происхождения хорошего и не мешает нам видеть в "кривом зеркале" не кривую действительность. <...> Мы находимся на пороге нового бытового символико-реалистического р о м а н а (разрядка – М. К.). Ремизов после "Пруда" и "Ча-

сов" делает новые опыты в "Половецком стане"... и в "Неуемном бубне"..."[51]

Комплекс черт символисткого романа был выделен З. Г. Минц и С. П. Ильевым. З. Г. Минц отмечала мифологическую структуру такого романа, основанием данной структуры, по мнению этой исследовательницы, служил соловьевский миф с его трехчленной композицией и необходимым синтезом "земного" и "небесного". При этом говорилось, что подобные формы романа можно проследить в творчестве В. Брюсова, А. Белого, Ф. Сологуба, А. Ремизова и др.[52] Относительно А. Ремизова хочется заметить, что его мифология к мифологии В. Соловьева имела скорее не прямое, а косвенное отношение. Ремизовская мифология, как будет показано дальше, строилась не столько по соловьевской схеме, сколько на основе сложной "смеси" язычества, манихейства, "народного" христианства, но знание трудов В. Соловьева также очевидно. Такие термины как, "земное", "небесное" ,"хаос" будут использоваться в дальнейшем, но значение их специфически ремизовское. С. П. Ильев также утверждал, что в символистком романе "фундаментальное место принадлежит категории символа и диалектически связанной с нею категории мифа... миф – основа сюжетной композиции, реализующей художественную концепцию романа"[53].

Для символизма, под влиянием которого находился А. М. Ремизов в 1900-е гг., было явно тяготение к созданию циклических, ансамблевых форм. Творчество Ремизова этого периода – не исключение. В данной работе в качестве такой формы рассматривается собрание сочинений, но по существу все сборники писателя построены с точки зрения целостного ансамбля. Композиция этой книги подчинена внутренней логике раскрытия смысла ремизовского мифа: первая глава посвящена раскрытию смысла эволюции внутренней идеи ансамбля (от "земного" к "небесному"), определению в этой композиции "Крестовых сестер" как кульминационной точки, после которой и намечается перелом и восхождение к идеалу "небесного". Вторая глава раскрывает своеобразие поэтики романа, где "женское начало" предстает как "горнее", а "Душа мира"

преображается у Ремизова в "Святую Русь". Тема третьей главы – поэтика "Хаоса" ("Мирового Зла"), где рассматривается основная коллизия прошлого и настоящего: пленение "Хаосом" "Души мира" (в своеобразном ремизовском понимании).

В приложении дана библиография, состоящая из двух частей: источников, – произведений А. М. Ремизова и списка научных и критических материалов о А. М. Ремизове, дополненного работами последних лет. Архивы писателя хранятся в России в ИРЛИ РАН, РНБ, РГБ, РГАЛИ. За рубежом – во Франции и США. Автор данной работы имела возможность ознакомиться с архивными материалами прежде всего РНБ, отчасти РГБ и РГАЛИ. К остальным архивам автор доступа не имела по независящим от нее причинам. Так как основной текст книги был написан до 1991 г., то в том случае, когда ссылки даются на архивные материалы, следует свериться с библиографией, учитывая факты публикации части архивов в последние годы.

Примечания

1. В настоящее время готовится к изданию книга А. М. Грачевой о творчестве А. М. Ремизова.

2. *Алексей Ремизов* Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994; Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. Спб.: Изд-во "Хронограф", 1992; Отзывы на конференцию см.: *Данилевский А. А.* Ремизовская конференция // De visu. 1993. N. 1. С. 92–94; *Черняк М.* Алексей Ремизов и художественная культура XX века // Русская мысль. 1992. N. 3957.

3. Заметку об этой встрече см. в газете Тартусского государственного университета "Alma Mater". 1992. N. 3 (8).

4. *K. Geib.* Aleksej Michailovich Remizov: Stilstudien Forum Slavicum. Munchen, 1970. Bd. 26; *G. Slobin.* Remizov's Fictions: 1900–1921. De Kalb. Illinois, 1991; *D. Clamor.* "Dokuka i Balagur'je"

von A. M. Remizov. Das Verhaltnis Remizovscher Umdichtungen von Marchen zu ihren Vorlagen. Munchen, 1992; *H. Waszkielewicz.* Modernistyczny Starowierca. Glowne motywy prozy Aleksego Riemizowa Krakow: Uniwesytet Jagellonski, 1994;
A. Wozniak. Tradycja Ruska Wedlug Aleksego Riemizova. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1995.

5. *Лурье Я. С.* А. М. Ремизов и древнерусский "Стефанит и Ихнелат" // Рус. лит-ра. 1966. N. 4. С. 176–179; *Дмитриева Р. П.* "Повесть о Петре и Февронии" в пересказе Ремизова// ТОДРЛ. Л., 1970. Т. XXVI. С. 155–176; *Грачева А. М.* Структура патерикового рассказа и ее отражение в сборнике А. М. Ремизова "Бисер малый" // Материалы республиканской конференции СНО. Тарту, 1977. С. 66–76; *Грачева А. М.* Повесть А. М. Ремизова "Савва Грудцын" и ее древнерусский прототип // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIII. С. 388–400.

6. *Безродный М.* Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова // Сборник трудов СНО филологического факультета Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1977. С. 98–100; *Козьменко М. В.* Мир и герой Алексея Ремизова // Филологические науки. 1982. N. 1. С. 24–30.

7. Первый сборник его произведений, изданный в СССР: А. М. Ремизов. Избранное. М., 1978.

8. *Андреев Ю.* Пути и перепутья А. М. Ремизова // Вопросы литературы. 1977. N. 5. С. 216–243; *Чалмаев В.* Потерянный бриллиант // Литературная газета. 1989. 11 октября; *Цыбин В.* Мифы и сны Алексея Ремизова // Литературная Россия. 1989. 11 марта.

9. Перечень диссертаций, защищенных на Западе по творчеству А. М. Ремизова см. в монографии А. Возьняк, s. 17. В ряду последних, не указанных у нее, отметим диссертацию: E. Manouelian. Narrative as Palimpsest: Remizovian Texts and Contexts, 1914-1921 (Ph.D. diss., Harvard, 1994).

10. Исключения были немногочисленны: *Михайловский Б. В.* Ремизов А. М. // Литературная энциклопедия. Т. 9. 1935. С. 606–609; *Дукор И.* Проблемы драматургии символизма // Литератур-

ное наследство. Т. 27–28. М., 1937. С. 122–123.

11. *Касторский С.* Повести А. М. Горького "Городок Окуров", "Жизнь Матвея Кожемякина". Л.: Советский писатель, 1960. С. 308–315; *Усенко Л.* Неудавшееся воскрешение // Дон. 1962. N. 6. С. 145–154. Статья Л. Усенко была написана по поводу воспоминаний И. Эренбурга, где прозвучало имя Ремизова. См.: Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. III. // Новый мир. 1961. N. 9. С. 96–112.

12. "Человекоборцы безбожные, на земле мечтающие создать рай земной, жены и мужья праведные в любви своей к человечеству, вожди народные, только счастья ему желавшие, вы, делая дело свое, вы по кусочкам вырывали веру, не заметили, что с верою гибла сама русская жизнь. Ныне в сердцевине подточилась Русь. Вожди слепые, что вы наделали?" (*Ремизов А.М.* Слово о погибели русской земли // Скифы. Пг. 1918. Сб. 2-й. С. 195.) О восприятии этого произведения в советском литературоведении см.: *Бузник В. В.* Русская проза двадцатых годов. Л., 1975. С. 41.

13. См.: Русская литература конца XIX – начала XX в. 1901–1907. М., 1971. С. 271.

14. Измайлов А. Литературная пестрядь // Образование. 1908. N. 8. Отд. 3. С. 7–17; *Колтоновская Е.* О русском // Новый журнал для всех. 1912. N. 12. С. 95–104; *Кранихфельд В.* В подполье // Современный мир. 1910. N. 11. Отд. 2. С. 82–100; *Айхенвальд Ю.* Литературные наброски // Речь. 1912. 8 января; *Чуковский К.* Психологические мотивы в творчестве Алексея Ремизова // *Чуковский К.* Критические рассказы. Спб., 1911. Кн. 1. С. 139–167.

15. Об отношениях А. М. Ремизова с А. А. Блоком см.: *Минц З. Г.* Вступительная статья к "Переписке А. А. Блока с А. М. Ремизовым" // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 63–82.

16. См. рецензии М. Кузмина на произведения Ремизова с 1909 г. по 1913 г. в журнале "Аполлон"; *Белый А.* А. М. Ремизов. "Посолонь" // Критическое обозрение. 1907. N. 1. С. 34–36; *Волошин М.* Лики творчества // Русь. 1907. 5 апреля.

17. *Минц З. Г.* Указ. соч. С. 69–70.

18. *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.-Л., 1960–1963. Т. 5. С. 224–229.

19. *Кранихфельд В.* Указ. соч.; А. Закржевский. Подполье. Киев, 1911. С. 70–81; *Чулков Г.* Сны в подполье // *Чулков Г.* Наши спутники. М., 1922. С. 7–37.

20. *Долинин А.* Обреченный. Сочинения А. Ремизова. Т. I–VIII // Речь. 1912. 17 июня.

21. *Рыстенко А. В.* Заметки о сочинениях А. Ремизова. Одесса, 1913.

22. *Там же.* С. 31.

23. *Брусянин В. В.* Страшные сказки жизни // *Брусянин В. В.* Дети и писатели. М., 1915. С. 147–203.

24. *Козьменко М. В.* Указ. соч.; *Сваровская А. С.* Проблема героя и среды в повести А. М. Ремизова "Крестовые сестры" // Художественное творчество и литературный процесс. Томск, 1988. Вып. 9. С. 47–58.

25. *Чуковский К.* Указ. соч. С. 141–142.

26. *Дрозда М.* Художественно-коммуникативная маска сказа // Зборник за славистику: 18. Београд, 1980. С. 29–48; *Секе К.* "Апофеоз беспочвенности": Лев Шестов и Алексей Ремизов // Dissertations Slavicae: XV. 1982. С. 105–120; *Козьменко М.В.* Указ. соч.

27. *Чулков Г.* Указ. соч. С. 13, 28.

28. *Смиренский В. В.* Алексей Ремизов. Воспоминания. Авторизованная машинопись. Б.д. РНБ. Ф. 1049. Ед. хр. 3. Л. 8.

29. *Келдыш В. А.* Русский реализм начала XX века. М., 1975. С. 267–277; *Сваровская А. С.* Указ. соч.; *Минц З. Г.* О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1979. Вып. 459. С. 76–120; *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia // Уч. зап. гос. Тартус. ун-та. 1987. Вып. 781. С. 99–123; *Грачева А. М.* Русский рассказ и литературный процесс на начала XX века // Рус. лит-ра. 1989.

N. 3. C. 250; *Shane A.* Remizov's Prud: From Symbolism to Neo-Realism // California Slavic Studies: 1. 1971. P. 71–82.

30. Об этой тенденции в связи со сборниками ремизовских снов писал еще В. А. Келдыш (Указ. соч.), элементы сюрреализма прослеживаются и во "Взвихренной Руси".

31. Специальные статьи, посвященные именно этому произведению, за рубежом появились позже, чем в СССР. См.:*Kapala L.* The Concept of the Sacred in Aleksej Remizov's "Sisters in Cross" // Scottish Slavonic Review. 1990. N. 14. P. 101–115; *Waszkielewisz H.* Zbrodnia i kara na nowo napisana czyli "Siostry krzyzowe" Aleksego Riemizova // Slavia Orientalis. 1991. T. XL. N. 1–2. S. 3-13; и др.

32. См.: *Михайловский Б. В.* Символизм // Русская литература конца XIX - начала XX вв. 1901–1907. М., 1971. С. 232; *Келдыш В. А.* Указ. соч. С. 267–277; *Смирнова Л. А.* Народ и революция (русская проза 1908–1915 гг.) // Проблемы реализма русской литературы начала XX в. М., 1976. С. 14-16.

33. *Aronian S.* The Russian View of Remizov // Aleksej Remizov. Selected Prose. Ann Arbor, 1985. P. 3–15. Здесь и далее перевод наш – Е. Т.

34. *Садовский Б.* Настоящий // Современник. 1912. N. 5. С. 302, 309. Возможное обвинение в порнографии основывалось, по-видимому, на том факте, что в 1907 г. А. М. Ремизов издал малым тиражом (25 нумерованных экземпляра предназначались только для знакомых) порнографическую легенду "Что есть табак".

35. *Топоров В. Н.* О "Крестовых сестрах А. М. Ремизова. Поэзия и правда // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1988. Вып. 822. С. 121–138.

36. *Иванов-Разумник.* Творчество и критика. 1908–1922. Пг., 1922. С. 66.

37. *Долинин А.* Указ. соч.

38. На тему "Достоевский и Ремизов" см.: *Jackson R. L.* Dostoevsky's Underground Man in Russian Literature. Mouton, 1958. P. 117–119; *d'Amelia A.* Достоевский "подстриженными глазами" (Достоевский Ф. М. и Ремизов А. М.) // Actualite de Dostoevskij.

Genova. 1982. S. 159–170; *Waszkielewicz H.* Zbrodnia i kara...

39. *Репнин Н.* Литературно-художественные альманахи издательства "Шиповник" // Русское богатство.1910. N. 11. С.127–128.

40. *Зайцев Б. и Ремизов А.* (б.п.) // Бюллетень литературы и жизни. 1912. N. 4. С. 177–181; *Иванов-Разумник.* Черная Россия // Заветы. 1912. N. 8. Отд. 2. С. 40–58; *Редько А. Е.* "Сашка Жегулев" Л. Андреева и "Петушок" А. Ремизова // Русское богатство. 1912. N. 1. Отд. 2. С. 139–149.

41. *Baran H.* Towards a Typology of Russian Modernism: Ivanov, Remizov, Hlebnikov // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 175–184; *Ebert C.* Symbolismus in Russland: Zur Pomanprosa Sologubs, Remizov, Belys. Berlin, 1988.

42. *Kodiak A.* Remizov's Prose in the Senior Seminar // Newsletter: Teaching language through literature: XII. 1973. P. 33–41; *Raevsky-Huges O.* A. Remizov's Defence of the Russian language // Language, Literature, Linguistics. 1987. P. 192–211.

43. *Секе К.* "Апофеоз беспочвенности" // Dissertations Slavicae: XV. 1982. С. 105–120; "Огонь вещей" А. Ремизова // Dissertations Slavicae: XVI. 1984. С. 159–171; Проблема обезличенности в повести А. Ремизова "Часы" // Dissertations Slavicae: XVII. 1985. С. 215–231.

44. Публикации "Крестовых сестер" А. М. Ремизова за рубежом (переводы и на русском языке):

Die Schwestern im Kreuz / Einleitung G. M. Anischkow. Munchen, 1913.

Jujika no shimai. Tokyo, 1924.

Krestovye sestry. Letchworth, Herfordshire, 1969.

Krizove sestry / Prel. L. Rysava. Praha, 1916.

La Maison Bourkov (Soeurs en Croix). Roman. Paris, 1946.

Siostry krzyzowe. Warszawa, 1985.

Soeurs en Croix / Trad. avec une introduction par R.Vivier. Paris, 1928.

Sorelle in cristo / Trad. prefazione e note a cura R. Poggioli. Torino, 1930.

45. *Марков В.* Неизвестный писатель Ремизов // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 13–18.

46. *Shane A.* Rec. ad op.: "Krestovye sestry" and "V rosovom bleske" // The Slavic and East European Journal: XV. 1971. P. 374.

47. *Ремизов А. М.* Письмо И. А. Рязановскому от 14 июня 1910 г. РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 9 (здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация подлинника).

48. *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 117.

49. *Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 117.

50. *Там же.* С. 109. О скандальной истории с "плагиатом", предшествовавшей написанию "Крестовых сестер", см.: *Данилевский А. А.* A realioribus...

51. *Кузмин М.* Заметки о русской беллетристике // Аполлон. 1910. N. 7. С. 43.

52. *Минц З. Г.* О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1979. Вып. 459. С. 85–86, 119.

53. *Ильев С. П.* Русский символистский роман. Аспекты поэтики. Киев, 1991. С. 4–5, 160.

Глава 1

"Миф" и принципы художественного ансамбля

(собрание сочинений А. М. Ремизова 1910–1912 гг.)

В этой главе предстоит рассмотреть зависимость композиции собрания сочинений А. М. Ремизова от символистской концепции мира и человеческой истории, определив при этом место романа "Крестовые сестры" в структуре данного ансамбля. Но прежде нужно подробно обосновать необходимость такого подхода к творчеству Ремизова. Это потребует анализа работ, поднимающих в той или иной связи проблему творческого метода писателя.

Во введении говорилось о том, что писатель следовал в своем раннем творчестве во многом философии и эстетике символизма. Обратимся сейчас к работам, где заявлена точка зрения другого плана, а Ремизов причислен к неореалистам. А. Шейн обращается к этому термину в связи с романом "Пруд" (та его редакция, которая вошла в собрание сочинений). Исследователь считает, что

Ремизов в ходе работы над этой редакцией двигался от символизма к неореализму, при этом выделяет следующие черты неореализма: "Rejecting the religious and mystical theurgy of the Symbolists who had transcended reality in search of a supreme deity whether positive (Christ) or negative (Lucifer), the Neo-Realists once again focused their attention on everyday reality here on the earth, but, unlike the latter-day "Realists" defied neither man nor his potentialities. In this respect, Neo-Realism was in essense antireligious... Taking their cue from Dostoevsky's assertion that "the real truth is always improbable", the Neo-Realists viewed the world through a cruel, ironic microscope: where the Realists had seen only smooth skin covered with downy hair, they saw gullies, and mounds, thick stems of unknown plants (hair) and huge meteorites (dust particles). <...> The preoccupation with ornamentation, with craftmanship in the choice and arrangement of words, was a Symbolist legacy to which Remizov added the development of the skaz narrative, a unique stylization which reproduced the intonations of colloquial, often dialectal, spoken language in written prose"[1].

("Отрицая религиозную и мистическую магию символистов, которые переступали границу реальности в поисках высшего божества, будь то Христос или Люцифер, неореалисты однажды обратили внимание на каждодневную реальность – здесь, на земле, но, в отличие от современников-реалистов... не обожествляли ни человека, ни его возможностей. Взяв за основу высказывание Достоевского о том, что "настоящая правда всегда невероятна", неореалисты рассматривали мир через жестокий, ироничный "микроскоп": там, где реалисты видели только гладкую кожу, покрытую мягкими волосами, они обнаружили овраги и холмы, толстые стволы неизвестных растений (волосы), огромные метеориты (частицы пыли). <...> Пристрастие к украшению [текста], мастерство в выборе и аранжировке словесного материала было наследием символистов, к которому Ремизов добавил развитие сказового повествования, уникальную стилизацию, где воспроизводились интонации разговорной, часто – диалектной речи в письменной прозе"). В заключение автор статьи делает выводы: "The first

edition, both in conception and execution, was clearly a product of the Symbolist era. The second edition, although not markedly different in conception, was quite dissimilar in execution. The concern with motivation, the development and use of chapter headings, of refrains, of skaz narrative, of musicality and rhythm, the reduction of verbosity, of lyric digressions, and of some typically Symbolist devices, eloquently testify to a general movement from the abstract to the concrete, from the vagueness to clarity, from lyric fragmentation to epic continuity in narrative, from extreme impressionism to an impressionistic realism, in short – a transition from Symbolism to Neo-Realism"[2].

("Первое издание и по концепции, и по исполнению было типичным продуктом символистской эры. Второе издание, хотя и не отличаясь значительно по своей концепции, было совершенно другим по исполнению. Изменение мотивации при употреблении названий глав, рефренов, сказового повествования, музыкальности и ритма; сокращение многословия, лирических отступлений и некоторых других типично символистических приемов красноречиво свидетельствуют об общем движении от лирической фрагментарности к эпической последовательности, от абстрактного к конкретному, от крайнего импрессионизма к импрессионистскому реализму, если коротко, – это переход от символизма к неореализму").

Бросается в глаза крайне субъективное представление о символизме, как, прежде всего, литературной форме, которой присуща, если перефразировать автора, крайняя импрессионистичность, лиризм, многословие и т.д. И если А. Шейн не отрицает того, что во второй редакции "Пруда" не произошло значительного изменения в самом мировоззрении автора (которое, по его мнению можно считать символистским), а изменились лишь художественные средства – это еще не повод утверждать, что Ремизов сменил творческий метод и приобщился к тому, что А. Шейн называет Neo-Realism. Никак нельзя согласиться и с тем, что Ремизов – "antireligious"[2*] (ведь А. Шейн включает в число признаков неореа-

[2*] антирелигиозный (англ.).

лизма антирелигиозность). Хотя А. М. Ремизов был не чужд "ересям" и собственным религиозным концепциям, он всегда был человеком глубоко религиозным до конца своих дней (достаточно просмотреть его автобиографию, дневники, воспоминания)[3]. В другой своей статье "A Prisoner of Fate..." А. Шейн в отношении малой дореволюционной прозы А. М. Ремизова пишет (обратим внимание на критерий символистского метода): "... assertions stressing Remizov's alleged mysticism must be thoroughly re-examined, among sixty pre-Revolutionary stories only three could be appropriately considered "typical" of the Symbolist mentality: "V plenu", with its lyric introspection; the tedious mystical allegory "Pridvornyi iuvelir" in which Remizov denounces man's passion for unbridled freedom (volia, perhaps intended as a commentary on the events of 1905); and "Pozhar"... an unusual and excellent combination of provincial folk mentality and the wrath of God, embodied in the... figure of a... monk... Although many of Remizov's devices and techniques are a reflection of the Symbolist aesthetic preoccupation with the verbal texture, <...> his adherence to the conversational and colloquial intonations of... skaz bound him to the Russian earth... The Symbolist vision of another world, of which our daily reality is put a pale reflection, does not appear in Remizov's stories with perhaps the exception of "Pridvornyi iuvelir". Rather he emphasizes the elements of chance, grief and insult in our senseless existence which, apparently, he cannot fully justify as being in accord with God's will. However, unlike Ivan Karamazov he does not reject God's world but seeks to express a compassion for the misfortunes of others and a call to Christian humility and kindness in human behavior"[4].

("Высказывания, отмечающие мнимый ремизовский мистицизм и приверженность символизму, должны быть тщательно перепроверены. Из шестидесяти дореволюционных рассказов только три могут быть отнесены к типично символистской "ментальности": "В плену" – с его лирическим самоанализом; растянутая мистическая аллегория "Придворный ювелир", где Ремизов предупреждает об опасности человеческой страсти к необузданной свободе

("воле"), возможно, этот рассказ был комментарием к событиям 1905 г.); "Пожар"... необычное и прекрасное сочетание мотивов фольклорного мышления и библейского мотива Божьего гнева, воплотившегося в... фигуре монаха в черном. Хотя многие из ремизовских средств и приемов являются отражением эстетического пристрастия символистов с их вниманием к поэтической ткани повествования, <...> разговорные, просторечные интонации сказа... возвращают его на русскую землю...

Символистское видение иного мира, когда наша обыденная реальность является его слабым отсветом, не проявляется в ремизовских рассказах, за исключением "Придворного ювелира". Хотя он [автор] выделяет мотивы случайности, горя, оскорбления в бессмысленном существовании, но, видимо, не может полностью осудить его, соглашаясь с Божьей волей. В отличие от Ивана Карамазова, он не отрицает Божьего мира, но пытается выразить сочувствие к несчастьям других и воззвать к христианскому смирению и доброте как способу существования".) В этой статье А. Шейн достаточно ясно выражает свои сомнения о приналлежности А. М. Ремизова к символизму, но критерии символизма у автора рассмотренной статьи довольно смутны (мистицизм, лиризм и пр.). Упрощением является и заявление о том, что у Ремизова нет бунта и богоборческих попыток (оно будет опровергнуто в ходе анализа произведений собрания сочинений).

Как мы видим, автор статьи подходит к произведениям как отдельным самодостаточным объектам. Рассказы анализируются в хронологическом порядке, но следовало бы учесть структуру сборников, куда они вошли.

А. Шейн не обратил внимания на ремизовское пристрастие к объединению произведений в сборники, которые он компоновал с особой тщательностью. Это стремление проявилось у него довольно рано, вот письмо А. М. Ремизова от 8 августа 1904 г. к О. Маделунгу: "Приготовил к печати и переписал целый том (743 ст., ст. 200 печатных) стихов и поэзии в прозе (за 1900–1903 гг.). Расположил материал систематически.

1) В плену (поэма в 3-х частях)
2) Полунощное солнце (цикл стихов)
3) Над колыбелью
4) Прелюдия
5) Вереница дней
6) Далекое
7) После зноя желаний
8) Иуда (поэма)
9) Под покровом ночи
10) В старом доме

Все думаю назвать "В плену". [5] (Книга не была создана).

Это стремление к формированию сборников проявилось и в дальнейшем. При этом не хронологический, а идейно-тематический принцип берется за основу. Ускользнули от внимания А. Шейна и религиозные взгляды писателя: в прозе Ремизова христианский календарь – праздники Рождества, Пасхи, Крещения имеют большое значение как знаки христианского мифа истории. Но понять это без целостного контекста (где решающее значение имеет принцип ансамблевости) невозможно.

А. М. Грачева также говорит тенденциях неореализма в творчестве А. М. Ремизова в своем докладе "Процесс субъективации прозы и рассказ писателей-неореалистов (А. Ремизов, Б. Зайцев, С. Сергеев-Ценский)" (на конференции "Русский рассказ и литературный процесс начала XX в.", проходившей в 1989 г. в Ленинграде)[6]. Но она вкладывает в понятие неореализма иные признаки, нежели А. Шейн. Неореалистической прозе присущи, по ее мнению, следующие черты: "повышенная субъективность повествовательного слова", "рассказ чаще всего являет собой лирическое самовыражение повествователя", "едва намеченное сюжетное построение подчинено композиции", "...обращение к сказовой форме", "авторская позиция прослеживается через композицию словесно-синтаксических рядов, на которые членится речь рассказчика ("Без пяти минут барин")", "неомифологизм" не является постоянной категорией эстетики, а используется окказиональ-

но ("Царевна Мымра")"[7]. Нельзя оспаривать тот факт, что в прозе Ремизова уже в раннем его периоде можно выявить черты оригинального метода, выходившего за рамки символизма. Замечание же А. М. Грачевой об "окказионально" употребляемом принципе "неомифологизма" может быть и оспорено по отношению к творчеству А. М. Ремизова: все крупные произведения этого писателя в основе своей мифологичны – "Пруд", "Часы", "Неуемный бубен", "Крестовые сестры", "Пятая язва"[8].

Малая проза кажется более традиционной, "реалистичной", но как тогда оценивать факт включения рассказов писателем в собрание сочинений, где прослеживается развитие идеи "мифа"? По-видимому, мы имеем дело с таким феноменом, когда произведение может быть прочитано и понято двояко: вне контекста "мифа" – как реалистическое, в контексте – скорее как символистское. Но, рассматривая отдельно, например, такой рассказ, как "Без пяти минут барин", нужно подходить к нему с позиций христианского мировоззрения автора: ведь главный герой рассказа – один из заблудших, "слепых" мира сего (в контексте собрания сочинений это будет далее показано).

Теперь обратимся к позиции В. А. Келдыша (Сваровская А. С. полностью разделяет его точку зрения, и отдельно ее взгляды не будут анализироваться). В. А. Келдыш пишет о "промежуточном" художественном состоянии" ремизовского творчества[9]. Он отмечает: "...переоценка концепции детерминированного социальным бытием человека происходит у Ремизова внутри творчества, традиционно реалистического по материалу, тематике, и – частично – по средствам художественного письма. Это объясняет сложный характер связей Ремизова с классическим русским реализмом. Сам писатель вел свою "родословную" от Гоголя, Достоевского, Лескова. Причастность эта не внушает сомнений. Но столь же несомненно и модернистское претворение, пересоздание воспринятых традиций"[10]. В. А. Келдышем намечен подход к творчеству Ремизова как явлению сложному, эволюционирующему в своем развитии. Полезным является сам взгляд на неоднозначность творче-

ского метода писателя, однако, разрешить вопрос о стиле и методе не представляется возможным на десяти страницах монографии "Русский реализм начала XX века".

Итак, при всем различии подходов к изучению ремизовской прозы, рассмотренных выше, исследователь должен постоянно представлять себе творчество писателя как сложное явление, и учитывать, насколько возможно, обширный историко-литературный контекст. Что касается именно ремизовской прозы, то нельзя обходить вниманием стремление писателя к ансамблевой структуре его сборников ("Подорожие", "Среди мурья" и т.д.). Заметим, что Ремизов не следовал программному символизму, ни раннему, ни позднему. Это "отклонение" стало очевидно, едва лишь Ремизов вышел из ученического периода бледных "декадентских" подражаний[11].

Ю. Андреев разделил все творчество писателя на два периода – до эмиграции и после нее. В эмиграции, по его мнению, были созданы только стилизации и переработки, не сравнимые с ранними произведениями[12]. Это утверждение весьма спорно. К. Секе высказывается по этому поводу следующим образом (ничего не говоря о меньшей ценности "пересказов"): "Если до 1917 г. произведения Ремизова можно условно разделить на 2 группы: так называемые "пересказы", переосмысления библейских, апокрифических сюжетов, христианских легенд, текстов художественного или фольклорного характера и произведения, в которых варьируется традиционная для русской литературы тема маленького человека, то в повестях и рассказах, написанных после 1917 г., нет уже этого условного деления, и творческий принцип пересказа становится господствующим"[13]. А. Шейн находит свой термин "derivative":[13*] "Первые опубликованные произведения Ремизова "Плач" и "Бебка" представляют собой примеры двух основных направлений его искусства – "derivative" и "non-derivative"[14]. Таким образом, Ю. Андреевым и К. Секе намечены особенности ремизов-

[13*] производный (англ.)

ского метода в его отношении к использованию фольклорного или книжного источника при создании произведения и при "выстраивании" самостоятельного произведения с оригинальным сюжетом.

Здесь нужно учесть то, что творческая манера Ремизова претерпела существенные изменения не сразу после 1917 г., а скорее в 20-е гг.: его сборник "Шумы города", куда входят произведения, датированные 1917-1921 гг., является примером, опровергающим хронологическое деление его творчества на "до" и "после 1917 г." Многие рассказы ("Жизнь несмертельная", "Мальвина", "Изошел" и т.д.) никак нельзя причислить к "пересказам". Как о переломном периоде можно говорить о начале 20-х годов, но этому периоду предшествовали напряженные поиски метода и формы. Увлечение стилизациями в эмиграции – это еще не вся истина. В это время Ремизов создал новый, требующий особого определения жанр, в котором соединились воспоминания, художественная проза, искусствоведческое эссе и т.д. (см. его "Взвихренная Русь", "Огонь вещей", "Петербургский буерак"). К. Секе писала, пытаясь определить своеобразие этого жанра, что у Ремизова в эмиграции происходит "вовлечение культуры и традиции в "малый мир" индивидуума"[15]. А истоки этой загадочной синтетической жанровой формы нужно искать раньше, вот один из примеров: "До Рождества еще убили Распутина. Правил Россией хам. И так и этак шпыняли покойника. <...> Говорят, будто Гриша сказал царю: "Когда меня не будет, все вы распылитесь!" Стало быть, раз 14 февраля, всеобщее восстание и пулеметы... В прошеный день пришла Акумовна старуха и прямо бухнулась в ноги. Прежнее время присаживалась старуха к столу, и за чаем начинались разговоры о житье-бытье и прошлом и теперешнем... о случаях и напастях Буркова дома – всего Петербурга. Двенадцать лет назад 9-го января... беда пронеслась, цела и невредима осталась Акумовна доживать свой век горький... Град святого Петра! Полюбил я дворцы и площади... и Лавру заключевную с одиноким заветным памятником огненной скорби Достоевского. <...> Зашаталась русская земля – смутен час. Ты одна стоишь – на голове

тернов венок, ты одна стоишь непоколебимая. По твоему лицу кровавые ручьи текут. И рубаха твоя белая, как Христова багряница царская"[16]. Это отрывки из произведения, названного автором "Воспоминания" (1917), вошедшего затем во "Взвихренную Русь", но как можно судить уже по этим фрагментам, мы имеем дело с непривычным вариантом "воспоминаний" – в повествование вплетается сюжетная линия "Крестовых сестер", в реальных событиях 1917 г. участвует Акумовна – художественный персонаж; хронологическая цепь передаваемых реальных событий прерывается лирическими монологами автора, выдержанными в торжественно-библейской тональности.

Вряд ли ремизовские стилизации и переработки можно считать несамостоятельным явлением. А. М. Грачева в своей статье "Древнерусские повести в пересказах А. М. Ремизова выдвигает версию о создании своеобразных авторских "редакций" древнерусских произведений[17].

Думается, что приведенных аргументов достаточно, чтобы поставить вопрос о сложности творческой эволюции ремизовского метода и стиля. Целостный охват его творчества – дело будущего. Остановимся на периоде раннего его развития и проследим зависимость композиции собрания сочинений 1910–1912 гг., куда вошли основные его произведения раннего периода, от движения авторской идеи. Отправной точкой рассуждений автора данной работы послужило известное письмо самого А. М. Ремизова о воссоздании в своем творчестве "народного мифа" (в ответ на обвинение в плагиате)[18]. Прежде всего, этот творческий принцип относился к работе над фольклорными источниками (о чем писали Р. П. Дмитриева и А. М. Грачева)[19]. Но принцип воссоздания "народного мифа" использовался им не только в стилизациях и переработках, этот принцип определил развитие авторской идеи в структуре собрания сочинений и просматривается во многих произведениях, которые можно считать самостоятельными, где фольклорные мотивы органически входят в ткань повествования.

Попробуем проследить логику развития авторской идеи в собра-

нии сочинений, основываясь на том, что это структурное образование представляет собой единый художественный ансамбль. Ансамбль – менее "жесткая" конструкция, нежели цикл, где "несколько художественных произведений объединены общим жанром, темой, главными героями, единым замыслом, иногда рассказчиком, исторической эпохой и т.д."[20]. Вот список произведений по темам (заметим, что хронология в томах нарушена – приводятся даты написания произведений):

Том I: Неуемный бубен (1909); Царевна Мымра (1909); Чертик (1906); Суд божий (1908); Жертва (1908); Занофа (1907); Слоненок (1905).

Том II: Часы (1903–1904); В плену (1896–1903); Пожар (1903).

Том III: Крепость (1906); Святой вечер (1905); Без пяти минут барин (1906); Придворный ювелир (1906); Серебряные ложки (1903); Музыкант (1900); Опера (1900); Казенная дача 1908); Эмалиоль (1909); Новый год (1902); Бебка (1901); Бедовая доля (1900–1909).

Том IV: Пруд (1902–1903, 1911).

Том V: Крестовые сестры (1910); Чертыханец (1911); Галстук (1911); Мака (1907).

Том VI: Посолонь (сказки, написанные с 1903 по 1910 гг.).

Том VII: Отреченные повести: Никола Угодник (1907); О безумии Иродиадином (1906); Попрание клятвы Адамовой (1910); Мария Египетская (1906); Гнев Илии Пророка (1906); Властелин (1909); Притча Златоустого (1909); Злоубийца (1909); Царь Диоклетиан (1907); Иов и Магдалина (1909); Вещица (1906); Страсти сатанинские (1906); Страсти Пресвятые Богородицы (1910); Страсти Господни (1906); Светло-Христово Воскресение (1908); Кузьма и Демьян (1911); Рождество Христово (1910); Паралипоменон: Чужая вина (1911); Чаемый гость (1911); Пасхальный огонь (1910); Золотой кафтан (1911); Лигостай страшный (1911); Царь Соломон (1911).

Том VIII: "Бесовское действо" (1907); "Трагедия о Иуде, принце Искариотском"(1908); "Действо о Георгии Храбром" (1910).

Случайно ли нарушение хронологии? Почему бы не разнести произведения по отдельным томам по жанровому признаку? Но мы видим, что в одном томе находятся рассказы, роман (V том) или – повесть и рассказы (I том), расположенные на первый взгляд в беспорядке. Однако, структура собрания сочинений не хаотична.

Начинается первый том "Неуемным бубном", а VII том заканчивается назидательными притчами о тщете всего земного, о христианском подвиге. В "Неуемном бубне" чрезвычайно сильны эротические мотивы, мотивы стихии пола[21]. С другой стороны, образ Стратилатова дается как "демонический" (эпизод его "незаконного крещения")[22]. Произведение это можно трактовать в двух аспектах: человек – часть природы с ее незыблемыми вечными законами, где индивидуум полностью растворен в потоке всеобщего, он – безликое существо в бесконечном круговращении природы, где господствует примат телесного, биологического. Другой аспект – изначальная греховность этой стороны жизни человека, власть Дьявола в земной жизни.

Апокрифы, легенды, притчи – другой полюс ремизовского творчества: духовные высоты, страдания за другого, апофеоз христианской любви. Между этими двумя полюсами – земным и небесным, бездной плоти и свободным духом - пролегает огромное пространство страдания, соблазна и мятежа. Человек, оторвавшийся от единства природно-биологического бытия, задавшийся вопросами о смысле собственной жизни, приходит к проблеме бессмысленности (или глубоком смысле?) зла и мук. Разрешить эту проблему с помощью логики не удается, а обратиться к Богу мешает разрыв между "мыслю" и "верую".

Путь самоутверждения, как правило, проходит через активное действие, через осуществление своих желаний, таким видится героям путь к желанной свободе. Но достигается ли цель в борьбе с "обезличенностью"? Ремизов показывает причины, толкающие к бунту и – тупиковость такого выбора.

После "Неуемного бубна" как апологии природного и греховного (но при этом – основы всей жизни) писатель помещает рассказы,

посвященные детям. Детство в "Царевне Мымре" подсвечивается языческими обрядами, фольклорными образами: "Как-то, зайдя в чащу, Атя повстречал Лесуна"[23]. Этот рассказ – о расставании с "раем" детской цельности. Вот слова Ремизова из его воспоминаний "Подстриженными глазами": "Все дети хороши, с них мир начинается. По ним наш суд о рае... и в "грехе" – дети, как напоминание о потерянном рае...", "А это так же неизвестно и незапамятно, как его детство – рай: первый вопрос – "грехопадение", – очарование и разочарование – мятеж"[24]. Мальчик, влюбленный во взрослую женщину, оказывается невольным свидетелем ее свидания с любовником. Эта случайность, а случайность всегда у Ремизова играет роковую роль[25], разрушает детский гармоничный мир и создает ситуацию библейской значимости: познание добра и зла вносит смятение в детскую душу. Еще нет восстания, нет мятежа, есть первая тоска по утраченному покою и чистоте первой любви. Вычленение из природно-социальной общности приходит через страдание. Пробуждение от детского "сна" будет обыграно в "Крестовых сестрах", где также будет играть большую роль мифологический подтекст: "И еще Маракулин признавался, что он никогда ни о чем не думает, просто не чувствует, чтобы думалось...", "Не думать ему... теперь? Да именно теперь, слепою случайностью выбитый из колеи, один, без дела, он впервые и думать стал, – то время прошло, когда не думалось, то время не вернешь"[26].

Уже в первом томе краски резко сгущены. Вхождение в мир невинных детских душ описано как поглощение их силами зла. Ситуация бунта проявляется в желании и осуществлении мести, т.е. действия во зло другому, понимаемое, как благо для себя. Но личность, самоутверждающаяся через зло, поглощается им. Все предопределено властью Дьявола на земле, даже дети, едва вступившие в мир, – "дьявольское семя": "Зачаты во грехе, грехом насыщены, грех плодят"("Чертик")[27].

Следующий рассказ "Суд Божий" – это попытка богоборчества, неприятия героем бессмысленной человеческой судьбы, вы-

зов Всевышнему, допустившему зло и муки: "О.Илларион видел одно: брак, на котором он присутствует, заключен противно всякому здравому смыслу, но по указанию Божьему, и по указанию Божьему, а это ведь только что открылось ему, станет не жизнью, а гробом..."[28]. Вопрос о несовместимости земного зла и воли Божьей разрешается бунтом – отстранением о.Иллариона – уходом из монастыря, отказом от прежней жизни священнослужителя. Это – демонстративное отрицание существующего миропорядка, прямой отказ преумножать зло, живя по законам общепринятым, приближение к недеянию.

В рассказе "Жертва" тезис о бессмысленности бытия звучит с особой силой – разыгрывается стихия неведомых иррациональных сил, неподвластных разуму. Нет места протесту – все вовлечено в мистический водоворот необъяснимых смертей, при этом гибнут невинные дети. Избавление приходит случайно и также необъяснимо, как предыдущий кошмар. Зло уничтожается огнем – стихией, могущей быть и карающей, и очищающей[29]. В своих стихах "О судьбе огненной" А. М. Ремизов скажет: "В огненном вихре проба для золота и гибель пище земной"[30].

В рассказе "Занофа" автор создает характер двойственный и единственный в своем роде. Одноименная героиня рассказа – олицетворение детской невинности и демонического начала одновременно. Она – "дитя-ведьма" и жаждет мести за свое горе, свершившееся внезапно, уже на пороге счастья, в ожидании свадьбы. Она мучается, ни в чем не виновная, вот сюжетная коллизия, излюбленная Ремизовым. Бунт героини – это доведенный до предела бунт страдания. Желание любить и мстить одновременно настолько противоречат друг другу, что и смерть героини показана в двойном освещении: это и сбывшаяся мечта о любви (объятия жениха – предсмертная галлюцинация) и кошмарные превращения его лица в страшную маску: "Руки его протянулись к Занофе и, охватив ее грудь, прижали крепко, на всю жизнь, навечно. И в миг синий, как там в хлеву с вожжею на шее, скаля страшные зубы, он приподнял ее с земли и они полетели – жених и невеста"[31].

Первый том заканчивается рассказом "Слоненок", где противоречия жестокого бытия снимаются посредством мечты – созданием параллельной реальности. Мечта и сон у Ремизова – это иное измерение существования, там царят иные законы, но сон приравнивается им к яви. Детство же он считает своеобразным "сном": "У детей глаза подслеповато-внимательные... не отделяя сна от бодрствования, дети мешают день с ночью, когда руководит ими не мама и нянька, а Сон. Знакомые лица игр и игрушек ночью живут самой полной жизнью, и это отражается на отношении детей к предметам в дневной жизни..."[32]. Но нужно сказать, что неверно было бы считать мир детства в ремизовском понимании только сферой райской идиллии. Это лишь одна сторона мира детства. Другая состоит в том, что "детство-сон" совершенно не пересекается с реальной жизнью: "Почему только один он стоит маленький, ни в чем невиновный и всем чужой?" (Павлушка в "Слоненке")[33]. И эта невиновность и отъединенность от страданий мира взрослых – лишь начальная ступенька на пути к прозрению и постижению истинной жизни, связанной в мировоззрении писателя с христианским подвигом. Детская цельность мироощущения без опыта страдания, без приобщения к бедам людским, где все соединены горем, – это "закапсулированный" мир сна, игры, сказки. Целью "хождений по мукам" героев Ремизова должно стать обретение веры и любви, которая соединит и обессмертит навеки всех живущих. Маракулин бывшее "дитя", потеряв детскую цельность мироощущения, "детскую радость", не приобрел веры в Бога, и ему один путь – в смерть.

В первом томе поставлены основные проблемы, которые будут развиты автором в следующих томах: земная жизнь в плену у Дьявола, вырваться из которого нельзя, ни бунтуя, ни покоряясь; невозможность разрешить загадку бытия с помощью разума и логики; изначальная виновность (и невинность одновременно) всего человечества ("первородный грех"). Как противостоять злу, если вся земная жизнь подчинена ему? Сам А. М. Ремизов так говорил об этом: "В мире ходит грех... Стало быть в мире есть непокорен-

ная, темная, разлучная сила. Эта сила все разрушит на своем пути и пойдет дальше... Значит в мире неблагополучно, кто же может за себя поручиться?.. я за себя ручаюсь, но чем поручиться, кто-то возьмет и все перевернет..."[34]. Как оправдать муки и кровь, если все это – промысел Божий? Ремизов исповедует неканонический вариант христианства, настойчиво твердя о власти Дьявола на земле. Эти религиозные представления восходят к богомильству и манихейству[35]. В дневнике уже к концу своей жизни писатель подводил итоги своим религиозным исканиям: "Если только через отречение от мира путь к познанию Бога – стало быть, мир создание не божеское, – мир сотворил не Бог, а Сатана. Так верили болгарские богомилы[36].

Второй том начинается романом "Часы", где разыгрывается драма вселенского бунта подростка Кости Клочкова против самого времени, самой судьбы – ее слепой предопределенности. Этот бунт – в принципе неосуществимый – победа над временем существует лишь в воображении героя. Финал романа – картины сумасшествия Кости, изображенные автором как торжество Сатаны: "А высоко над домами, ...хохотал кто-то, сморщив серые, залитые слезами глаза, и сквозь хохот посылал воздушные поцелуи вниз земле в этой звездной ночи"[37]. Цель этой "космической" мести – властвовать над миром, превратиться в "Костю Саваофа", карающего бога. В этом романе писатель преподнес идею бунта не только как совершенно абсурдную, но и аморальную по природе своей.

"В плену" – развернутая картина одиночного заключения главного героя, в которое мечтал всех посадить Костя Клочков. Весь мир – тюрьма. Автор расставляет акценты окончательно – страдают безвинно не только жертвы, но и палачи их, и все настойчивее звучит мысль о неразделимости первых и последних: "Отец возьмет девочку на руки и носит по коридору, занимает ее, – баюкает цепным звоном... И понесет он ее на вечную каторгу, понесет на руках, которыми зарезал чужого ребенка...", "Все равно, ты ли заварил, к тебе ли пристали, ты ли убил, тебя ли избили, но сердце

твое сжимается и на душе – холод"[38]. Вторая часть "В плену" – тяжелые, страшные зарисовки звериной жизни – утверждение неизбывности животного в человеке, непреодолимости этой стихии: "Со злости арестанты дрались и грызлись: у подследственного татарчонка оборвали ухо, старику ноги кипятком ошпарили, и Бог знает, до чего бы еще дошли"[39]. Все усиливается мотив, который в "Пруде" будет звучать оправданием этим несчастным людям: "Напущено знать... Поневоле согрешишь..."[40]. А в "Крестовых сестрах" из уст Акумовны: "Обвинонатить никого нельзя"[41]. Так жалки и слепы эти страдающие люди, что кара, их постигнувшая, кажется слишком жестокой. Они – слепцы, заключенные в клетку собственного тела, обреченные от рождения. Да, они злы – в отличие от детей, только вступающих в мир, но они сродни им по беспомощности и непониманию истинных путей в жизни. В конце первой части "В плену" появляются попытки оправдания преступления (а ведь начиналось все бунтом): "А если я был помазан на свершение?.. Я устранил от жизни насекомое, пускай это насекомое мучилось и однажды пролило слезу, а завтра меня повесят за него. Я помазан совершить то, что совершил, а другой был помазан свое совершить. Тем, что он мучился, когда я его прихлопнул, он искупил свое, и я искуплю завтра!"[42]. Здесь налицо перекличка А. Ремизова с Ф. Достоевским ("Преступление и наказание", "Братья Карамазовы). Развитие этих идей приведет автора в "Пруде" к оправданию мук и преступлений – с помощью своеобразно интерпретированного мотива пришествия Христа в мир через кровь Вифлеемских младенцев[43], а мотив Рождества в целом нередко "подсвечивает" многие его рассказы. Эта концепция пришествия Христа в мир через кровь является составляющей целостного религиозно-философского мировоззрения, которое получит свое развитие в "Крестовых сестрах" и "Отреченных повестях": земная жизнь человека – путь к обретению веры в Бога через принятие страданий, в этой жизни в каждом новом поколении от века к веку все повторяется по одному и тому же библейскому сюжету (жизнь и крестные муки Христа – удел всех "про-

зревших"). Эта жизнь рассматривается писателем через призму "простонародного взгляда" – налицо отступления от христианского канона (кроме уже указанных "еретических" толкований блага через кровь и богомильских идей). Ремизов то и дело обращается к языческим обрядам и верованиям наряду с христианскими, и вместо Троицы на страницах произведений собрания сочинений предстает иная "Троица", характерная для верований в народной среде: в ранних произведениях – Христос и Богородица, а затем появляется Никола Угодник[44].

Третья часть "В плену" – противопоставление людской неволе стихии природы, но эта стихия – грозная сила, человек в ней – пылинка: "Кличут метели, поют":

– Выходи, выходи! Будем петь, полетим на свободе!..

– Мы белые – черные ночью. Теплом не повеем. У нас острые зубы и цепкие когти. Уже близко время, великая тишь сойдет на землю, наступит горькая печаль и теснота. Уже близко время, великая тишь сойдет на землю и станет на земле одна могила – кровавый крест. Мы белым саваном пушистых крыльев земную кровь покроем!"[45] Грозная, вечная природа, для нее нет смерти и она сама – смерть: "Заведем хоровод, и летаем по полю – приволью. Смерть с нами. Вон она машет костлявой косовой рукою. Стук – да – постук, властница смерть! А нам своя воля гулять!"[46]

Человек – лишь частица в этом вихре жизни и смерти, он в вечном плену: "Прощайте, метели, и ты, лес, и вы, вихри! Я в плену у вас прожил один."[47]

Последнее произведение этого тома "Пожар". Здесь повторяются мотивы из рассказов "Жертва", "Занофа", но разгул "чертовщины" выходит за пределы одной усадьбы, одной семьи, приобретает апокалиптические черты (вот оно – "станет на земле одна могила"). Город в конце концов сгорает, но пожар происходит не по воле Божьей и не по чистой случайности (полное отсутствие мотивировки пожара в "Жертве"), здесь зло наказуется волею человека, взявшего на себя право и карать: "Он один стоял посреди пепла им сожженного, проклятого, родного города, и его оскорблен-

ное сердце горело пуще всяких пожаров и жестче всяких огней"[48]. Но кара, предназначенная неправедным, обрушивается и на невинных: "Горел острог. Горела больница... Огонь, как елка, визжал и прыгал. И вот перекинул свои горящие сети через больничную стену на бойню.. Содрогнулся город под допотопным воем, выли звери в человечьей тоске"[49].

Итоги второго тома – это усиление мотива всеобщей вины/невиновности, неизбывность "темного" в человеке, плен в ловушке судьбы, собственных желаний и самой природы, попытка мятежа против земного зла в виде суда над неправедными, но суд этот не достигает цели – судить дано лишь Высшему Судие.

Тема остановившегося времени ("Часы", "В плену") становится одной из основных в последующих томах. Остановившееся время – заданная рамка, где протекают события. Тема эта разворачивается в двух аспектах: 1) замкнутость природного времени маркируется языческими образами воскресающей и умирающей природы 2) замкнутость кольцевой структуры человеческой истории дается через мотив крестной муки Христа, повторяющийся в судьбах тех, кому дано узреть "миры иные". Мотив этот также связан с обрядностью – праздниками Рождества, Крещения, Пасхи. При этом усиливаются эсхатологические настроения автора, близящаяся катастрофа Апокалипсиса ("В плену", "Пожар") грозит нарушением этого вечного круговращения, время остановится, "Времени больше не будет"[50]. Атмосфера Апокалипсиса достигнет своей кульминации в "Крестовых сестрах". А далее – наметятся пути духовного спасения от гибели страны и народа (т. VI, т. VII, т. VIII).

Тематика третьего тома – детальная проработка идей, заявленных в первом и втором томах: вечность насилия и власти и невозможность насилием творить благо (Крепость", "Придворный ювелир", "Казенная дача"), невозможность что-либо изменить в круговороте судьбы ("Святой вечер"), жажда самоутвердиться любым путем "неведающих, что творят" ("Без пяти минут барин"), изначальная вина и ответственность за происходящее, ответствен-

ность не только за поступки и слова, но и за мысли ("Серебряные ложки"), фаталистическое несовпадение желаний и возможностей их осуществления, что в контексте этого тома опять же выглядит как знак обреченности и богооставленности ("Музыкант", "Опера"). В рассказе "Святой вечер" неизменность циклического хода событий дается через мотив Рождества. В "Эмалиоле" появляется загадочный "князь" – в тюрьме, среди уголовников, молчаливо улыбающийся им. Его убивают в общей камере. Князь – фигура загадочная, но этот безымянный герой – подобие князя Мышкина (взаимосвязь с романом "Идиот" ясна по аллюзиям на "скорлупчатое насекомое" Ипполита – ср. "Эмалиоль" в описании Ремизова)[51]. Эта тень Христа в следующем – IV томе в романе "Пруд" воплотится в образе о.Глеба.

В рассказе "Новый год" опять зазвучит рождественский мотив, все повторяется, круг замыкается снова: "И уж по хлевам скот договаривал свой ночной новогодний разговор по-человечьему"[52].

Связующая нить от второго тома к третьему (конец II и начало III) – мотив пожара (как уже отмечалось ранее – один из самых частых и многозначных в творчестве писателя.) Пламя, бушевавшее в городе ("Пожар"), превращается в "пожар сердца" ("Крепость"): "Будто пожар за пожаром подымался в душе его, и сжигал все, чем жил человек: его нутро, его вечер, его ночь"[53]. "Крепость" – это утверждение неизбывности насилия, а образ палача в красном повторится в "Пруде", где палачу приснится, что он – "ребенок, оставленный матерью"[54]. Палачи и жертвы не просто поменялись местами, они слились в одном лице.

К концу III тома автор опять приводит читателя в мир детства – "Бебка". На протяжении всего собрания сочинений писатель снова и снова обращается к детской невинной душе и детскому взгляду на мир. Смысл рассказа – это два разных мироощущения – взрослого и ребенка, которому неведома трагическая раздвоенность мира; безвыходное одиночество героя и невозможность вернуться к детской цельности души. Настойчивые "детские" рефрены в структуре собрания сочинений – сквозные, связующие и смысло-

образующие звенья: кульминацией развития "детской" темы станет том VI ("Посолонь" и "К морю-океану"), где путь от язычества к христианству, от мира обряда и игры к миру обретенной веры будет отражен в иносказательной форме – как путешествие Алалея и Лейлы к Студеному морю. Ремизов покажет путь от "быть как дети" до "стать как дети" (цельность детской души дополняется верой, приобретенной в испытаниях).

Сборник снов "Бедовая доля", заканчивающий третий том, – это отображение всех тех идей и образов, что мучили Ремизова и наяву, встречались и будут встречаться в остальных его произведениях.[55] Жизнь для Ремизова – тяжелый сон, а сон – кошмарная жизнь, границу провести зачастую невозможно – такое понимание мира подводит нас к восприятию действительности как хаоса, где реальное и ирреальное смешивается и порой неразделимо.

Четвертый том – роман "Пруд". Основной его тематикой становится мир хаоса, который ничуть не лучше снов из "бедовой доли" (эта тема получит свое развитие и завершение в V томе в "Крестовых сестрах"). К "Пруду" сходятся практически все логические нити предшествующей прозы: гибельность бунта – индивидуального (в форме мести и разрушительной страсти) и массового (революционный террор как коллективная месть), осуществление принципа "все дозволено" (в образе Саши Финогенова), земная жизнь как умножение зла, где ближний может быть обижен вольно или невольно, а отсюда – подспудное порицание всякого активного действия (линия, идущая от рассказа "Суд Божий"). Появляется, наконец, и альтернатива безысходности: христианское смирение и любовь к ближнему в образе о.Глеба. Но параллельная линия романа – линия "несостоявшегося Христа" Николая Финогенова[56] оставляет читателя в состоянии мучительной раздвоенности. В "Пруде" прозвучат "за" и "против" – относительно пути Христа и повторения его подвига (принесение себя в жертву во имя любви) как смысла жизни. Концепция бунта разума против Божьей воли, где и кровь оправдывается[57], будет разрабатываться затем

в "Крестовых сестрах", и там будет показана окончательно безнадежность этого бунта против миропорядка, положенного от Бога.

Пятый том начинается "Крестовыми сестрами". В этом романе сконцентрированы структурообразующие мотивы всего собрания сочинений – расставание с раем "детства", погружение в мир хаоса, попытки его объяснить, бунт разума, поиски веры с помощью логики – и крах всей жизни главного героя, так и не обретшего этой веры. Многое из этого уже "проигрывалось" в "Пруде", но в "Крестовых сестрах" получает свое воплощение целостная концепция человеческой истории. При этом тема богооставленности человека ("Пруд") будет связана с историческим развитием России. Мировая история предстанет тесно связанной с судьбой страны. Ремизовский "миф" в этом романе – уже сложившаяся этическая и эстетическая концепция. Хотя финал романа оставляет читателя в состоянии безысходности, в повествовании будет звучать с особой силой "музыка" высоких душ, олицетворяющих нравственный идеал писателя (женские образы, созданные под непосредственным влиянием фольклорной традиции и традиции "народного христианства"). Ремизов не снимает в этом романе трагической раздвоенности "земного" и "небесного", но он ставит точку в споре о смысле/бессмысленности мятежа против существующего миропорядка – этот мятеж будет им отвергнут, и положено начало созданию идеала духовности, идеала смирения (все женские образы будут связаны с символикой "Руси-мученицы", а "женское" будет трактоваться как "горнее"). Совершится поворот, начатый в "Пруде", от бунта (с одной стороны) и покорности (с другой) – к смирению. Но смирение – это не покорное следование судьбе, это акт свободной воли, принятие страданий как награды (ср.: в "Пруде": "Прими ее кротко, судьбу-недолю...")[58].

В "Крестовых сестрах" продолжается петровская тема "Пруда". Маракулин Петр Алексеевич – антипод и двойник Петра I одновременно. Сцена у памятника Петру I сопоставима по своей значимости с таковой у А. С. Пушкина в "Медном всаднике" и у А. Белого в "Петербурге". В "Крестовых сестрах" встреча Ма-

ракулина и Медного всадника знаменует замыкание кольца истории, а встречаясь, противоположности "нейтрализуют" друг друга. Петр I в культурной традиции – носитель активного начала, а герой "Крестовых сестер" бессилен что-либо изменить – жизнь "маленького человека" XX в. становится знаком бесполезности петровских преобразований. В конечном итоге деяния легендарного царя утонули в болоте косного и жуткого российского быта. Делай что-либо, как Петр I, или устранись полностью и наблюдай со стороны, как Маракулин, – итог один и тот же. Изображение Маракулина в виде "тени", сниженного двойника Петра I, говорит и о понимании Ремизовым истории как постепенного регресса, "измельчания" человека при приближении к Апокалипсису[59]. Тема Апокалипсиса в романе развернута в подробностях, по сути весь роман написан о состоянии человека перед лицом собственной смерти ("частный" Апокалипсис) и человечества – перед всеобщей катастрофой.

Так как роман будет анализироваться специально в двух последующих главах, то здесь останавливаемся лишь на моментах, существенных для композиций собрания сочинений. В этой связи отметим, что категории страдания, любви и смерти – центральные для религиозной доктрины писателя – претерпевают изменения в динамической структуре ансамбля, где от понимания мук и смерти как проклятия, а любви как слепой страсти, дьявольского наваждения, автор приходит к идеалу духовного подвига христианской любви, к которой идут через страдания и жертвы. Смерть в этом случае – пролог к высшей свободе, к бессмертию. Логическое развитие поисков христианского идеала просматривается от "Пруда" до "Крестовых сестер" и "Отреченных повестей" (эволюционирование образа: о.Глеб из "Пруда" – Евгения Маракулина в "Крестовых сестрах" – Христос и Богоматерь в "Страстях...").

Финал "Крестовых сестер" позволяет многозначно трактовать смерть главного героя, неверно было бы считать гибель Маракулина актом свободного выбора – самоубийством в знак протеста[60]. Герой перед смертью переживает катарсис, чувство единства со

всем живым, ощущает свою "потерянную детскую радость" (это чувство отчасти сближает Маракулина с Нелидовым из "Часов", испытывавшим также "тихую детскую радость"). Сама же смерть Маракулина воспринимается по крайней мере в трех аспектах: 1) смерть – слияние с любимой (пусть лишь в воображении), смерть – объятие (см. финал "Занофы"); 2) смерть – свобода от земных мук; 3) смерть – еще один плод в жатве Дьявола (голос "со дна колодца"). Смерть героя также можно рассматривать как символическое обретение Веры (это приобретает многозначный смысл, так как подразумевается не только вера в Бога, но и обретение недосягаемой при жизни любви, к тому же Вера Вехорева сама является символом гибнущей современной России – см. главу 2-ю). Итак, смерть – не только любовное объятие, но и постижение смысла бытия, недоступное герою при жизни. Однако в конечном итоге это обретение смысла жизни лишь кратковременная галлюцинация, а сам герой становится еще одной жертвой Дьявола. На поиски истины, в ее религиозной смысле, автор "отправит" в следующем VI томе детей, Алалея и Лейлу, а в VII томе, проведя читателя еще раз через препоны соблазна и мятежа, он закончит этот путь апофеозом крестных мук и воскресением Христа.

В пятом томе есть еще три рассказа - "Чертыханец", "Галстук" и "Мака". Проблематика невольной вины усложняется в "Чертыханце" (линия, берущая свое начало от "Часов" – Нелидов, "Пруда" – Николай Финогенов, "Крестовых сестер" – Маракулин; здесь же, в "Чертыханце", продолжается развитие мотива "злого насекомого", уже встречавшегося в "Эмалиоле", заимствованного у Ф. Достоевского). Причинение зла ближнему – в невозможности принять его любовь (ср. Нелидов – Христина, Финогенов – Машка, Маракулин – Дуня). Сергей Сергеевич становится невольным виновником гибели полюбившей его "чужой невесты", он отвергает ее, девушка кончает жизнь самоубийством. Вина этого героя не только в действии, слове или мысли, повлекшей за собой страшные последствия, – в самой невозможности понять и принять чужое как свое, преодолеть границу собственного "я", и это одиночество фа-

тально. Герой "Чертыханца" умирает обреченный, оставленный своей семьей. Финал рассказа – торжество сил зла, герой гибнет, сойдя с ума, вся атмосфера повествования выдержана в тонах сгущающейся мистики.

Категория смерти в собрании сочинений Ремизова также дана в развитии: смерть страшная и прекрасная одновременно в "Заноф", "старушка" – в "Часах", в "Крестовых сестрах" Маракулин во сне видит "курносую, зубатую, голую" и собственную мать перед тем, как упасть из окна, сама его гибель – предстает в двойственных тонах – и как кара, и – как освобождение. В "Страстях Христовых" – смерть – в образе прекрасной женщины рядом с Христом. Смерть в "Страстях..." – ступень к воскресению и к высшей свободе духа: "Смертию смерть поправ!"

Рассказ "Турка" – следующая после "Крестовых сестер" версия взрослого-ребенка. Турка – воплощенное жизнелюбие и доброта, он живет чувствами, а не разумом. Но и этот "веселый ребенок", любящий людей и жизнь, причиняет боль – невольно и закономерно – своей случайной спутнице Розе (внезапно напомнив ей о муже, сидящем в тюрьме).

Этим аккордом из двух рассказов Ремизов как бы завершает мысль о всеобщей виновности: причинять зло ближнему можно не только действием, но и его отсутствием, не только словом, но и скрытой в молчании мыслью, чувством – и неспособностью откликнуться на чувство другого. Все вольно и невольно множат зло, детская бездумность не спасает, а губит. К цельности детской души нужно добавить опыт страданий, ведущий к прозрению.

"Мака" – последний рассказ в томе – переходный мостик к сказкам "Посолони". Этот рассказ – зерно, из которого прорастает мир обрядов и сказки. Это мир детства не только одной девочки, которая управляет всем и всеми в своем "замке", это - детство человечества в миниатюре, начало начал всей жизни: "Саше три года – три тысячи, а может быть трижды три тысячи, годами свой век Саша не меряет"[61]. Путь человечества от язычества как своеобразного "детства" к христианству, где взрослые должны

стать "детьми", – тематика VI тома. Правда, христианство это не официальное, о чем еще будет сказано в связи с "Отреченными повестями". Сказки "Посолони" посвящены воскресающей и умирающей вечной природе, играм и обрядам, с нею связанными. Но было бы неверно трактовать "Посолонь" как идиллию. Страшное здесь – неотъемлемая часть миропорядка ("Упырь"). От вмешательства иррациональных сил можно спастись тем же оружием – обрядом, т.е. действием, не имеющим под собой логического объяснения, в котором причинно-следственная связь отсутствует.

Та часть тома, которая называется "К морю – океану", – восхождение к христианской вере. Происходит постепенная смена чисто сказочных реалий мотивами столь характерными для предыдущих томов (несправедливость земной жизни): "А почему, Алалей, – у Мамаишны сотня пряников одномедных, а у нас и одного нет, никакого?..", "А я хотела бы, очень хотела бы сделаться... мученицей..." – задумалась Лейла"[62]. Завершается том раздумьями о судьбе России, скрепляющими конец VI и начало VII тома. Перекличкой с VII томом, начинающимся "Николой угодником", где святой жалеет русских – "очень уж мучаются", является предпоследняя сказка VI тома (непосредственно перед заключением, в котором Алалей и Лейла уже близки к цели их путешествия). Это сказка "Рожаница": "И неужели Русской земле ты судила Недолю, – и всегда растрепанная, несуразная, с диким хохотом, самодовольная, униженная и нищая будет она пресмыкаться, не скажет путного слова?"[63] Никола простит грехи Русской земле за непрерывные муки ее народа. Но заметим, что мольба о лучшей доле в "Рожанице" обращена к древней языческой богине. Это не случайно. От языческих мотивов VI тома Ремизов переходит к "Отреченным повестям", где подведет итог терзаниям сомневающейся души и разума – выстроит свою "модель" христианства. Но почему – "Отреченные повести"? Автор останавливается на этом названии для тома, так как апокрифы ("отреченные") – неканонические произведения на библейские темы[64] – созданы в народной, а не в официально-церковной традиции. В качестве источников сво-

их произведений Ремизов широко пользовался популярными духовными стихами, апокрифами (обращаясь к сочинениям А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонравова, А. В. Бессонова и пр.)[65]. Для писателя было важно создать вариант "народного христианства" – уже в "Крестовых сестрах", в образной структуре романа (Акумовна, Журавлева, Евгения Маракулина), просматривается ценностная ориентация на народную религиозность – в народных представлениях мирно уживались языческие и христианские верования. Что касается композиции собрания сочинений, то чем ближе автор к "народному" миросозерцанию, тем обильнее использование духовных стихов, легенд, фольклора и т.д. В "Отреченных повестях" уже нет произведений с самостоятельным сюжетом – только переработки. Становясь "транслятором" народного мировоззрения, автор оставляет для себя роль интерпретатора, рассказчика, сливаясь с предполагаемой аудиторией. Термин А. М. Грачевой "редакция" применим и в данном случае (исследовательница касалась в своей статье прежде всего стилизаций эмигрантского периода)[66].

В самой композиции VII тома – в "Отреченных повестях" также прослеживается движение – от соблазна – к твердой вере. Сам Ремизов рассматривал жанр апокрифа для выражения возможности показа душевной борьбы на пути к вере через "Русские апокрифы" (отреченные сказания): "Есть два рода сказаний: 1) канонические – все очень просто для нетребовательных, не над чем задумываться; 2) "отреченные" – для простой, чистой веры может выйти соблазн, беспокойство!"[67] Ремизов ведет читателя к Христу через препоны соблазна: том начинается притчей "Никола угодник" – судьба русского народа решается святым, пожалевшим русских. Итог этой притчи – спастись можно только твердой верой, и тогда возможно чудо (эпизод с гибнущими на море и спасенными благодаря молитве). В самом начале тома в этом произведении писатель вводит тему России – как центральную (хотя и использует затем известные библейские сюжеты). Затем следует несколько произведений, где утверждается всесилие чистой веры в Бога, порождающей чудо ("Иов и Магдалина"), а также говорится о неизменном

и вечном безумии плоти и бессмертии духа ("О безумии Иродиадином"), изначальном противостоянии Бога и Сатаны, где сразу же встает вопрос о правомерности благих целей: Адам отдается во власть Сатаны, чтобы избавить Еву от страданий, что обернется страшной мукой для всего человечества ("Попрание клятвы Адамовой"); о суде дел людских, вершащемся каждый день ("Мария Египетская"); о возможности осуществления праведного Суда только Богом – суд Илии Пророка оказывается слишком жестоким, гибнут невинные ("Гнев Илии Пророка"); о тщете земных радостей ("Властелин", "Притча Златоустого"); о преступнике, обратившемся в святого – еще один вариант (после "Пруда") блага через кровь ("Злоубийца"); о царе-язычнике, впоследствии крестившемся ("Царь Диоклетиан"); о зловещей языческой мистике, от которой можно спастись только верой в чудо ("Вещица"), – на этом круг замыкается: вера и только вера избавляет от земного зла. За этими притчами следует цикл "Страстей", заканчивающийся "Свегло-Христовым Воскресением". В "Страстях Пресвятыя Богородицы" Богородица предстает прежде всего страдающей матерью – не только распятого сына, но и – всего человечества: "Господи, прости им, они не знали, что сделали!"[68] Богородица – утешительница, заступница, символ всепрощения – писатель следует народной традиции и даже усиливает ее ("Хождение Богородицы по мукам", духовный стих "Михайло Архангел"[69]). Ремизов впоследствии создаст свой вариант "Хождения", где повествование закончится на фразе: "Хочу мучиться с грешными!"[70] Таким образом, исчезает мотив наказания неверующих в Христа. Такое понимание образа Богородицы прослеживается и в "Пруде", и в "Крестовых сестрах".

"Страсти..." – это последний порог, где преодолеваются сомнения на пути к Богу. Беседуя с И. А. Шляпкиным, профессором Петербургского университета и Археологического института, о "Страстях" А. М. Ремизов скажет: "Его смущают "Страсти Господни": ему показалось "Кощунство". Я понял, в чем дело, и попытался объяснить:

"Что это значит: "Тридневен во гробе?" Какое могло быть действо победителя Сатаны? Не человеческое "кощунство", а все, что в веках войдет в человеческую мысль – сомнения и душевный мятеж – будут разыграны демонами: смотрите: "Се царь ваш!" И в те же самые дни "природа" покажет свою власть, расправляясь по-свойски с трупом, пусть Божественным, но и человеческим, понимаете? Шляпкин не дурак, понял"[71].

Интересно в этом отношении письмо Ремизова к Вяч. Иванову от 22 марта 1907 г., где Ремизов объясняет свою правку уже готового текста "Страстей" (приводятся постраничные изменения и вставки) с тем, чтобы представить расправу "природы" над Божественным телом как "сатанинское наваждение", видимое, но – мнимое: "Дорогой Вячеслав Иванович! Сделал такие изменения: стр. 11 после слов: "ибо Сам Сатанаил пребывал там... воинством" прибавил: "Демонской силой Он отвел глаза человекам и всей подлунной, погрузил души их в бесовский сон, – и темный бесной сон сковал вселенную ужасными видениями." Далее пробел, которым и отделяются видения: "Вскинулись, всбросились бесы, совлекли со Христа плащеницу и т.д." стр. 15. Зачеркиваю: "видя без милости погибающий род человеческий". <...> Посылаю Вам в таком виде на Ваше усмотрение. Мне кажется, что теперь вполне ясно, что все это было сатанинское наваждение"[72]. (Правка была сделана для издания 1907 г. "Лимонарь, сиречь Луг духовный". Спб.: Изд-во "Оры", 1907 г.).

"Страсти Господни" – кульминация столкновения бунтующего сознания и верящего сердца. В своей статье о Достоевском Ремизов напишет: "Бунтующий человек не может быть счастлив... да и что ему делать со свободой!"[73] Та же мысль прозвучала раньше в "Слове о погибели...": "Хочу неволи вместо свободы, хочу рабства вместо братства, хочу уз вместо насилия"[74]. Этот отказ от бунта на пути к смирению является нравственным итогом – вершинной точкой восхождения авторской мысли, которая воплотилась в своей целостности в композиции собрания сочинений.

"Светло-Христово Воскресение" – апофеоз, торжество христи-

анства. Но нужно заметить, что гуманистическое мировоззрение Ремизова входило в противоречие с религиозной официальной традицией, где Бог – Высший судия – не только прощающий и милостивый, но и карающий, отделяющий праведников от грешников. Согласно утверждениям Н. Секей и Л. Силард, писатель тяготел к религии утешения и прощения для всех, ему ближе всего был апокриф Мармеладова: "гуманизм Ремизова сложился под сильным воздействием апокрифа Мармеладова о Господе, который "всех рассудит и простит, и добрых, и злых..."[75] Подтверждение этой мысли венгерских исследователей основывается на признании самого Ремизова, зафиксированного Н. Кодрянской[76]. И в VII томе гуманизм Ремизова входит в противоречие с утверждаемой им в притчах жесткой моралью: если в произведениях предыдущих томов писатель преисполнен жалости и к жертвам, и к палачам – для него они все "несчастные", то в притчах, расположенных вслед за "Страстями", перед нами предстанут характеры схематичные, а трактовка их канонически односторонняя – как и положено по морализаторским законам жанра. В притче "Козьма и Демьян" Козьма отрекается от своего последнего добра – и призрет Богом, а Демьян, копивший богатство долгие годы, остается один на пустой земле. Мораль ясна – приумножать следует дары духовные, а не земные. Но здесь нет того сочувствия к "слепому" Демьяну, которое так характерно для автора "Пруда".

"Рождество Христово" – излюбленный ремизовский сюжет из библейских времен осовременен введением персонажей совсем не библейскими – появляются Петька и его бабушка[77]. Вифлеемские события здесь спроецированы на современность. Концепция вечного повторения подвига Христа в этой части тома предстает в полном, логически завершенном виде. По сути дела развитие авторской мысли (от I к VII тому) заканчивается – безоговорочно декларируется неразделимость добра и зла – Богородица плачет и радуется одновременно (рождение Спасителя и гибель младенцев), горе неотделимо от радости – таков извечный миропорядок. Невольно совершают зло, сообщив Ироду о рождении нового царя,

волхвы – у Ремизова они появляются со "Студеного моря" (образ, перекочевавший из VI тома). Ремизов не только восстанавливает народную традицию, он "подправляет" ее, еще более русифицируя (явное несовпадение с Библией, где волхвы – жители восточных земель, а писатель "приводит" их с русского Севера)[78].

Содержание "Паралипоменона" – скорее иллюстративного характера. Притчи подтверждают основные положения христианской морали: высшая добродетель – пострадать за другого ("Чужая вина"). Греховность гордыни, тщета богатства, невозможность увидеть Бога без истинной веры в сердце ("Чаемый гость"). Воздаяние каждому по делам его, чудо, возможное лишь для верующих ("Пасхальный огонь"). Труд – пролог к праведной жизни "Золотой кафтан"), смерть – цель праведника ("Лигостай страшный"), наконец, возможность праведного суда над людьми тем, кому дано это знание от Бога ("Царь Соломон"). Царю Соломону и надлежит судить русскую землю. Начинался том с "Николы Угодника", а заканчивается ветхозаветной фигурой Соломона, которая автором введена в чисто русский контекст. (Писатель использует популярные в народной традиции сюжеты "Сулов Соломона"). В произведении "О безумий Иродиадином" смешались племена и народы, во дворце Ирода пляшут русские скоморохи, совершаются языческие обряды: "Полон дворец гостьми, битком набиты три терема.

Веселые люди, потешники – и звонкие **гусли гудут. Скоморохи, глумцы, кукольники.** И ловка и вертка **Береза-Коза** в лентах бренчит погремушками. <...> Осыпают, осевают зернами, кличут **весеннюю Плугу**, гадают. И на сивой свинке выезжает сам именинник, **синь-зеленый Овсень**"[79]. Авторский замысел такого обращения с библейским сюжетом раскрывается в примечаниях Ремизова к VII тому: "Главным и самым важным источником были для меня "Разыскания в области русского духовного стиха". (Акад. А.Н.Веселовского. Спб., 1883 г. ...)[80] Отсутствие Саломеи (Соломии) Ремизов объясняет тем, что "наш апокриф такой не знает"[81]. Автор излагает свою позицию достаточно откровен-

но: "Пьют и едят в Иродовом дворце по-русскому. Все обычаи при Иродовом дворце в корне р у с с к и е (разрядка А. М. Ремизова); не русские – иноземные вводятся для выделения Иродовой поганости – *чужеземства:* присутствие напр. византийских удонош (фаллофоры), немецких мартынов и т.д. Иродиада – панна: и за красоту свою панна и за свою п о г а н о с т ь. Царевны в святцах поминаются, царевны – русские; пускай же будет панною царевна Иродиада."[82] Теперь понятны тенденции "русификации" сюжетов источников – это не только стремление изложить народную "версию", но и стремление придать всему русскому ореол святости. VII том начинается "Николой угодником", заканчивается "Царем Соломоном", а в некоторых произведениях внутри тома ("О безумии Иродиадином", "Рождество Христово") внимание также акцентируются на национальных мотивах – вся структура тома скреплена раздумьями автора о судьбе России и ее религиозной миссии. Ремизов декларирует свои ценностные установки – русское маркируется знаком "+" и русская земля объявляется заповедной землей истинной веры – в данном случае мы имеем дело с позицией писателя, исповедующего особый путь развития русской истории с мессианским оттенком. Итак, размышления о путях к Богу у Ремизова разворачиваются в контексте национального. России отводится роль спасительницы мира, а разрушение русских национальных устоев равнозначно Апокалипсису. В "Крестовых сестрах" уже отчетливо просматривается богоизбранность "России-мученицы", гибнущей в хаосе надвигающегося Апокалипсиса, но при этом озаряющей своим духовным светом земную бездну.

Последний том собрания сочинений стоит несколько особняком. В нем собраны драматические произведения, расположены они в хронологическом порядке. Общей логики развития авторской мысли этот том не нарушает – в нем происходит окончательное убеждение читателя в чистоте и праведности "русской" веры.

Автор ведет нас привычным путем от "земного" к "небесному": разгул бесовщины, метания между Богом и Дьяволом ("Бесовское

действо"); неизбывная вина как изначальное бремя человек – и взятие на себя еще большей вины как жизненного выбора ("Трагедия о Иуде"); торжество истинной христианской ("русской") веры в образе Георгия Храброго ("Действо о Георгии Храбром"). Характерно, что в окончании "Действа о Георгии Храбром" поется духовный стих (в авторской обработке) о победе Святого Георгия над "поганым татарином" – поют этот стих юноши и девы вавилонские, славящие Георгия как мученика за русскую веру (!). Духовный подвиг этого героя (одного из самых популярных в народной религиозной традиции) венчает по существу всю религиозно-философскую конструкцию автора, отразившуюся в художественной системе собрания сочинений. Происходит возвеличивание России и ее народа как "богоносного".

С точки зрения художественных средств и традиций существенно, что автор тяготеет к распространенным и пользующимся любовью в народной среде памятникам и отдельным сюжетам (при этом придает материалу еще более "русский" колорит). В основу "Трагедии о Иуде" был положен вариант Сказания о Иуде Предателе, где сюжет о Иуде контаминируется с сюжетом о Эдипе (вариант, распространенный в апокрифической традиции)[83]. В этой связи хочется привести пример пересечения творческих интересов двух писателей, Ремизова и Волошина; в их внимании к неофициальным версиям сюжета о Иуде. С. С. Гречишкин и А. В. Лавров отмечают, что: "В 1908 г. Волошин работал над статьей "Евангелие от Иуды", оставшейся незаконченной (ИРЛИ, ф. 562). <...> "По учениям офитов, каинитов, манихеев. Иуда является самым чистым и самым посвященным из всех учеников Христа"[84]. Существует переписка между Волошиным и Ремизовым, в которой обсуждался образ Иуды[85]. По поводу художественной трактовки этого образа у писателей не было единства, но в данном случае важно то, что оба они (как и многие другие писатели этого времени) интересовались различными ересями, в которых видели проявление истинного народного духа (известен интерес в это время к сектантству, хлыстовству, старообрядчеству – см. А. Белого, А. Блока;

А. Ремизов в письме к А. Блоку пишет: "Очень вы меня илиодоровым братом заманили..." 19.Ш.1912 г. (Илиодор – сектантский монах-проповедник)[86].

Подведем итоги этой главы. Наличие авторского замысла при выстраивании композиции собрания сочинений 1910–1912 гг. очевидно. Движение от "земного" к "небесному" – является основным "стержнем" художественной конструкции ансамбля; налицо концепция "циклического времени", характерная для мифологического мировоззрения. Стремление к преодолению мира Хаоса проявляется в авторской гармонизирующей идее народного христианства. Ремизов создает свой "миф" – вариант этот сугубо национальный. Идеалы писателя связываются с духовным подвигом России (прежде всего, это отразилось в "Крестовых сестрах" – подробнее во 2-й главе). Своеобразие ремизовского "мифа" состоит также в дисгармоничности его: по сути дела произошел не синтез "земного" и "небесного" в последних томах собрания сочинений, а вознесение "небесного" над "земным". Земное так и остается "бездной плоти", прибежищем "слепых", или в лучшем случае – чающих прозреть высший свет. Снятие противоречий провозглашением религиозного аскетизма сближает Ремизова с манихейством, где дуализм земного и небесного был еще более выражен, нежели в официальном христианстве. Манихейство (богомильская ветвь) было известно на Руси,[87] был известен и богомильский миф о сотворении человека: "Дьявол создал тело человека, бог же вдохнул в него душу. Отголосок этого воззрения находится в нашей начальной летописи, от 1071 г., в которой читаем о том, как, по утверждению двух волхвов, был сотворен человек: "Бог мывся в мовнице (бане) и, вспотився, отерся ветхем (пучком соломы), и верже с небесе на землю; и распреся сотана с богом, кому в немь створити человека. И створи дьявол человека, а бог душу во нь вложи: тем же аще умреть человек, в землю идеть тело, а душа богу"[88]. По-видимому, влияние этого мифа в завуалированной форме отразилось в одном из снов Акумовны в "Крестовых сестрах" (сон о моющемся человеке).

Роман "Крестовые сестры" в композиции собрания сочинений играет важную роль – он представляет собой кульминацию развития авторской мысли, переломный момент поисков веры и истины, после него начинается восхождение к просветленному религиозному чувству. В этом романе также представлена уже сформированная концепция "мифа" в его национальном варианте. Определяющими моментами и для "Крестовых сестер", и для художественного замысла всего собрания сочинений становятся поиски веры, причем для Ремизова характерно слияние "детского" и "народного" мироощущения, народ для него – мудрый ребенок, обретший Бога. В "Крестовых сестрах" этот путь превращения из "спящего" ребенка в "прозревающего" (Маракулин) заканчивается лишь проблеском обретения истины и трагедией одиночества. Маракулин погибает в мире нарастающего абсурда – что же мог противопоставить автор миру зла?

Перейдем к рассмотрению поэтики "женского начала" как основополагающего, связанного с идеалами нравственного подвига. "Душа Мира" предстанет в ремизовской трактовке в образе "России-мученицы" в плену мирового Хаоса.

Примечания

1. *Shane A.* Remizov's Prud: From Symbolism to Neo-Realism // California Slavic Studies: VI. 1971. P. 71–72.

2. *Там же.* P. 82.

3. *Ремизов А. М.* Автобиография. Спб. 1912–1913. РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 1.

4. *Shane A.* A Prisoner of Fate: Remizov's Short Fiction // Russian Literature Triquarterly: IV. 1972. P. 315–316.

5. Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. Копенгаген, 1976. С. 30.

6. *Грачева А. М.* Научная конференция "Русский рассказ и литературный процесс начала XX в." // Рус. лит-ра. 1989. N. 2.

С. 250.

7. *Там же.*

8. О "Пруде" и "Неуемном бубне" в этой связи см.: *Данилевский А. А.* Функции автобиографизма в III-ей редакции романа А. М. Ремизова "Пруд" // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1988. Вып. 822. С. 121–157; о "Часах" см.: *Секе К.* Проблема обезличенности в повести А. Ремизова "Часы" // Dissertations Slavicae: XVII. 1985. С. 215–231.

9. *Келдыш В. А.* Русский реализм начала XX века. М., 1975. С. 267; Такой же терминологии придерживается и *Wieczorek A.* Wokol prozy neorealistow rosyjskich // Zeszyty naukowe. Filologia rosyjska: XXI. Opole, 1981. S. 36–41.

10. *Келдыш В. А.* Указ. соч. С. 267.

11. См. напр.: *Ремизов А. М.* Молитва // Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1904. С. 34–40.

12. *Андреев Ю.* Пути и перепутья Алексея Ремизова // Вопросы литературы. 1977. N. 5. С. 216.

13. *Секе К.* "Огонь вещей" А. Ремизова // Dissertations Slavicae: XVI. 1984. С. 159–171.

14. *Shane A.* A Prisoner of Fate... P. 302–303.

15. *Секе К.* Проблема обезличенности в повести А. Ремизова "Часы"... С. 230.

16. *Ремизов А. М.* Воспоминания. Всеобщее восстание (1917). РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 2, 3, 4, 18, 19.

17. *Грачева А. М* Древнерусские повести в пересказах А. М. Ремизова... С. 117.

18. *Ремизов А. М.* Письмо в редакцию. 29 августа 1909 г. // Золотое Руно. 1909. N. 7–9. С. 145–148.

19. *Грачева А. М.* Древнерусские повести А. М. Ремизова... С. 111.

20. Словарь литературоведческих терминов. М., 1974. С. 456.

21. *Данилевский А. А.* Mutato nomine de te fabula narratur // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1986. Вып. 735. С. 137–149.

22. *Там же.* С. 146; *Марков В.* Неизвестный писатель Ремизов // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus. 1987. P. 18.

23. *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 8 т. Спб., 1910–1912. Т. I. С. 93.

24. Цит. по: *Топоров В. Н.* О "Крестовых сестрах" А. М. Ремизова: поэзия и правда // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1988. Вып. 822. С. 121.

25. *Ремизов А. М.* Подстриженными глазами // *Ремизов А. М.* Неуемный бубен. Кишинев, 1988. С. 461.

26. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры. М., 1989. С. 11.

27. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. I. С. 124.

28. *Там же.* С. 165.

29. См.: *Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 132–137.

30. *Ремизов А. М.* О судьбе огненной. Стихи. Пг., 1918. С. 1.

31. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. I. С. 201.

32. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. VI. С. 212.

33. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. I. С. 212.

34. *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 82.

35. *Минц З. Г.* Вступительная статья к "Переписке А. Блока с А. Ремизовым" // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 74; *Ангелов Д.* Богомильство в Болгарии. М., 1954.

36. *Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 317–318.

37. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. II. С. 146.

38. *Там же.* С. 157.

39. *Там же.* С. 171.

40. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. IV. С. 56, 206.

41. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. V. С. 45.

42. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. II. С. 162.

43. *Данилевский А. А.* Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А. М. Ремизова "Пруд"... С. 121–157.

44. *Успенский Б. А.* Филологические изыскания в области славянских древностей. М., 1982. (О Николе Мирликийском в народной традиции).

45. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. II. С. 186.

46. *Там же.* С. 188.

47. *Там же.* С. 202.

48. *Там же.* С. 212.

49. *Там же.* С. 210.

50. *Секе К.* Проблема обезличенности в повести А. М. Ремизова "Часы"... 1985. С. 222.

51. *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1972. Т. 8. С. 323–324.

52. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. III. С. 150.

53. *Там же.* С. 16.

54. *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. IV. С. 272.

55. О "Снах" у Ремизова см.: *Келдыш В. А.* Указ. соч. С. 277.

56. *Данилевский А. А.* Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А. М. Ремизова "Пруд"... С. 149–151.

57. *Там же.*

58. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. IV. С. 203.

59. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia... С. 105.

60. Такая трактовка изложена в статье *А. С. Сваровской.* Проблема героя и среды в повести А. М. Ремизова "Крестовые сестры" // Художественное творчество и литературный процесс. Томск, 1988. Вып. 9. С. 47–58.

61. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. V. С. 230.

62. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. VI. С. 171, 178.

63. *Там же.* С. 237.

64. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. Л., 1987. С. 441–447. (Списки отреченных книг).

65. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. VII. С. 193–203 (автор. примечание).

66. *Грачева А. М.* Древнерусские повести в пересказе А. М. Ремизова... С. 110-117; см. также ее ст.: Структура патерикового рассказа и ее отражение в сборнике Ремизова А. М. "Бисер малый" // Мат-лы республ. конф. СНО Тарту, 1977. С. 66–76.

67. *Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 116.

68. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. VII. С. 126.

69. *Озаровская О. Э.* Бабушкины старины. Пг., 1916. С. 100–102.

70. *Ремизов А. М.* Звезда надзвездная. Париж, 1928. С. 69.

71. *Ремизов А. М.* Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 218.

72. *Ремизов А. М.* Письмо Иванову В. И. от 22 марта 1907 г. РГБ. Ф. 109. Карт. 33. N. 54. Л. 3–4.

73. *Ремизов А. М.* Огненная Россия // Пушкин. Достоевский. Пг., 1921. С. 147.

74. *Ремизов А. М.* Слово о погибели земли русской // Скифы. Пг., 1918. Сб. 2-ой. С. 197.

75. *Секей Н. – Силард Л.* Русская литература конца XIX – начала XX в. (1890–1917): В 2-х т. Budapest, 1979. Т. 2. С. 230.

76. *Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 82.

77. См. рассказ "Петушок": *Ремизов А.* Подорожие. Спб., 1913. С. 13–42.

78. Полная Библейская энциклопедия: В 4-х выпусках. М., 1891. С. 129.

79. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. VII. С. 28–29. (Здесь и далее п/ж выделено нами – Е. Т.)

80. *Там же.* С. 193 (примечания).

81. *Там же.* С. 194.

82. *Там же.* С. 194–195.

83. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 345–347.

84. *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Волошин и Ремизов // Волошинские чтения: Сб. научн. тр. М., 1981. С. 99, 100.

85. *Там же.* С. 92–104.

86. Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 101.

87. *Замалеев А.* Философская мысль в средневековой Руси. Л., 1987. С. 106.

88. *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1966. С. 30.

Глава 2

Поэтика "женственного" в романе "*Крестовые сестры*"

Отправным пунктом анализа текста романа является его символическая структура, когда автор, выстраивая сюжет, композицию, систему персонажей и т.д., ориентируется на высвечивание, выявление в мире видимой реальности знаков иного – высшего бытия, этими знаками становятся многочисленные фольклорные, библейские, литературные цитаты[1]. А. А. Данилевский отмечал, что "Крестовые сестры" написаны для трех типов читателей: "обычного","среднего" и "тонкого", – осведомленного в литературной жизни (в идеале – литератора), способного по разбросанным автором повести намекам дешифровать весь скрытый смысл актуальной повести"[2]. А. А. Данилевский имел, прежде всего, в виду вскрытие фактов биографии самого писателя и реальные события его круга, но то, что дешифровать нужно и систему художественных средств писателя, опираясь на материал литературной и фольклорной традиции (в самом широком контексте), несомненно. Прочтение произведения неподготовленным читателем, судящим

о нем без учета "игры" многочисленных цитат "чужого текста", как правило, приводит к упрощенному и даже искаженному пониманию романа.

А. А. Данилевский показал в своей статье, что реальность повседневности в "Крестовых сестрах" изначально моделируется писателем с точки зрения заданности "сверхреальности". Особый интерес представляет конкретное функционирование мотивов "чужого" текста в поэтике романа.

Так как проблематика "женственного" неразрывно связана с поисками нравственного идеала и является одной из основных в творчестве Ремизова, то прежде, чем перейти к непосредственному анализу текста романа, предлагается рассмотреть общие тенденции в трактовке женских образов в литературе начала XX в. и определить место раннего творчества Ремизова в этом контексте (обзор его прозы 1900-х – начале 1920-х гг.).

Как же обстояло дело в литературной традиции конца XIX – начала XX-го вв. с проблематикой, касающейся любви и роли женщины в семье и обществе? Л. Гинзбург отмечает для XIX-го в. романтически-христианскую окраску интерпретации этого вопроса: "Не только романтизм, но и весь XIX в. со всем позитивизмом, реализмом и проч. – стоял на том, что плотская любовь нуждается в отпущении. Иные, как поздний Толстой, считали, что ее ничем нельзя оправдать; большая часть полагала, что оправдать ее можно страстью или сродством душ, или деторождением..."[3]

В символистской традиции начала XX в. женская природа интерпретировалась двойственным образом: это и "Прекрасная Дама" и носительница "темного", "астартизма" по терминологии А. Блока. Идея спасения мира женщиной, идущая из Нового Завета ("Жена, облеченная в солнце") трансформируется в "Красоту, спасающую мир" Ф. Достоевского и Софию, "Мировую Душу" Вл. Соловьева. Однако в литературе раннего символизма нарастает звучание мотивов соблазна и дьявольского наваждения в любовной страсти, и хотя Вяч. Иванов позднее оправдал плоть с ее "дионисийскими восторгами", понимание "земной" любви как демони-

ческой долгое время сохраняется в творчестве А. Блока, А. Белого, а А. Ремизову, пожалуй, так и не удалось преодолеть этой концепции. Такая трактовка женского начала не нова – истоки ее в христианской идеологии Ветхого Завета (грехопадение Евы как первопричина страданий всего человеческого рода). Блоковские и брюсовские героини ряда стихотворений 1900-х годов – это обольстительные враги, а взаимное притяжение влюбленных – поединок, своеобразная дуэль: "Я вдруг заслышал жадный хохот, И змеи оплели меня... Но теплота чужого тела Меня объяла и прожгла. И в ужасе борьбы упорной, Меж клятв, молений и угроз, Я был опутан влагой черной Ее распущенных волос..." ("Прохожей", 1900 г.); "Мне кто-то предлагает бой В ночном безлюдье, Под шатром..." ("И снова ты, и снова ты...", 1900 г.) В. Брюсов; "Вползи ко мне змеей ползучей, В глухую полночь оглуши, Устами томными замучай, Косою черной задуши." ("Ушла, но гиацинты ждали...", 1907 г.); "Я ее победил, наконец! Я завлек ее в мой дворец!.. И обугленный рот в крови Еще просит пыток любви... Гаснут свечи, глаза, слова... Ты мертва, наконец, мертва! Знаю, выпил я кровь твою... Я кладу тебя гроб и пою. – Мглистой ночью о нежной весне Будет петь твоя кровь во мне!" ("Я ее победил, наконец...", 1909 г.) А. Блок[4]. Нужно отметить нередко повторяющийся образ змеи – в фольклорной традиции "змея" означает коварство, двуличие, зло, в библейской – это указание на изначальную женскую греховность. Земная страсть, как правило, связывается с гибелью, невольным убийством любимого существа. Символисты развивают традиции трактовки любви – ненависти Ф. Достоевского ("Братья Карамазовы", "Идиот", "Подросток"), страсти – поединка Ф. Тютчева: "Любовь, любовь – гласит преданье – Союз души с душой родной – Их съединенье, сочетанье, И роковое их слиянье. И... поединок роковой..."[5] При этом в начале века заметно меняется ситуация этикета: мужская активность и женская пассивность в процессе ухаживания сменяется все чаще противостоянием двух активных участников любовной "дуэли". Но блоковские и брюсовские инфернальные героини лишены авторского сочувствия, (в отличие

от таковых Ф. Достоевского и Ф. Тютчева), героини этих поэтов-символистов лишены ореола жертвенности.

Раздвоенность характера в поэтике символизма, ставшая хрестоматийной чертой структуры образа (двойники Ф. Сологуба, А. Белого, А. Блока и т.д.), в отношении женщины трактуется, с одной стороны, как вечный соблазн плоти, с другой – как небесная чистота и недосягаемость идеала "Вечно-Женственного". А. Белый в "Серебряном голубе" и "Петербурге" отразил эту двойственность, показав в то же время неотразимую притягательность женского начала, лишенного истинной духовности (проинтерпретировав таким образом свои отношения с Л. Д. Блок).[6]

А. М. Ремизов также разрабатывал проблемы любви и назначения женщины. Попробуем разобраться – в чем он шел вслед за классиками, в чем – примыкал к современникам, в чем – был ни на кого не похож. В его дореволюционной прозе ("Пруд", "Часы", "Крестовые сестры", "Ров львиный")[7] налицо резкое противопоставление "плоти" (мужского начала) и "духа" (женского) – это ясно прослеживается на примере взаимоотношений Николая Финогенова и Тани, Христины и Сергея, Евгении Маракулиной и Цыганова, Маши и ее мужа. У Ремизова женщина нередко становится жертвой чужой страсти – особенно это бросается в глаза в "Крестовых сестрах". Как правило, героини покорны судьбе, исключения редки. Можно вспомнить мстящую за поруганную юность Веру Вехореву, очень похожую на Грушеньку и Настасью Филипповну Ф. Достоевского. Но у Ремизова женский характер лишен двойственности, этот характер целен. Цельность во всем – и здесь возможны лишь крайности: либо святость, либо (что редко) – приверженность пороку. Мучениц и святых у Ремизова много. Первый это заметил А. В. Рыстенко[8]. Женщины-подвижницы Ремизова - героини "Крестовых сестер", "Странницы", "Сестры усердной"[9]. Те, кого автор образно называет "лице земное" (это относится, в первую очередь, к жене Боброва в "Пятой язве")[10], рожденные для земных страстей, изначально несчастны. Автор оправдывает их прегрешения, так как такая судьба не выбиралась

– она предопределена свыше. Об Иродиаде, потребовавшей голову Иоанна Крестителя и обреченной за это на вечную муку, говорится: "Красная панна, несчастная панна, Иролиада". О героине рассказа "Крестики": "Лживая, бездушная, обвораживающая змей, клянясь, она сама никогда не знала, куда – к кому ее потянет через минуту, кому она будет так же клясться, как мне сию минуту... Но в этом не ее вина, и воля ее ни при чем, такой пришла она в мир, такой зародилась со дня таинственного своего румянца"[11]. Автор жалеет и Павочку из одноименной повести, повинную в трагической судьбе ее поклонника, ведь ее легкомыслие – проявление слепой случайности самой судьбы: "...девчонка такая это обязательное постановление ваше обязательно нарушит, и просто так, и совсем не со зла нарушит... она вся открытая, и в этом смысле чиста, как чисто серебро разженное, нет, нарушит так, просто т а к с е б е. И ты ей хоть лобик ее пустой прошиби, что возьмешь? – толку не добьешься, она только горько заплачет... впрочем, на такую и рука не подымается..."[12]

Характеры мятущиеся, бунтующие, раздваивающиеся между Христом и Дьяволом, – у Ремизова удел сильной половины человечества (Нелидов, Маракулин). Самый типичный герой в этом отношении Николай Финогенов, в трактовке этого образа заметно влияние дилеммы Ивана Карамазова[13].

Остановимся на видоизменении традиции Ф. Достоевского в отношении мужского и женского характеров в творчестве А. Ремизова. У Достоевского мы встречаем и "положительно прекрасного" князя Мышкина и кристальную душу – мученицу Соню Мармеладову, героев, осененных светом жертвенной любви к людям. Двойственность, метания между соблазнами греха и гордыни, с одной стороны, и христианскими добродетелями, с другой, у Достоевского в одинаковой степени присущи и мужчине, и женщине. Хотя Ремизов и наследует идею женского мученичества, он чужд двойственности женского характера. Мотив любви-ненависти отсутствует у этого писателя. Вспоминая Достоевского, он однажды напишет об этом в своем дневнике 3-4 мая 1956 г.: "Понемногу воз-

никает образ – душа Достоевского до каторги. Горячо чувствовал разлуку, жертвенную любовь, и еще ту сторону любви, которой я в себе не находил – любовь-мучительство... Все стороны любви я чувствую, но мучительство для моего сердца непостижимо"[14]. Жертвенность для Ремизова – знак высшей интуитивной мудрости, доступной немногим. За конкретными людскими судьбами с их превратностями ему видятся вечные муки Христа и Богородицы – отсюда "подсветка" многих его произведений мотивами Рождества, Страстей Христовых, Хождения Богородицы по мукам. Богородица – нравственный идеал для Ремизова: "Молитва черного отчаянья, когда опускаются руки, последняя молитва: "Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Пречистая Дево, – честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим". И пусть не этим, другим словом, все одарено счастьем родиться на земле человеком, от мала до велика, праведного и грешного, молятся перед разверзшимся пространством, откуда веет теплом материнского милосердия"[15]. Таким образом, женское мученичество несет на себе печать божественного света, богоизбранности; истинная любовь лишена эротики, она направлена на всех. Женщине ближе такое понимание любви, нежели мужчине, так как ей дано изведать материнство, любовь-самоотречение. Такое понимание женщины Ремизовым не имеет ничего общего с ветхозаветным "сосудом греха". У него нет, как правило, подробных описаний привлекательной женской внешности, он акцентирует свое внимание на женской духовности.

Интерпретация земной страсти как дьявольской по происхождению предстает в творчестве Ремизова в различных аспектах – как трагедия женщины, подвергающейся насилию ("Пруд", "Крестовые сестры"), как сказочная пародия с большей долей юмора ("Что есть табак")[16], как кошмарный гротеск ("Соломония")[17].

В дореволюционной прозе Ремизова чаще всего используются три сюжетные схемы женской судьбы: неудачное замужество ("Пруд", "Покровенная")[18], неразделенная любовь (Вера Кликачева из "Крестовых сестер", Христина из "Часов", Татьяна Спири-

доновна из рассказа "Сестра усердная", героиня рассказа "Крестовая барышня")[19], жертва чужой страсти (Таня, Машка из "Пруда", почти все героини "Крестовых сестер").

Мужская любовь-страсть раскрывается Ремизовым в форме бунта, это попытка порыва к свободе назло предопределенной судьбе. Но свобода эта иллюзорна. Страсть для писателя – это стихия-наваждение, не самостоятельное чувство, а элемент дьявольской игры: "Николай делал то, на что его толкало, и не было мысли противиться завладевшей им силе..." ("Пруд")[20]. Вот характерное высказывание Нелидова из "Часов", где любовь приравнивается к уничтожению (столь знакомые нам мотивы любви-убийства в литературе начала XX в.): "Да, ты хотел всю ее, чтобы вся она была в тебе, твоею в полном смысле слова, неразделенною с тобою, неотвязываемою, неотщипаемою от тебя и не в каком-нибудь там механическом соединении с тобою, а химически как-то соединенною с тобою, потому что ты любил ее, действительно по-настоящему. А любить и не хотеть так овладеть любимым человеком невозможно. А овладеть так человеком и уничтожить его – одно и то же"[21].

Невозможность духовного единения и счастья в обычной жизни - фатальное одиночество становится повторяющимся мотивом женской судьбы. В повести "Странница" героиня находит успокоение в семье, но ее отношения с мужем раскрываются через призму религиозного смирения и жизни ради детей. Единство с любимым человеком возможно лишь в мечтах, грезах, галлюцинациях (рассказ "Мальвина"[22], финал "Занофы", "Крестовых сестер") или в соединении душ после смерти ("Павочка"). Невозможность супружеского счастья глубоко символична – частная жизнь приобретает значение мифологическое. Вл. Соловьев писал: "Основанием и типом этой истинной жизни остается и всегда останется любовь половая или супружеская"[23]. Таким образом, ощущение расколотости мира, нарастающего хаоса и абсурдности бытия проецируется на судьбу отдельного человека. Ремизов так вспоминал это время: "Одержимость "страхом гибели", такое было поветрие в Петербурге в 1906 г."[24] У Ремизова – невозможность соединения

любящих, это чаще всего невозможность соединения "земного" и "небесного". Подчеркивая страдания женщины среди грубых и низменных людей, автор не обвинял героев, подобных Цыганову, ведь, как сказано в романе, он – один из "слепых", к тому же, каким родиться человеку – предопределено свыше: "Одни живут, как звери, имея только шкуру, мясо, кости, кишки, другие мятутся и чают, третьи предстоят Богу"; "Рожденные в кожаной одежде не могут стать чающими, и чающим никогда в явь не откроется небо. Но трудами и жертвой каждый может дойти до своей грани: и восплакавшие звери восстанут к новой жизни чающими, и чающие – сынами духа, сыны же духа раскрыляются в меру своего подвига"[25].

Психологическая разработка характера, психологическая мотивация поступков, особенно тонко раскрываемая в ситуациях нравственного выбора Ф. Достоевским, сменяется у Ремизова мифологической мотивацией. У него это отражается в настойчивых библейских мотивах, проецируемых на человеческие судьбы. Есть лишь две крайние точки – путь к Богу и путь к Дьяволу, выбор по сути дела предопределен фатально.

Как можно заключить из сказанного выше, Ремизов во многом следует традиции Ф. Достоевского. Прежде всего, это выражается в верности идее женского мученичества, но при этом происходит схематизация, спрямление характеров. Что касается современников, соратников литературного окружения писателя, то Ремизов следует символике этого круга, вознося "Вечно-Женственное" на сияющую высоту. Для него был невозможен образ, подобный Софье Лихутиной из "Петербурга", – образ двойственный, в котором сконцентрировалась злобная ирония и желчная горечь автора. У А. Блока в его поэзии жили таких два полярно противоположных женских типа, как "Прекрасная Дама" и "Фаина", а в "Незнакомке", по мнению К. Чуковского соединились "Прекрасная Дама" и "падшая женщина"[26]. Для Ремизова эта двойственность и восприятие женщины как врага были не свойственны (здесь нужно учитывать и биографические моменты – глубокое чувство писателя к

жене)[27]. Женщина у Ремизова открыта свету небесного откровения. Новозаветную идею спасения мира женщиной этот писатель довел до логического конца. Он опирался и на фольклорные традиции в создании образа "России-мученицы", и "Душа мира" у него предстает в национальных "одеждах" – все это отразилось, прежде всего, в "Крестовых сестрах". Сама же концепция Вл. Соловьева, где "самый символ Софии, "Мировой души" служил прообразом человечества как всеединства"[28], трансформировалась у Ремизова из гармоничной философской модели в дисгармоничную, так как женскому – небесному – духовному у него не дано было соединиться с земным.

Перейдем к анализу романа "Крестовые сестры" в связи с пониманием Ремизовым проблематики "женственного". К началу XX в. одной из традиционных "мифологем" русской культуры становится "мифологема" о "женственной" душе России, подвергающейся насилию извне. Лучше всего эту идею изложил Н. Бердяев в своей работе "Истоки и смысл русского коммунизма": "...Это очень характерная легенда, свидетельствующая о женственной природе русского народа, всегда подвергающейся изнасилованию чуждым ей мужественным началом. Так народ воспринял и Петра"[29]. Подобные высказывания о Петре I встречаются у В. О. Ключевского[30]. (Отношения Н. Бердяева и А. Ремизова были довольно близкими: см. его письмо от 15 марта 1907 г. к М. А. Кузмину: "...Заходите к нам в субботу 17 марта часов в 5 дня. Вместе пойдем к Бердяевым обедать.")[31] Лекции В. О. Ключевского А. Ремизов слушал во время обучения в университете: из письма А. Ремизова к Г. Чулкову: "...не пропускал лекций Ключевского..."[32]. Поэтика "Крестовых сестер" всецело подчинена концепции "женственной души" России. Обратимся к роману и проследим отражение этой концепции в структуре текста.

1. Женские образы – портрет "России-мученицы".

Вера Кликачева, Анна Шиянова, Вера Вехорева, Верушка "чу-

дотворная", Акумовна, Журавлева, Евгения Маракулина – вся эта мозаика женских образов складывается в портрет русского женского типа: кроткой, покорной, всевыносящей и всепрощающей самой Руси (особо следует сказать о Вехоревой – о ней далее). Беды страны на протяжении всего ее исторического развития проецируются на отдельные женские судьбы и характеры: "Вера Николаевна не понимала и смотрела то на него, то на Анну Степановну, которая улыбалась, и было больно на душе за ее улыбку[33].

А Маракулину захотелось уж самому встать и тут же сейчас у одной глаза выколоть – эти потерянные глаза бродячей Святой Руси, оробевшей, с вольным нищенством, опоясанной бедностью – *боголюбским пояском*, все выносящей, покорной, терпеливой Руси, которая гроба себе не построит, а только умеет сложить *костер* и сжечь себя на *костре*. А другую задушить, чтобы перестала улыбаться, не было бы этой улыбки, из которой с каким-то наглым бесстыдством лезет в глаза всем и каждому смазанная *изнасилованная* душа, ей незачем жить, ей нечего ждать, ей нет места на земле!"[34]

Судьба Кликачевой – это судьба допетровской Руси (намек на самосожжения раскольников). Мотив изнасилованной души и тела настойчиво повторяется в романе (Верушка, Евгения Маракулина, Акумовна в юности). Все героини одиноки, кроме Маракулиной в период ее семейной жизни, когда она полностью посвятит себя детям. К. Чуковский, анализируя "Крестовые сестры", искренне и не без чувства юмора недоумевал – почему Ремизов так жесток со своими героинями[35]. Но этот известный критик подходил к произведению, не учитывая некоторых устойчивых мотивов символистской культуры, оказавшей в этот период большое влияние на Ремизова. В изложении К. Чуковского складывалась картина ненужного, тягостного натурализма, нагнетание кошмаров на тему "тяжелой жизни простого народа", – Ремизов же следовал символике своего круга: "Россия – Невеста – Жена – Мать"[36]. У него Россия чаще всего ассоциировалась с одинокой мученицей[37].

Песенный репертуар Кликачевой, живущей одновременно в про-

шлом и настоящем, (ее глаза "бродячей Святой Руси" и существование в Бурковом доме), представляет особый интерес. Анализ этого репертуара показал, что А. Ремизов в фольклорную традицию "истинной" Руси включает былину о "Встрече и поездке Ильи Муромца со Святогором"[38], скоморошины – "Чурилья-игуменья", "Игримище-Кологримище", песню об Усах-молодцах[39]. Кроме того, Кликачева поет интересную "старину" – в ней искусно обработаны известные былинные мотивы:

"Она пела старинным укладом и от ее *старин* веяло Древней Русью. Зачин она клала запевом **о семи турах** и матери их **турице**, как шли семь туров златорогих подле синего моря, и поплыли за синее море, и выплыли на славный **Буян** остров, и на Буяне встретилась им турица – мать их. И рассказали ей туры, как случилось им идти **мимо Киева**; мимо **божьей церкви** Воскресенской и какое видели они там чудо: выходила из церкви **девица**, выносила на голове **золотую книгу**, забродила по пояс в **Неву-реку**, клала книгу **на бел-горюч камень**, читала книгу и **плакала**. А турица толкует турам чудо-пречудное: девица – **божья мать Богородица**, а читала она книгу золотую –**Евангелие**, и читая, плакала – она слышит **невзгоду над Киевом, над всею Русью – Святорусскою**"[40].

То, что эта "старина" не является оригинальным текстом, ясно уже по современным вставкам. Работая над романом, Ремизов одновременно делал выписки для своего "Действа о Георгии", читал былины, песни, фольклористические труды (из письма А. М. Ремизова к И. А. Рязановскому: "...За это время я прочитал **Т. I и III т. Былин Григорьева**, теперь Ончукова читаю. Делаю выписки для действа о Георгии... Затем прочитаю Киреевского (он у меня есть) и перечитаю **Киршу. Гильфердинга** мне даст Аничков. <...> Начал рассказ из Петербургской жизни: Крестовые сестры..." 14 июня 1910 г.)[41]. Сюжет этой старины, по всей вероятности, является контаминацией сюжетных линий былин "Батыга и Василий Игнатьевич"[42] и "Туры"[43] (похожий вариант зачина – "Василий и Батыга" у А. Ф. Гильфердинга)[44]. Упоминание остро-

ва Буяна характерно для заговоров[45], бел-горюч камень – чаще всего символ испытаний, нередко гибели[46]. Самое темное место здесь – книга, которую девица (Богородица) несет на голове – на Руси ничего на голове не носили, это обычай восточный, в оригинальных текстах такого не было, ср.: "Выходила девица и слезно плакала, На руках держит книгу евангелье,...[47]"; "Лучилось итти турам да мимо славной Киев-град. Они видели – девица-то ходит, держит книгу-то евангелье...[48]"; "изза той стены городовыя Выходила девица-душа красная, Выносила она книгу евангелие...[49]"

Явное осовременивание "старины" – в упоминании Невы-реки – в знак того, что невзгода над всею "Русью – Святорусскою" продолжается. Выстраивая этот художественный ряд, писатель наслаивает христианские символы на языческие вслед за создателями былин, песен, где происходило смешение древней фольклорной традиции и более поздней христианской[50].

А. Ремизов использует средства фольклора для раздвигания временных рамок и для акцентировки тех или иных черт характера персонажа: "И туда уже занесется она, где уж всякие слова уравняются, всем словам пойдет один смысл – не клик провидящих, а вызов, жуткий крик о каком-то праве своем перебить, как сказывает старина, всю поднебесную силу, случись же кольцо в земле, повернуть всю землю вверх дном"[51]. "Кольцо в земле" – указание на былину об исцелении Ильи Муромца[52]. Вехорева, жаждущая бросить вызов судьбе, ассоциируется с древнерусским богатырем, но с ней, в отличие от фольклорного героя, не происходит чуда. Перекличка с фольклором включает современность в круговорот мифологического восприятия времени и вводит в повествование историко-философский подтекст.

2. История человечества в снах – "памяти" героинь

История человечества причудливым образом запечатлена в снах героинь. Речь пойдет об Акумовне и Адонии Журавлевой: "И днем

и ночью живет Акумовна, как живет и Адония Ивойловна"[53]. В снах Акумовны сохранилась "память" о ветхозаветных событиях: ее сон о *"рябом гаде"* и "поедании *ягоды*" - "...во сне она ест бруснику, большие гроздья с овечий хвост"[54]. Это поедание ягоды с упоминанием "гада" (слово, которым в народной речи называлась лягушка, ящерица и змея)[55] вызывает в памяти образ Евы. Ранее, в "Часах" Ремизов упоминает о "Голубиной книге"[56]. Расшифровать этот сон Акумовны можно лишь учитывая знание автором этого духовного стиха, в котором ветхозаветный сюжет получает свою трактовку: "А и жил Адам во светлом раю, Во светлом раю со своею Еввою А триста тридцать три годы. Прельстила змея подколодная, Приносила ягоды с едина дерева. Одну ягоду вскушал Адам со Еввою и узнали промеж собою тяжкий грех..."[57] А. Ремизов использует мотив "Голубиной книги", еще более русифицируя его – "змея" заменяется "рябым гадом", а "ягоды" винограда – "брусникой" (те же тенденции проявились при обработке сюжетов фольклора и древнерусских памятников в VII томе собрания сочинений). Похожий вариант народной обработки этого сюжета встречается у Аввакума, столь чтимого Ремизовым[58]. Вот этот фрагмент: "Она же, прослушав змии, приступи ко древу: взем грезнь (ягоду – Л. Л.) и озоба... смоковь красная, ягоды сладкие..."[59] Акумовна, которая ест бруснику, – русский вариант праматери Евы. Если вспомнить биографию Акумовны, ее детство и юность, проведенные в непроходимых лесах, населенных нечистой силой, то перед нами предстанет славянка древних времен, живущая в согласии с аграрными циклом увядающей и воскресающей природы: "Вспоминая Турий Рог и Сосну Гору, Акумовна нет-нет да и заметит и такое турийрогское и сосногорское, что, кажется, и в голову не придет на Бурковом дворе.

– Теперь, – скажет, – рожь уж готова, слава богу! – и перекрестится: – Дождь не хорошо"[60].

В то же время она – "божественная" и "юродивая"[61]. Акумовна – образ многозначный, являющий собой отражение народного религиозного сознания. Ее "Хождение по мукам" лишь названи-

ем напоминает "Хождение Богородицы по мукам". Рыстенко первым заметил это, указав, что Акумовское "Хождение", скорее, - вариант распространенных "Хождений на тот свет"[62]. Например, мотив "горькой чаши" (в "Крестовых сестрах" - причащение Акумовны из рук Дьявола) сближает этот фрагмент текста с мотивами "Хождения на тот свет Феодоры" из Жития Василия Нового: "и посих налиявши чашу, ...и даст ми испити... толь бе горько, яко в той час, отторже ми душу..."[63] К образу Феодоры Ремизов обратится впоследствии при написании "Соломонии"[64]. Фрагмент сна Акумовны о "трех лицах на горе, одетых в светлое" - скорее всего травестированная картина Преображения (Евангелие от Матфея, Марка)[65]. Своеобразная интерпретация акумовского сна есть у С. Аронян, но относиться к ее исследованию в данном случае нужно с учетом того, что сны анализируются ею с фрейдистских позиций, а у А. М. Ремизова чрезвычайно важен религиозный подтекст, фольклорные символы[66].

Несомненна связь образа Акумовны с образом Богородицы - на это указывает акумовское высказывание: "Обвиноватить никого нельзя!"[67] В первой главе говорилось о том, что в народной традиции Богородица наделялась чертами заступницы грешников перед Богом (напр.: "Певица рассказывала прозой, что Богородица не могла усидеть на престоле, сорвалась с престола, содвинула гору с горой и засыпала песками огненную реку, чтобы спасти грешников")[68]. Акумовна совмещает в себе черты казалось бы несовместимые - Евы и Богородицы. Ее "юродивость" (стремление пойти к царю нагой просить защиты и сказать ему правду - восходит к средневековому институту русского юродства[69]) вносит новый нюанс в восприятие образа. Юродивые - порождение неофициальной церкви, хотя некоторые были потом канонизированы[70]. По сути дела, Акумовна исповедует не каноническое христианство, а "народное". [71]. В снах Акумовны отразилось несколько временных срезов - от времен ветхозаветных до современности. Значение этого образа заключается в освобождении писателем человечества от вины за "первородный грех" с помощью "гласа народного",

так как человеческая природа неизменна, а история развивается по принципу "вечного повторения".

Сны Журавлевой также связаны с проблемами религиозного сознания (мотивы старообрядчества), но эти мотивы приобретают пародийный смысл, когда автор рисует картины посещения Журавлевой "старцев" и "братцев"[72]. Упоминание в одном стилистическом ряду "старца Кабакова" (фамилия которого недвусмысленно указывает на стихию "низкого") и "Фомы Скопинского", "сжегшегося на костре"[73], разрушает торжественный стиль старой Руси – современность предстает наводненной "слугами антихриста", – самозванцами и откровенными шарлатанами от религии. По происхождению Журавлева – поморка, места ее детства – места проживания первой волны старообрядчества. Упоминание "кораблей" в контексте севернорусской культуры в совокупности с символами осквернения веры ("Ящерицы на иконах")[74] можно понять как указание на знаменитый сон Аввакума о кораблях[75], где "корабль" – символизирует судьбу человека в житейском море, а назначение человека – достойно претерпеть уготованные ему муки. Но Журавлевой не удается понять загадочную фразу Параши – истина старой, "настоящей" Руси от нее ускользает. Если современность предстает кощунственным искажением прошлого, то само прошлое окрашено в идиллические тона: "Ей снится ее родина, родные реки - Онега-река, Двина-река, Мезень-река, Печора-река, и тяжелая парча старорусских нарядов, белый жемчуг и розовый *лапландский*, киты, тюлени, лопари, самоеды, сказки и *старины*, долгие зимние ночи и полунощное солнце, Соловки и хороводы"[76]. О счастливом (несбыточном) будущем Журавлева мечтает как об освобождении от горя – и уразумении загадки о кораблях (то есть мечтает о возвращении в прошлое с его "истинной" верой). По сути дела, ее мечты о золотом веке, о райском существовании без мук, это не просто блаженное прошлое – это прошлое мифологическое: "Адония Ивойловна между тем на богомолье двинулась, – поехала она в Иерусалим, где демьян-ладон вон не выходит и горят свечи неугасимые: Там омоется она в Иордан-реке, оботрется

плакун-травой, и спадет с нее, как еловая кора, все ее горе – горесть вся и слезы, уразумеет она *корабли* Парашины, и не будет земля уходить и обваливаться на могиле ее мужа на Смоленском"[77]. Плакун-травой в "Голубиной книге" утиралась Богородица[78], а еловая кора, спадающая с героини, – заимствование из духовного стиха о Георгии Храбром: "Потом взял своих сестер, привел их к Иордан-реке и велел им умыться и окреститься: "камыш-трава с них свалилася и еловая кора опустилася"[79]. В стихе о Георгии Храбром "еловая кора" – символ язычества, а в значении горя, болезни "еловая кора" встречается в одном из сказаний о Святогоре: "Призадумался богатырь, поехал в поморское царство и нашел девицу во гноище: тело у ней точно кора еловая. Поднял свой острый меч, ударил ее в грудь и уехал. Очнулась девица – а еловая кора с нее спала, и сделалась она красавицей невиданной и неслыханной"[80]. Но упоминание об Иордан-реке и религиозный контекст трактовки образа Журавлевой позволяет говорить о заимствовании мотива именно из стиха о Георгии Храбром.

Итак, спасение – в утраченной вере, в идеализированном прошлом. Будущего нет, краткий миг райского блаженства сменился вековыми муками обреченного человечества. Но почему внимание А. М. Ремизова привлекает именно **мученица-женщина?**

3. Женское – пассивное – горнее

Героиня, мученичество которой достигает апофеоза в сцене собственной казни, – Евгения Маракулина. Кресты, которые она наносит бритвой на собственном теле, – своеобразный "женский вариант" крестных мук Спасителя. Но почему автор для духовного подвига избирает женщину? Ведь в "Пруде", своем раннем романе, Ремизов "проигрывает" библейский сценарий" в более привычном ракурсе (о.Глеб и Николай Финогенов[81]). Евгения Маракулина, которой, как и матери Боброва в "Пятой язве", дано особое зрение и все понимающее тонко чувствующее сердце, не создана для

грубой земной жизни. Насилия, совершаемые над ней, – действия людей слепых, покорных злой силе: "А делали они то, что хотели, не потому, что лежало плохо, они делали все, на что их *слепых* бросало"[82]. Евгения – зрячая, живущая жизнью духа, берет на себя огромное бремя вины, "грехи мира" – безропотно претерпевает муки и пытается казнить себя (сцена в церкви)[83]. Маракулина изображена блаженной, мученицей в традициях народной культуры (ее нагота и юродство). Насилие, которому подвергаются героини романа, может трактоваться двояко: в мифологическом – завоевание "Святой Руси" другими народами, в религиозно-философском плане на уровне антитезы мужского и женского начал как активного, телесного, бесовского – пассивному, духовному, божественному. Ремизов вообще склонен любые попытки активного вмешательства в жизнь и ее переустройства истолковывать как дьявольское наваждение (попытки изменить миропорядок, положенный от Бога, кощунственны, человек должен кротко нести "свой крест"). Одно из проявлений этой активности – телесная страсть, но активные действия – лишь видимость. В романе это подчеркнуто покорностью насильников внешнему злу (употребление пассивной формы глагола). Надо сказать, что спор об "активности" и "пассивности" имеет давнюю философскую традицию, и Ремизов отчасти встраивается в нее, – это спор иосифлян с нестяжателями.[84].

Мужское начало представлено автором как слепая стихия – страсть в христианской идеологии традиционно связывается с властью Дьявола. У Ремизова женщина, страдающая от этих страстей, внутренне далекая от них, терпящая муки, умеющая отречься от себя во имя других (Евгения Маракулина – идеальная мать) – изначально ближе к Богу, чем мужчина, которому нужно изжить в себе природное разрушительное начало, чтобы возвысить свой дух.

В "Крестовых сестрах" образы героинь скорее "бестелесны", а "поруганная красота"[85] у Ремизова – поруганная душа. Вот описание внешности героинь романа (Вехоревой, Кликачевой): "Гибкая, тонкая и легкая, как перышко..."; "Вера Николаевна худень-

кая, такая худенькая барышня, что страшно за нее становится, и особенно, как просидит она ночь за книгою. Из чего только жив человек: ни кровинки в лице..."[86] Ни слова не сказано о женской привлекательности Евгении Маракулиной, страдающей от фатального мужского преследования, подчеркнута ее утонченная духовность: "И все ее трогало и мучило, не было у ней равнодушия, и была необыкновенная жалостливость и сочувствие, каждому помочь готова была. И ее любили за это..."[87] Очевидна перекличка Ремизова с Вл. Соловьевым и его предшественниками: "...представление о Красоте как глубинной сущности мира (ближайшим образом восходящее к идеям Шеллинга <...> Гете и Софии Вл. Соловьева) его высшей ценности и наиболее активной преображающей силе бытия..."[88]

Таким образом, в интерпретации "Вечной Женственности" в романе Ремизова особым является акцент на женской духовности в противовес мужской "телесности" и обостренное чувство обреченности ("поруганная" женская душа). Если учитывать распространенную идею о "Женственной душе" России, то настойчиво проводимая писателем мысль о женском начале как "горнем" – представляет собой намек на богоизбранность Руси, ее особую историческую роль.

Свет "Вечно-Женственного" озаряет земной хаос, но Ремизов в образе Вехоревой ("Современной России") показывает опасность гибели России, которая наделена высшей благодатью озарять мир божественным светом. Ремизов живописует трагическое будущее родной страны.

4. Судьба России – пророчество гибели

А. Ремизов ясно указал на приближающуюся катастрофу национальной гибели на примере судьбы Вехоревой. Эта женщина, которую снедает желание отомстить за поруганную юность сильным мира сего, в конце концов опускается все ниже – и (мистический

финал) превращается в призрак. Судьба ее напрямую связывается автором с судьбой страны. Рассмотрим следующий фрагмент текста – встреча Маракулина и Веры в ее квартире на Мойке.

"Верочка жила в меблированных комнатах на Мойке...

И какой-то всюду канареечный цвет: желтые подушки, желтые ширмы, все было *желтое*.

Маракулин, разыскавший наконец Верочку, в прихожей еще сообразил, что Верочка тут не по собственному выбору, а кто-то поселил ее в эту меблированную желтую квартиру. <...>

...Вместо Вакуева ей один важный старик покровительствует и эту квартиру для нее снял, и для него она **фамилию переменила**, фамилию ей переменили: **Варягинский важный, при дворе бывает**. <...>

...Да, она покажет себя, ее имя прогремит на всю Россию, на всю Европу – на весь мир. ...Надо уметь лгать и деньги, *лгать и деньги* – вот что надо. <...> ...А положит старик на ее имя капитал, будут у ней деньги, тогда... <...>

...И бросилась она показывать свои наряды... и уж один пестрый ворох шелковый и кружевной вырос между желтых диванов как **черная гора на Бельгийском дворе**...

На одну минуту у Маракулина непреодолимо поднялось желание взять спичку, чиркнуть и поджечь, чтобы все уничтожить, весь ворох, всю гору, и эти желтые диванчики, желтые ширмы, желтый абажур, желтые подушки, все подарки.

Верочка схватила с этажерки маленькую бронзовую **черепаху**, протянула ему, желая, должно быть, подарить эту бронзовую черепаху...

...Да, она сама знает, тут ничего ее не было. А чужие вещи нельзя дарить... Тут старик – хозяин, Варягинский... всякий, у кого деньги, ...и чем больше даст, тем главнее будет. У ней все опоганено, все охватано, ...все в ход пущено, все оплевано"[89].

Бросается в глаза настойчивое повторение желтого цвета. Слово "желтый" дается авторским курсивом и повторяется много раз. Желтый цвет в культурной традиции того времени имеет несколь-

ко значений: это знак "восточной опасности", знак наступления желтой пустыни на плодородные поля и леса, истолкованный как один из провозвестников общей восточной угрозы[90]. Символика желтого цвета таким же образом будет использоваться А. Белым в "Петербурге"[91]. Желтый цвет – это цвет Петербурга Ф. Достоевского с его тяжелой, давящей атмосферой грязных туманов. Очевидна и распространенная ассоциация – "желтый билет". Наконец, желтый цвет – это цвет архитектуры Петербурга как столицы империи (царский штандарт с двуглавым орлом, где фон был желтого (золотого) цвета)[92]. Эта символика желтого цвета была общеизвестна. Но, возможно, имеет смысл отметить еще один аспект: желтый цвет ("рудо-желтый") был знаком любовного свидания ("Реестр о цветах и мушках")[93] – так как свидание Маракулина с Вехоревой оказалось для главного героя столь печальным, а сам он – в роли отвергнутого, то желтый цвет помимо своей общей символики гибели, опасности, заката разваливающейся империи, приобретает частный подтекст потери любви и веры, где судьба героя неотвратимо включена в судьбу страны и мира.

Следующий момент – желание Веры возвыситься и "прогреметь" на весь мир. Кроме указаний на конкретные события того времени (гастроли Дягилева в Париже[94]) можно увидеть параллель с размышлениями Вл. Соловьева по поводу развития страны в духе упорной самобытности: "Для народа, имеющего такие великие природные и исторические задатки, как русский, совсем неестественно обращаться на самого себя, настаивать на своем национальном, еще хуже – навязывать его другим, – это значит отказаться от истинного величия и достоинства, отречься от себя и от своего исторического признания"[95]. Знаком бессмысленного упорства становится и новая фамилия героини – Рогова (у Даля одно из значений слова "рог" – "киченье, надменность... у нас рога всегда означали (как и в церков. языке) моготу или гордыню, киченье, упорство")[96].

Вера гибнет, продаваясь, – Ремизов видит угрозу русской культуре в распродаже ее – в прямом и переносном смысле этого сло-

ва. Ведь Вере покровительствует **Варягинский**, который "бывает при дворе" – подтекст не оставляет сомнений (варяги, приглашенные на царство, – Россией продолжают править чужаки). Подарки и вещи Вехоревой, сваленные в кучу между диванами, выглядят зловеще в сравнении с горой угля на дворе Бельгийского общества (ср.: "Когда на дворе Бельгийского общества появляются черные люди, и ровно каторжники, один за другим везут с Фонтанки черные тачки с каменным углем"[97]. Параллель "гора угля – гора вещей" подчеркивает неволю Веры, она родная сестра "черным людям", ведущим тягостное существование рабов. Ее легкая жизнь – лишь видимость.

Желание Маракулина сжечь весь этот тряпичный ворох вместе с желтой мебелью глубоко символично – огонь в его очистительной функции нередко фигурирует в творчестве Ремизова (см. гл. I).

Бронзовая черепаха в руках героини – также многозначительная деталь. Во-первых, согласно Библии, черепаха – животное нечистое[98] и нерусское, во-вторых, у В. Даля это слово производится от слова "череп"[99]. Весь текст романа пронизан мотивами гибели – уже в самом начале повествования дается описание смерти жены Глотова (падение из окна, разбитый **череп**), предвещающее такой же конец главного героя (это отмечает в своей статье В. Н. Топоров[100]). Следует заметить, что убийство жены Глотовым – это усиленный мотив изгнания жены Стратилатовым в "Неуемном бубне", где он сталкивает ее с крыльца, и – аллюзия на "Кроткую" Ф. Достоевского (способ самоубийства героини, вина ее мужа).

Эпизод с черепахой опять-таки напоминает о "желтой опасности" и символизирует гибель обоих героев.

Но не только у Вехоревой – у остальных обитателей черного хода Буркова дома тоже возникает мечта о Париже. У одних (Сергей Дамаскин) – это желание прославиться, у других – мечта о земле обетованной, земном рае, кроме того, Париж – символ западной цивилизации. Возникает один из возможных вариантов "спасения" России: "Разговор шел о дамаскинской театральной заграничной

поездке, в которой сам Сергей Александрович видел чуть ли *не спасение России.*

По его словам, Россия, задыхающаяся среди всяких Раковых, Лещевых, Образцовых, Ледневых, Бурковых, Горбачевых и Кабаковых, впервые своим искусством покажет себя *городу великих людей – сердцу Европы* – Парижу и победит"[101].

Желание "победить" связывалось с достижениями русского искусства, но А. Ремизов показывает, что заграница предстает в мечтах людей именно раем, где все получат недостижимое счастье. Утопичность этой мечты не столько в отсутствии денег на поездку, сколько в несбыточности надежд, с нею связанных: "Там, где-то в Париже, Анна Степановна найдет себе на земле место и подымется душою и улыбнется по-другому"[102].

"...И там, где-то в Париже, ...найдет Маракулин потерянную радость."[103]. Стремление обрести счастье **за границей** неожиданно предстает в зловещем свете – в разгаре всеобщей эйфории Акумовна вспоминает о смерти: "А наш Турийрогский батюшка хороший был, великий покаянник, отец Арсений, – вспомнила вдруг Акумовна, – перед смертью своей встал и спрашивает: "Готовы лошади?" – "Какие, батюшка, лошади?" – "Да ведь я, только что молодых повенчал, на свадьбу меня зовут за границу ехать!" Да и помер"[104]. В тексте возникает ассоциация – "заграница – смерть". Таким образом, разрушаются мечты о возможности земного рая с помощью западной цивилизации. Земная жизнь – всегда юдоль скорби, а блаженство праведных – за чертой земного существования.

Обобщить вышесказанное можно следующим образом: Россия – это вечная мученица, которой грозит постоянная опасность иноземного завоевания, судьба ее – судьба страны богоизбранной, носительницы "Души Мира" (включение России в мировую историю дается через библейские реминисценции). На подобные взгляды писателя указывает и "маркировка" "женственного" как духовного, а мужского – как дьявольского. Понимание роли России как земли истинной веры (вспомним, что Ремизовым все "иноземное"

отвергается как "поганое") – подтверждает именно такую интерпретацию автором идеи "русской души". Писатель показывает гибельность перспективы западного пути развития ("Париж" в мечтах персонажей). В образе Веры Вехоревой предстает новая, современная "петербургская" Русь, со всеми ее бедами и горестями (Вехорева – Варягинский). Характерно, что Вехорева, родившаяся на юге, воспитывавшаяся в Москве, гибнет в "немецком, голландском" Петербурге, превратившись в призрак. Участь, пророчимая раскольниками Петербургу, которому "быть пусту", предсказывается Ремизовым самой России.

Идеалом подвижничества с его очищающим душу страданием становится образ Евгении Маракулиной. Но образ этот (как и "Ева-Богородица" – Акумовна) не укладывается в рамки официального христианства. А. М. Ремизов синтезирует свой вариант "народного христианства", сплавляя христианские и языческие символы, не погрешив при этом особенно против народных религиозных верований. Эта попытка писателя создать образец "народного" религиозного сознания представляет собой авторский вариант "соборности", единого храма веры, где могли бы духовно слиться все сословия обширной России. При этом писатель использует наиболее популярные произведения фольклора и древнерусской литературы для воссоздания духовного "слоя" истинной допетровской Руси (реликтом ее является, по его мнению, Русский Север). Этими художественными задачами объясняется обращение к былинам, скоморошинам, песням. Религиозная народная традиция реконструируется посредством апокрифов, духовных стихов. И фольклорный, и апокрифический материал автором обрабатывается – он "русифицируется" и "обновляется" – древняя традиция вливается в современную, и при этом в еще более "народном" обличье (идея реконструкции "народного мифа").

Забвение же устоев старой Руси (см. напр. "сны" Адонии Журавлевой) приводит к воцарению Хаоса. Россия – "Душа Мира" становится пленницей земного зла. Земная жизнь как дьявольская игра, где все перевернуто с ног на голову, – такое мировоззре-

ние писателя определяет его художественные задачи в изображении жизни человека как нелепой и бессмысленной смены событий.

Примечания

1. О "цитации" см.: *Минц З. Г.* О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1979. Вып. 459. С. 94–97; ей же принадлежит термин "чужой" текст.

2. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1987. Вып. 748. С. 104.

3. *Гинзбург Л.* Три фрагмента. Заметки о прозе // Родник. 1988. N. 9. С. 72–73.

4. *Брюсов В.* Стихотворения. Уфа, 1973. С. 99, 55; *Блок А.* Сочинения в одном томе. М.; Л., 1946. С. 150, 178–179.

5. *Тютчев Ф. И.* Лирика: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 142.

6. *Долгополов Л. К.* Александр Блок. Л., 1978. С. 54.

7. *Ремизов А. М.* Ров львиный. 1910-е. РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 93 (1–3).

8. *Рыстенко А. В.* Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса, 1913. С. 31.

9. *Ремизов А. М.* Странница. Повесть. Пг., 1918; *Ремизов А. М.* Сестра усердная // *Ремизов А. М.* Среди мурья. М., 1917. С. 13–20.

10. *Ремизов А. М.* Пятая язва // *Ремизов А. М.* Подорожие. Спб., 1913. С. 73.

11. *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 8 т. Спб., 1910–1912. Т. VII. С. 32; *Ремизов А. М.* Крестики // Книга. Сб. 2-й. Пг.; М.; Киев, 1920. С. 48.

12. *Ремизов А. М.* Павочка // *Ремизов А. М.* Весеннее порошье. Спб., 1915. С. 174.

13. *Данилевский А. А.* Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А. М. Ремизова "Пруд" // Уч. зап. Тартус. гос.

ун-та. 1988. Вып. 822. С. 147.

14. *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 289.

15. *Там же.* С. 86.

16. *Ремизов А. М.* Что есть табак. Гоносиева повесть. Спб., 1908.

17. *Ремизов А. М.* Соломония // Рус. лит-ра. 1989. N. 2. С. 119–130; *Пигин А. В.* Повесть А. М. Ремизова "Соломония" и ее древнеруский источник // Рус. лит-ра. 1989. N. 2. С. 117.

18. *Ремизов А. М.* Покровенная // *Ремизов А. М.* Подорожие. Спб., 1913. С. 157–182.

19. *Ремизов А. М.* Крестовая барышня // *Ремизов А. М.* Шумы города. Ревель, 1921. С. 154–159.

20. *Ремизов А. М.* Собр. соч.: Т. IV. С. 315.

21. *Ремизов А. М.* Собр. соч.: Т. II. С. 100.

22. *Ремизов А. М.* Мальвина // *Ремизов А. М.* Шумы города. Ревель, 1921. С. 152.

23. Цит. по: *Ермилова Е. В.* Теория и образный мир символизма. М., 1989. С. 46.

24. *Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 288.

25. *Ремизов А. М.* Gloria in excelsis // Скифы. Пг., 1918. Сб. 2-й. С. 182, 184.

26. Цит. по: *Крохина Н. П.* Мифопоэтизм А. Блока в контексте символистского мифомышления // Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1990. Т. 49. N. 6, С. 522.

27. *Резникова Н. В.* Огненная память // *Ремизов А. М.* Неуемный бубен. Кишинев, 1988. С. 577–578; *Шаховская З.* Отражения. Из книги // Наше наследие. 1990. Вып. I (13). С. 88.

28. *Соловьев В. С.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 108, 131–132.

29. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 109.

30. *Ключевский В. О.* Соч.: В 8 т. М., 1956. Т. 4. Ч. 4. С. 225–226.

31. *Ремизов А. М.* Письмо к М. А. Кузмину. РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 3617. Подробнее см. об этом: *Ремизов А. М.* Встречи.

Петербургский буерак. Париж, 1981; Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к Маделунгу О. Копенгаген, 1976. С. 125.

32. *Ремизов А. М.* Письмо к Г. Чулкову. РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед.хр. 46. Л. 14–15.

33. Вспышка жестокости Маракулина по отношению к героиням, терпеливым к страданиям, и жалкая улыбка Анны Шияновой – сюжетный ход, заимствованный из "Записок из подполья" Ф. Достоевского ("жалкая, искривленная, ненужная улыбка" Лизы).

34. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры. М., 1989. С. 68–69. Здесь и далее в цитатах сохранен курсив А. М. Ремизова.

35. *Чуковский К.* Психологические мотивы в творчестве Алексея Ремизова // *Чуковский К.* Критические рассказы. Кн. I. Спб., 1911. С. 160–162.

36. *Белый А.* Памяти Блока // Лит. наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 3. С. 829.

37. *Минц З. Г.* Вступительная статья к "Переписке А. А. Блока с А. М. Ремизовым" // Лит. наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 72.

38. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: В 3 т. Спб., 1910. Т. 3. С. 619–620.

39. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 199, 176, 216.

40. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 47.

41. *Ремизов А. М.* Письмо И. А. Рязановскому. РНБ. Ф. 634. Оп. I. Ед. хр. 31. Л. 9.

42. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. М., 1910. Т. 2. С. 410–411.

43. Архангельские былины и исторические песни... Т. I. С. 117–118.

44. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. В 2 т. М.; Л., 1938. Т. 2. С. 255.

45. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. Избр. статьи. М., 1982. С. 115.

46. *Новичкова Т. А.* Путешествие Василия Буслаева в Иерусалим // Русский фольклор. М., 1989. XXV. С. 9–13.

47. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым... Т. 2. С. 410.

48. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом... Т. 2. С. 255.

49. Архангельские былины и исторические песни... Т. I. С. 117.

50. *Порфирьев И.* История русской словесности. Ч. I. Казань, 1870. С. 33.

51. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 49.

52. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни... С. 304; *Порфирьев И.* Указ. соч. С. 50.

53. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 30.

54. *Там же.*

55. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1956. Т. I. С. 340.

56. *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. II. С. 34.

57. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 92–93.

58. *Ремизов А. М.* Подстриженными глазами // *Ремизов А. М.* Неуемный бубен. Кишинев, 1988. С. 503–505.

59. *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 66–67.

60. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 60.

61. *Там же.* С. 30, 31, 61, 105, 121.

62. *Рыстенко А. В.* Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса, 1913. С. 45.

63. Житие Василия Нового. Собрание рукописей Института истории Сибирского отделения РАН. N. 4/80. Л. 19.

64. *Пигин А. В.* Указ. соч. С. 116.

65. Библия. Евангелие от Матфея. Гл. 17. Ст. 1, 2; Евангелие от Марка. Гл. 9. Ст. 2, 3.

66. *Aronian S.* The Hidden Determinant: Three Novels of Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 153–154.

67. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 29-30.

68. Михайло Архангел. // *Озаровская О. Э.* Бабушкины старины. Пг., 1916. С. 100–102 (из репертуара Кривополеновой М. Д.).

69. *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Указ. соч. С. 92–93.

70. *Там же.* С. 72–153.

71. О концепции двоеверия см.: *Афанасьев А. Н.* Народ – художник. М., 1986. С. 131; *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

72. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 26–27.

73. *Там же.* С. 27.

74. *Там же.* С. 28.

75. *Адрианова-Перетц В. П.* Поэтические очерки стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 46–47; Нужно учесть и обозначение словом "корабль" сектантской общины.

76. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 28; Один из сборников А. М. Ремизова, куда вошли его ранние произведения, написанные во время ссылки на Севере, назывался "Чертов Лог и полунощное солнце". О языческой символике в севернорусском регионе см.: *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 459.

77. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 102.

78. Древние российские стихотворения... С. 212; О плакун-траве см. также: *Афанасьев А. Н.* Древо жизни... С. 243.

79. *Порфирьев И.* Указ. соч. С. 232.

80. Цит. по: *Афанасьев А. Н.* Народ – художник... С. 151.

81. *Данилевский А. А.* Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А. М. Ремизова "Пруд"... С. 146–154.

82. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 81.

83. *Там же.* С. 82.

84. *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 132.

85. *Минц З. Г.* О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов... С. 111.

86. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 48, 38.

87. *Там же.* С. 77.

88. *Минц З. Г.* О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов... С. 78; ее же: Блок и русский символизм // Лит. наследство. М., 1989. Т. 92. Кн. I. С. 100–104.

89. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 69-72.

90. *Соловьев В. С.* Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 432.

91. *Долгополов Л. К.* А. Белый и его роман "Петербург" Л., 1988. С. 293.

92. *Вилинбахов Г. В.* Основание Петербурга и имперская эмблематика // Труды по знаковым системам: XVIII. Тарту, 1984. С. 46–55.

93. *Ровинский Д.* Русские народные картинки: В 5 кн. Спб., 1881. Кн. I. С. 455–456.

94. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia... С. 99.

95. *Соловьев В. С.* Сочинения. Т. 2. С. 605.

96. *Даль В.* Толковый словарь... Т. 4. С. 99.

97. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 18.

98. Полная популярная Библейская энциклопедия: В 4 вып. М., 1891. С. 124.

99. *Даль В.* Толковый словарь... Т. 4. С. 593.

100. *Топоров В. Н.* О "Крестовый сестрах" А. М. Ремизова: поэзия и правда // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1988. Вып. 822. С. 127.

101. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 100.

102. *Там же.* С. 101.

103. *Там же.* С. 104.

104. *Там же.* С. 103.

Глава 3

Поэтика "хаоса" в романе "*Крестовые сестры*"

Отношение Ремизова к действительности во многом определялось высказыванием Достоевского о том, что "настоящая правда всегда невероятна". Границы реального и ирреального для Ремизова практически не существовало (его восприятие сна как действительной равноправной реальности)[1]. Творчество Ремизова разворачивалось на фоне двойственного отношения к культуре. Н. Бердяев и Л. Шестов – знакомые и "соратники" по литературному труду (одно время они все вместе работали в редакции журнала "Вопросы жизни") – акцентировали феномен "подполья", феномен страха перед действительностью: "...человеческая культура двойственна в корне своем, но никогда еще эта двойственность не была такой обостренной, трагической и угрожающей, как в нашу эпоху. На поверхности современной культуры... идет здоровая, жизненная борьба и делается прогресс. Но подземные ручейки начинают пробиваться и выносить то, что накипело в подполье... В подполье развилось небывалое одиночество, оторванность от мира и противоположность одного человека миру. <...> Не мы выдумали нормальную жизнь. Не мы выдумали ненормальную жизнь. Поче-

му же только первую считают настоящей действительностью?"[2] То, что Ремизову были близки одно время взгляды Л. Шестова, отмечает и А. А. Данилевский, ссылаясь на мнение Е. Л. Лундберга. Он отметил, что Е. Лундберг назвал Ремизова единственным, кто понял и в полной мере оценил идеи философа[3](имеется в виду рецензия Ремизова на "Апофеоз беспочвенности" Л. Шестова). Вот характерная цитата из этой рецензии: "Ведь в подполье, во мраке и сырости вдруг загорается чудо, и вереницами бродят привидения, и снятся безумные сны, и ломаются, как прутики, все категории..."[4]

Это ощущение двойственности бытия подкреплялось идеями символистов о Хаосе как форме современности и его априорной аномальности. З. Г. Минц, анализируя "Мелкого беса" Ф. Сологуба, писала: "Перевернутость"... жизни в "Мелком бесе" – свойство материальной бытовой действительности как таковой. Ей противостоят не иные, лучшие формы общежития, а коренное преображение материи, "синтез" ее с духовными началами бытия."(Здесь же дается ссылка на повесть В. Соловьева "На заре туманной юности", где он утверждал: "...на самом деле не только земля, но и вся вселенная должна быть коренным образом уничтожена, что если после этого и будет какая-нибудь жизнь... то, совершенно другая жизнь... чисто трансцендентная..."[5]).

"Перевернутость" земной жизни в "Крестовых сестрах", как и в "Мелком бесе", становится знаком исторического регресса. Перемещение верха и низа – основной структурообразующий принцип художественного воплощения "антимира". Пародирование, травестирование понятий, связанных с положительными ценностями в культуре, становится предвестником приближения начала конца – Апокалипсиса, сам же конец мира совершится, как будет показано дальше, – в пародийных формах. Суть этого выворачивания наизнанку в сочетании комического и трагического. Соседство страшного и смешного в самых нелепых и абсурдных формах создает эффект нереальности происходящего. Ремизов видит проявление хаоса в самой действительности – он встраивает

в повествование реальные факты, но такие нелепые, что хочется признать их выдумкой. О таких фактах со ссылкой на дореволюционную критику писал Данилевский[6]. Для Ремизова одним из "слуг Атихриста" был Г. Распутин – в "Крестовых сестрах" он скрывается под именем "старца Кабакова", в "Пятой язве" – "старца Шапаева"[7]. Бессмысленность бытия получала мифологическую трактовку. Для эсхатологического сознания, по мнению Б. М. Гаспарова, становится характерным обращение к балагану, лубку, примитиву, карнавализованной культуре в начале XX века[8]. А. М. Ремизов, в свою очередь, обратился к фольклору и древнерусской сатире, создавая атмосферу всеобщего балагана, кукольного театра, где все смешалось – актеры и зрители (персонажи, имеющие реальных прототипов, и выдуманные), живые и мертвые, жизнь реальная и призрачная. В этой жизни правит скандал: Б. М. Гаспаров отмечает, что скандал – "неизбежный и необходимый спутник карнавального произведения. Последнее представляет собой акт разрыва с некоторой сферой ценностей, традиционно считавшихся неприкосновенными"[9]. Человек у Ремизова – лишь беспомощная фигурка, кукла в дьявольском театре, только подвиг духа приподнимает его над земной скверной. Герои романа "Крестовые сестры" включены в этот "балаган" мировой истории посредством цитирования Апокалипсиса, в том числе и в его своеобразной версии В. Соловьева ("Краткая повесть об Антихристе"); а российская история – как часть мировой – маркирована цитированием фольклора и классической литературы (прежде всего Ф. М. Достоевского и А. С. Пушкина).

При этом постоянно наблюдается снижение "высокого" (например, былинных мотивов), а пародирование уже пародийных по своей природе произведений (например, "Сказания о крестьянском сыне") создает небывалый эффект нарастающего абсурда. В романе действуют и парные персонажи как знак раздробления личности и превращения ее в ходячий автомат, заданный на выполнение каких-либо одних функций, а сама действительность становится не более как "скверным анекдотом".

Обратимся к тексту романа. Проанализируем авторское отношение к истории вообще – и российской, в частности. Для этого нужно начать практически с конца – со сцены у памятника Петру I, когда Маракулин обращается к нему с бессмысленной на первый взгляд речью. Л. К. Долгополов в этой связи писал об этой сцене как знаке замыкания кольца истории[10]. Ранее (в I главе) говорилось о том, что Маракулин *Петр Алексеевич* (имя дается курсивом самим автором романа) является двойником Петра I. Что же означает эта встреча – сторонника западной, европейской культуры и "маленького человека", поглощаемого стихией "темного" в Петербурге начала XX в.? Маракулин – двойник Петра I по признаку носителя рационального сознания, только Петр – олицетворяет разум активный, порождающий действие, а герой романа – пассивный, его жизнь после выдворения со службы – это усиленная деятельность ума, напряженные и бесплодные поиски объяснения бессмысленности бытия. И хотя Петр I бытие активно переустраивал, сцена у памятника, где Маракулин бросает ему горькие слова о правде жизни (анализ его речи чуть ниже), – это встреча уже равных. А. Ремизов своеобразно продолжает традицию А. С. Пушкина. М. Эпштейн писал, что в поэме "Медный всадник" у каждого из героев – своя правда, и в этом смысле оба героя равноправны[11]. У Ремизова властелин становится равным ничтожному мира сего – они уравниваются тем, что фигура царя снижается автором, – по его мнению, петровские преобразования ни к чему не привели, внести "западную" логику в российскую "мистику" не удалось. Вот фраза, произнесенная Маракулиным у памятника: "Петр Алексеевич, – сказал он, обращаясь к памятнику. – Ваше императорское величество, русский народ настой из лошадиного навоза пьет и покоряет сердце Европы за полтора рубля с огурцами. Больше я ничего не имею сказать! – снял шляпу, поклонился и пошел дальше, по Английской набережной..."[12] Это высказывание не просто бред, это – коллективный портрет русского общества – того самого, которое пытался реформировать легендарный царь. Все его усилия оказались напрасны. Портрет этот

представлен фразами трех действующих лиц романа: Акумовной – русской "Евой-Богородицей", советовавшей пить настой из навоза Василию Дамаскину, Сергеем Дамаскиным, танцовщиком, покоряющим Европу своим мастерством, современным скоморохом[13], искусство которого корнями уходит в народную культуру, и Гвоздевым – нищим стариком, "тенью" негодяя Глотова, снимавшем угол *"за полтора рубля с огурцами"*. Вот он – русский народ во всем своем величии религиозных идеалов всепрощения, красоты народного искусства и – дикости и неизменности низменного в человеке. Ремизов этой фразой подводит итог петровской деятельности: сделать ничего нельзя, нельзя изменить человека, нельзя изменить страну, навязывая ей "чужие" образцы. В подтверждение этого положения – после этой сцены Маракулин заходит в кабак, где слышит дикие по своему содержанию речи о съедении крысы на спор за плату. Воистину – все неизменно. То, что двойником Петра I оказывается мелкий чиновник, потерявший место, также симптоматично, – история "мельчает", приближаясь к своему концу (а начало XX века виделось таким закатом истории).

Ремизов наряду с Ф. Сологубом был непосредственным предшественником А. Белого в осмыслении пушкинской традиции в литературе начала века (имеется в виду проза). Сологуб "переработал" сюжет "Пиковой Дамы", Ремизов – "Медного всадника", у А. Белого в "Петербурге" мы встретим синтез этих сюжетных линий.

Нужно остановиться и на таком моменте авторского отношения к истории как игровой, карнавальной действительности, а к царю – как к одному из многочисленных "скоморохов". У Ремизова есть высказывание о Петре, как о скоморохе, а в отношении русской истории сказано: "Скоморошьей дубиной дубилась Россия..."[14] Для писателя национальными типами русской культуры становятся два – древнерусского писца и скомороха, сам он излагает основные события русской истории от лица этих "персонажей" в "Пляшущем демоне"[15]. А. Синявский замечает, что маски сказочного дурака и скомороха – излюбленные писателем

в его творчестве и жизни[16]. Скоморошество для Ремизова – это форма игрового народного искусства в его синтезе с реальной жизнью. Для автора небылица скоморохов наилучшим образом отражает гротескность человеческого существования. Ремизов не был чужд игровых форм поведения. Он сам творил и художественную, и жизненную реальность, воспринимая ее порой в виде фарса[17]. А. А. Данилевский отмечает, что в "Пруде" крестные ходы с дохлой курицей символизируют не что иное, как всепьянейший петровский собор и похороны царского карлика[18]. В этой связи нужно сказать, что ремизовская трактовка Петра I как правителя не традиционна. От раскольников до Д. Мережковского этот царь считался Антихристом, посягнувшим на исконно русские порядки. А. А. Данилевский в указанной статье склонен рассматривать "сниженную театрализацию" действительности в "Пруде" как знак разрушения ее, "бесовства", а петровские мотивы – как элементы этой "театрализации". Но Ремизов, представляя Петра русским скоморохом (ведь его "шутовство" – продолжение народных традиций, пусть в измененном, а иногда "западном" варианте), не акцентирует чужеродность "голландского шкипера". Петр – все же порождение своей страны. Эта "подсветка" "народности" в образе царя вносит новые нюансы в авторскую концепцию истории. В сцене у памятника в "Крестовых сестрах" Петр низведен с пьедестала, с сияющей высоты на пыльную мостовую, рядом с "человеком склонившимся"[19], что наводит на мысль о всеобщности и всесильности Дьявола в земной жизни, перед которым все равны. Петр I – не только субъект, но и объект исторического процесса. Русский правитель вмешался в жизнь, совершил немало зла, но и сам он – жертва вечной дьявольской игры, а человек на самом деле не волен в своем выборе. Ремизов продолжает петровскую линию "Пруда" в "Крестовых сестрах", где палачи и жертвы неразделимы (эта идея сквозит и в его малой прозе – см. I главу). В "Пруде" двойником Петра I был Арсений Огорелышев, по прозвищу "Антихрист", сцена убийства Арсения Николаем Финогеновым символизирует превращение прежнего мучителя - в жертву, а быв-

шей жертвы – в мучителя. Круг опять замыкается, зло неизбывно. Ремизовский фатализм заключается в его понимании абсолютной невозможности вмешательства в миропорядок с целью его улучшения.

"Дурное повторение" уже бывшего, движение к катастрофе Апокалипсиса, совершающееся в фарсовых формах, определяет авторское понимание действительности, это не нормальная жизнь, это – ее искажение, "антимир". Нарастание абсурда в повествовании – нарастание балаганного скандала, где все – напоказ: "Свадьба, покойники, случаи, происшествия, скандалы, драки, мордобой, *караул* и участок, и не то человек кричит, не то кошка мяучит, не то душат кого-то, так всякий день. Бурков дом – сущая Вязьма!"[20] Этот фрагмент – из начала романа. Далее читатель встретится со множеством нелепых, порою фантастичных происшествий, где все норовит встать с ног на голову – порою в прямом смысле: "...пришла ему Василию Павловичу сумасбродная затея поставить всю полицию не *на ноги*, как говорится, *а вверх ногами*... и выпускался околоточный из сарая не иначе, как без задних ног – вверх ногами"[21]. В гимназии Ледневой творится "сумбур образцовый": "Образцовый сумбур завершался образцовой теснотой и холодом в образцовой гимназии. <...> Правда, кажется, дети особенного лишения не чувствовали: дети прыгали, бегали, танцевали – сущий содом стоял в гимназии..."[22] Этот сумбур дополняется оригинальным преподаванием истории (где Робеспьер меняется местом с Гуго Капетом)[23]. "Рокировка" исторических событий – те же дьявольские "перевертыши". К концу романа атмосфера скандала усиливается: "...случаи, происшествия, скандалы, драки, мордобой, *караул* и участок, но все в высшей степени и громче будничного"[24]. А далее – пекарь Ярыгин тонет в тесте *вверх ногами*. Еркин, взбесившись, откусывает нос Станиславу, этот нос съедает губернаторский пес Ревизор[25], дети, играя в военный суд, едва не повесили мальчика, а в конце концов совершается необычное и абсолютно необъяснимое по мотивам самоубийство богатых супругов Ошурковых.

Главный герой романа – Маракулин (его фамилия говорит сама за себя – "мараковать" у Даля "мало понимать"[26], фигура загадочная и "множественная" – в его образе сквозят аллюзии на главных героев "Записок из подполья", "Белых ночей", "Сна смешного человека", "Братьев Карамазовых", "Преступления и наказания", "Идиота". Он также, как "подпольный" герой, на мгновения преисполнен ненависти к "жалкой улыбке" А. Шияновой, он пытается "спастись любовью" и ничего не делает – лишь напряженно обдумывает нелогичную реальность, мечтая помочь бедной девочке, поющей под окном, но в отличие от "Сна смешного человека", финал "Крестовых сестер" не оставляет места оптимизму. Маракулин близок к Ивану Карамазову своей первоначальной жаждой жизни, а с Родионом Раскольниковым его объединяет желание убить ради блага других, с князем же Мышкиным – сострадание к "падшей" Вере Вехоревой, образу также созданному под влиянием Грушеньки из "Братьев Карамазовых" и Настасьи Филипповны из "Идиота". Влияние Ф. Достоевского на образ главного героя романа Ремизова несомненно. Но герой Ремизова – представляет собой характер "мозаичный", в результате перед нами дробление, измельчание традиции Достоевского. Цельность этого характера обеспечивается лишь одним его свойством – недеянием.

В самом начале повествования Маракулин по-детски простодушен. Правда, его бездумная детскость в сочетании с жаждой жизни, которая и объединяет его некоторое время с носителями "говорящей" фамилии Глотовым, не вызывает у автора умиления. Герой не живет, он "спит". А приятельство с Глотовым на основе "жажды жизни" объединяет их как людей безразличных к миру страданий: Маракулин как ребенок о настоящей жизни не подозревал, проблемы нравственного закона перед ним не возникало, он не знал, что истинная жизнь открывается через горе; Глотов нравственные законы преступает в силу своей хищной, порочной натуры: "А все-таки приятели: хлеб-соль одна. Была у них обоих приметина – *качество* ...хоботок словно либо усик какой у них у обоих был, и хоботок этот не то, чтобы к жизни прицеплялся, до

травинки, которая дышит, до малого камушка, который растет, и всасывал с какой-то жадностью и весело, да как-то заразительно весело. Вот оно что. <...> Ну и молодость – обоим что-то по тридцати или по тридцати с чем-то, и удача..."[27] Имеет смысл сравнить этот фрагмент с речью Ивана Карамазова в главе "Братья знакомятся": "...**не веруй в жизнь**... убедись даже, что все, напротив, **беспорядочный, проклятый и, может быть, бесовский хаос**, порази меня хоть **все ужасы человеческого существования** – а я все-таки захочу жить и уж как припал к этому кубку, не оторвусь от него, пока его весь не осилю! Впрочем, **к тридцати годам**, наверно, брошу кубок, хоть и не допью всего, и отойду... не знаю куда. <...> Эту жажду жизни иные чахоточные сопляки-моралисты называют подлою, особенно поэты. Черта-то она отчасти **карамазовская**, это правда, жажда-то эта жизни, несмотря ни на что, в тебе она тоже непременно сидит, но почему ж она подлая? **Центростремительной силы еще страшно** много на нашей планете, Алеша. Жить хочется, и я живу, хотя бы **и вопреки логике. Пусть я не верую в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки...**"[28]

Эта речь Карамазова является дешифрующим ключом к пониманию образа Маракулина. Ремизовский герой поначалу упоен жаждой жизни, затем убеждается (в силу нелепой случайности – вот оно – " к тридцати годам... отойду") в том, что жизнь – "нелепый хаос" и теряет жажду жизни, свою "детскую радость". Дальнейшие его метания – это попытки жить "вопреки логике" (ср.: *Не для чего*, – не для чего, а будет жить! – только *видеть*, только *слышать*, только *чувствовать*")[29], но потерпит крах. Маракулин будет пытаться обрести потерянное жизнелюбие в мире страданий, и оно будет возвращаться к нему на мгновения – как ощущение цельности бытия.

Маракулин расстанется с Глотовым – теперь у бывшего чиновника, обитателя петербургского дна и жизнелюбца, носителя истинно "карамазовской" черты (страсти к женщинам) – разные жизненные пути. Маракулин будет упорно и напрасно искать ра-

циональное основание жизненного закона, ведь он "немец", ("немцем" называет себя и Бобров в "Пятой язве", и Антон Петрович в "Плачужной канаве"). Его мучает жалость к "сестрам", которым он не может помочь, мучает собственное бессилие, он молит Бога о существовании без мук (подобно существованию генеральши Холмогоровой). Он будет мечтать о любви, которая внесет смысл в вереницу унылых дней[30], но Вехорева не ответит на его чувство. А "клейкие листочки" Ивана Карамазова превратятся в "Крестовых сестрах" в зелень троицких березок (опять же продолжается мотив "жажды жизни" – праздники троицко-семицкого цикла символизируют брачную обрядность)[31]. Маракулин проходит раскольниковский искус убийства во имя освобождения от зла (искус человека, не чувствующего Бога в сердце своем). Правда, убийство это совершается лишь в воображении героя. В минуту отчаяния он думает: "Нет, он думал в своем отчаянии, как было бы хорошо подварить генеральшу кипятком, ну так шпарнуть чуть-чуть кипятком, и с какою злостью бросится она кусаться и всех до одного искусает"[32]. Несостоятельность мстительного чувства Маракулина контрастирует с милосердием и добротой "крестовых сестер" – Кликачевой и Шияновой, как бы услышав внутренний монолог героя, они между собой говорят о пострадавшем ребенке: "Вера Николаевна рассказывала про какую-то сестру милосердия: – Привезли в больницу ребенка, кипятком ошпарен; надо операцию сделать, надо кожу, а где взять кожу?.. вот сестра и предложила свою..."[33] И ребенок, и равнодушная ко всему генеральша – уравнены в своих правах на жизнь и сострадание.

Маракулинские мучения (вина перед полюбившей его проституткой Дуней) даются через "отсылки" к классике – Ф. Достоевскому и Л. Толстому (его поклон в пояс Дуне на перроне вокзала – как знак глубокого раскаяния – ср.: Раскольников, старец Зосима; сам символ железной дороги – как слепой, разрушительной силы страстей восходит к традиции Л. Толстого, сюжетные цитаты из романа Толстого встречаются у Ремизова и в "Часах" – самоубийство Нелидова).

Безысходный диалог Маракулина с самим собой не может быть закончен в принципе, это – цепь вопросов без ответа: "...данное сознание умеет лишь одно: называть свое положение в форме повторного вопроса, не получающего ответа ни из окружающего мира, ни из запасов собственной мысли. В таком контексте молчание имплицитного слушателя становится выражением пустоты мира, отсутствия смысла, "вселенской тошноты"[34]. На основе разума человеческую жизнь не объяснишь, антирационалистские взгляды Ремизова отразились во всей полноте во сне Маракулина об отрезанной голове. А. А. Данилевский пишет, что Плотников, как бы предлагает герою избавиться от его рассудочности, но опять же рациональными средствами, и результатом этого действия является ощущение того, как стало "чудно и странно"[35]. Жизненный путь главного героя романа – это ловушка рефлексирующего сознания, лишенного веры в Бога. Маракулин, очнувшись от сна детства, все же остается ребенком, не приобщившимся к христианской вере и любви (как и один из его "прототипов" – Раскольников)[36]. Из своего детства он падает в смерть. Детство, в котором пребывают всю жизнь, не познав истину через муки, приравнивается автором к небытию.

Ощущение полноты жизни перед смертью ("детская радость") сближает Маракулина с князем Мышкиным, ощущавшим перед эпилептическим припадком "минуту ощущения", которая "дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни"[37]. Не зря эту "полноту жизни" Маракулин ощутил в тот раз, когда крикнул: "*Православные христиане, вошь* спит, помогите!" И крикнув, он почувствовал, как медленно подступает, накатывается та самая прежняя *необыкновенная его радость* и вот перепорхнет сердце, переполнит грудь..."[38] Чувство единства приходит лишь на мгновения, и чувство это в своей основе – религиозное, но оно доступно ему в редкие минуты, как откровение. Герой – бесконечно одинок, в реальную жизнь он включается как созерцатель, иногда как сочувствующий (единственная дей-

ственная помощь – 25 рублей, подаренные уличной девочке-певице, правда, читателю ясно, что этот шаг ничего в принципе не изменит в ее судьбе), не зря карточные гадания о будущем Маракулина неизменно заканчивались "при *собственном своем разговоре*"[39].

Маракулин проходит несколько стадий воскресений и умираний до своей физической гибели (которая знаменует и падение в дьявольскую бездну, и пролог к возможному спасению). Когда Маракулин "просыпается" и начинает думать, опустившись на "дно жизни", он становится отверженным для мира благополучия и нормативной морали, для этого мира он умирает (восклицание Глотова о том, что сослуживцы "давно его похоронили")[40]. Маракулин ощущает прилив и полноту сил после выздоровления от болезни и надеется на ответное чувство Вехоревой: "...словно бы в ней-то и заключалась для него вся его необыкновенная радость – *источник его жизни*"[41]. Однако спасения в любви он не обрел, и его фатальное одиночество перерастает в медленно надвигающуюся, неотвратимую смерть. В тексте романа путь к смерти обозначен весьма красноречиво: "Перед Рождеством у Маракулина *сломался крест*. Взяла его Анна Степановна поправить да пошла из гимназии в Гостиный, у нее там кошелек и вытащили, а с кошельком и маракулинский крест. Маленький крестильный золотой крест"; "И теперь, когда он ехал в Москву, он вспомнил этот крест, и воспоминание о кресте матери почему-то крепко и цельно слилось с тем золотым крестильным крестом ее, который кто-то унес перед Рождеством. И какая-то тоска хлынула на него"[42]. Эта потеря креста символична: происходит окончательное разъединение его с людьми, теперь он лишен и формального символа веры (потеря крестильного креста – потеря самой кровной связи с миром, связи с матерью). Когда он приедет в Москву, то не придет на могилу матери, причем не сознательно, а как бы подчиняясь какой-то отвлекающей его силе. Москва произвела на него впечатление скорее сна, чем яви, какого-то наваждения. Это ощущение ирреальности бытия будет нарастать в сознании героя до тех пор, пока он не превратится в мертвого – среди живых: "...и он, как мертвец, как

покойник, как нездешний, может легко, и просто, и беспристрастно за здешними, за живыми следить"[43]. В таком состоянии он увидит Верочку Вехореву в толпе таких же женщин в темном, она смешается с ними и исчезнет как призрак, он не сможет ее отделить от сотен таких же неразличимых теней. Физическая смерть в данном случае – избавление от "ужаса" жизни.

Мертвые среди живых – как знак "антимира" не нов в поэтике символизма (А. Блок, Ф. Сологуб и пр.). У Ремизова этот мотив разработан и в отношении второстепенных персонажей – напоминающих не живых людей, а кукол, но об этом – чуть ниже.

В этой части главы мы коснулись разработки мотивов классической литературы (в основном Ф. Достоевского, отчасти – Л. Толстого). Но нельзя не сказать об авторских "отсылках" к Гоголю относительно образа главного героя. Почему Ремизов делает Маракулина переписчиком? Отчасти потому, что сам писатель любит почерк, как заметил М. Волошин: "Любит почерк как князь Мышкин"[44]. В. Пяст по этому поводу иронизировал: "Выученик Достоевского, он сжился с героями своего учителя... Это естественно выходило, что в своем пристрастии к красивому письму старинными почерками Ремизов подражал "Идиоту", т.е. князю Мышкину"[45]. Но это – биографическая сторона явления, что касается художественной задачи писателя, то она состояла в изображении всеми поэтическими средствами мира нарастающего абсурда, а занятие Маракулина – как знак его. "...Хотя на машине скорее можно сделать и легче и проще... и ночи и дни он упорно выводит букву за буквой... Почерком Маракулин славился. Завтра же этот отчет заложат куда-нибудь в бумаги... а времени и труда затрачено много и без толку. Сумасбродный человек и в своем сумасбродстве упорный."[46]. Маракулин любит сам процесс начертания букв и занимается этим тогда, когда в этом уже нет ни малейшего смысла (полное отсутствие прагматического импульса). М. Эпштейн в статье "Князь Мышкин и Акакий Башмачкин" отмечает, что образ переписчика в XIX в. становится знаком нарастающей абсурдности бытия, когда из лица значительного (писцы древности

и средневековья), облеченного чуть ли не божественным, высшим знанием, переписчик превращается в ничтожнейшего мира сего[47]. Ремизов еще более подчеркивает "мифичность" этого труда героя: "...ведь целое дело из пустяков себе выдумает!"[48] Ориентируясь на традиции классической литературы (Ф. Достоевский, Н. Гоголь), Ремизов исключает логическую мотивировку переписывания бумаг, при этом особую парадоксальность ситуации придает тот факт, что любитель "ненужной" каллиграфии – Маракулин, человек чрезвычайно рациональный.

Как мы видим, поэтика "абсурда" романа с одной стороны восходит к трансформации традиций классической литературы. Но – с другой стороны (и это существенно) – очевидна связь со смеховой культурой Древней Руси.

Знаки этой культуры рассыпаны в тексте романа: "На первых порах Маракулин не поверил... вроде шутки с ним отшучивают, **трублю какую отрубливают** потехи ради, для пущей веселости, так вот – перед праздником!"[49] (выделена нами цитата из скоморошьей песни "Теща ты, теща моя")[50]; "Маракулин, переписывавший полууставом *смехотворную старинную русскую повесть...*"[51]; рассуждения героя во возможном Новом Сионе, где "подданные осеняют себя *крестным знамением, спустив штаны*"[52]; сцены с Павлом Плотниковым, который в противоположность Маракулину олицетворяет стихийность, буйство русского характера и продолжает традиции своего отца, любившего все ставить "вверх ногами". Наконец, сама сцена гибели главного героя – падение вниз головой из окна при всей многозначительной символике смерти-воскресения, проанализированной выше (I глава), может быть истолкована в духе карнавализации: как и прыжок жениха перед свадьбой в окно ("Женитьба" Гоголя), падение из окна Арлекина ("Балаганчик" Блока), так и гибель Маракулина – это прыжок арлекина, клоуна, шута ("провалы и исчезновения кукол" в театре)[53]. Ремизов следует традициям и народного театра, когда смешивает живых и мертвых (мертвыми являются его пары двойников): "...в смешении театра кукол и живых ак-

теров, приведенных к единому кукольному знаменателю, – одно из проявлений народного театра"[54]. Ремизов знал фольклор, народные увеселения очень хорошо. Его знания подтверждаются не только текстуальными цитатами, но и непосредственными доказательствами: в примечаниях к рукописи "Что есть табак" Ремизов ссылается на издание Д. Ровинского[55]. Эпизод сна Маракулина, воплотившегося в явь, когда Акумовна сидит и ест три яйца, также мог быть навеян лубочными сюжетами: "Самые примечательные из съестных припасов на столе – десяток яиц или три яйца, что позволяет связать эту группу лубков с русским театром арлекина и гаера XVII в. (Ровинский, N. 60)"[56].

Издание Д. Ровинского содержало такие известные иллюстрации (лубочные картинки) к популярным сюжетам, как "Шемякин суд", "Повесть о Ерше Ершовиче", "Фома да Ерема", "Бесстыдный в трактир зашел" и т.д., а в картинках, отображающих петровское правление, дана пародия на постановление всепьянейшего собора (Ровинский, N. 118). К 1910 г. (когда писался роман) были изданы многие произведения древнерусской старины, среди них различные варианты уже указанных "Повести о Фоме и Ереме"[57], "Сказания о крестьянском сыне"[58], "Повести о Ерше Ершовиче"[59], "Повести о Горе-злосчастии"[60]. Позднее Ремизов сам создал свою редакцию сказки под названием "Горе-злосчастное", выполненную на свитке с рисунками А. Смирнова. В "Крестовых сестрах" неизбывное страдание человека дается в конкретном образе "Лихаодноглазого" и "горя-беды", налицо фольклорные параллели в тексте романа: "Или назло горю-беде, тощей, жидкой, пережимистой, лыком подпоясанной... назло насмешкам ее, назло слезам ее притворным, когда, *в яму столкнув, заплачет*"[61], (вариант, напечатанный Рыбниковым, – в финале песни Горе плачет над могилою погубленного им молодца. Т. I., 1909, N. 22[62]); уже был опубликован сборник Кирши Данилова с материалом скоморошьих песен, небылиц. Ремизов, не чуждый игровых форм поведения в жизни в 1900-е годы, не изменил своим привычкам и впоследствии (см. его письмо к И. А. Рязановскому от 27.01.1918 г.)[63].

Традиции пародии в "Крестовых сестрах" берут свое начало в ранних опытах: в "Часах" (дом терпимости там назван "Новым Светом", очевидна перекличка с "Крестовыми сестрами", где "Новый Сион" является "земным раем"), в "Пруде" – уже указанные ранее пародии на петровские увеселения, в "Неуемном бубне" пародирование явное и скрытое выражается в снижении "высокого" различными способами: фамилия героя Стратилатов присваивается сластолюбцу (Федор Стратилат – известный мученик), который поклоняясь Богородице, вешает рядом с иконами картины с изображениями обнаженных красавиц, после посещения церковной службы идет в публичный дом и т.д.

Проанализируем те сцены в "Крестовых сестрах," где изображается Павел Плотников. Павел Плотников – товарищ Маракулина по гимназии, с этим человеком связаны у Петра Алексеевичем воспоминания детства, проведенного в Москве. Плотников – персонаж, чья натура характеризуется в романе определениями "безудержный, непочатый". Однако этот размах и неудержимость натуры Плотникова обрисованы в тонах гротеска: "Плотников, пивший до протокола, и однажды, одетый так легко, что уж в более легком виде с улицы прямо в часть убирают, вступил на Таганской площади *в ратоборство с ломовыми лошадьми*, буйный и несговорчивый..."[64] Ратоборство с лошадьми – ироническая аллюзия на былину "Состязание молодца с конями"[65]. Пьянство Плотникова, обнажение и буйство становятся знаками "кромешного мира". Вот эпизод встречи Маракулина и Плотникова в Москве: "Между *Святой Русью* и обезьяной сидел Плотников, обуянный запоем, и зачем-то весь медом измазан, в какой-то *гнетущей печали скитника*. <...> "У него головы нет, рот на спине, а глаза на плечах. На Святках накинулся он на мед, и ел его с воском, съел много, и оттого завелась в нем пчела – целый улей..."[66] Положение Плотникова между "Святой Русью и обезьяной" объяснялось Ивановым-Разумником (см. "Введение"), В. Н. Топоровым[67]. В. Н. Топоров опирается на факты биографии писателя – клетки с обезьянами стояли в доме брата писателя, Иван-Разумник считает, что смысл

этой сцены в противостоянии героя между дьявольским и божественным. Фантастическая фигура Плотникова – соединение черт взаимно противоположных: его пьянство до полной потери рассудка (вот почему "у него головы нет") сочетается с благодатью "райской сладости" (значение меда в святочной обрядности[68]) и дополняется печалью монаха, отрешившегося от мира. Сам обряд поедания меда на Святках Плотниковым трансформируется в диковинную метафору – от обилия меда в нем заводится пчела, и человек превращается в улей. От христианской благостности не остается и следа – обряд доведен до логического тупика. Стихия природной мощи героя настолько довлеет над его разумом, что действия Плотникова нелепы и речь невнятна, как в скоморошьих небылица, слова его – сплошные загадки. Речь Плотникова поддается расшифровке с большим трудом. Попробуем высказать предположения о возможной интерпретации ее:

"Мне твоего слона не надо! ... И притом выругался с таким исто русским коленцем <...> твои слоны мятные ... мятных слонов я не покупаю!"[69] Эти таинственные "слоны" могут быть истолкованы следующим образом: в творчестве Ремизова "слоновья" символика ("Пруд", "Неуемный бубен", "Пятая язва") неизменно связана с эротическими мотивами. Яснее в этой связи становится ругань Плотникова – как знак "антимира" в противоположность нормативной морали. Далее, в письмах Ремизова к Блоку, "Слоном" называется Ю. Верховский, литератор символистских кругов[70]. Здесь нужно заметить, что под Плотниковым подразумевается В. Хлебников (что было доказано А. А. Данилевским [71]). Хлебников в дальнейшем расходится с символистами, отвергая их эстетику и философию. В образе Плотникова Ремизов отразил утопичность панрусистской идеи.

"Слон" также может указывать на петровское правление (чуждое, "западное"), слона приводили в Россию в это время[72]. Если обратить внимание на стилистику, то сочетание "мятные слоны" – пример явной лексической несочетаемости, хотя семантика этого выражения остается затемненной. У Даля "мятный" дается в сочe-

тании "мятный квас, мятные лепешки" (чисто русские реалии[73]). "Слон", как известно, "животное жарких стран", у Даля это слово родственное глаголам "заслонять, прислонять", а также указывается на то, что "слоном или даже слоною называли встарь вообще неуклюжее, тяжелое или большое животное, которое слоном слоняется по лесам"[74]. Дальнейшее сравнение Плотникова со слоном, "когда он "крутя головою, как хоботом, топтался перед Маракулиным"[75], может вызвать ассоциации именно с устаревшим значением слова "слон". Сочетание несочетаемого на лексическом и семантическом уровнях текста при характеристике Плотникова делает этот образ предельно гротескным. Вот еще пример: "...а и все, что за полюсом, никому не известное обиталище Гога и Магога... и будет это неизвестное, Гог и Магог, зваться Ландия, сиречь страна. Там, из этой заполюсной Ландии... он, Павел Плотников, самодержавно управлять земным шаром <будет>, вращая его по собственному произволу..."[76] В данном случае мы имеем дело с пародией Ремизова на известную утопию В. Хлебникова "обрусить весь земной шар"[77]. Упоминание Гога и Магога, племен, традиционно связывавшихся с концом Света[78], вносит явную дисгармонию в упомянутый глобальный проект. Эффект пародии выдержан и на стилистическом уровне: автор смешивает разговорную речь со старославянской и иноязычной (соседство "Ландии" и "сиречь").

Как мы видим, всеми художественными и языковыми средствами автор подчеркивает гротескность образа, и Плотников, наследник купеческого рода, истинно русский, московский житель олицетворяет не старые культурные традиции Руси, а их "перевернутый" вариант. И неудивительно, что Москва, представшая в образе Плотникова, кажется Маракулину сном: "...не снилась ли ему Москва?"[79]

В "Крестовых сестрах" известное противопоставление старой купеческой Москвы немецкому петровскому Петербургу постепенно сходит на нет. Описание Петербурга выдержано в мрачных тонах, в нем гибнут когда-то московские жители Вехорева, Мара-

кулин, но Москва перестает быть отражением допетровского "золотого века". И Москва у Ремизова не избежала пагубного тлена. Она превращается из оплота истинно русских традиций в самопародию. Отсутствие грани между сном и явью, потеря почвы под ногами – результат поездки на родину Маракулина. Ему не удалось "спастись" Москвой, не удастся и Парижем – этим земным раем в мечтах персонажей романа. Русская культура исчезает, а западная для России неприемлема – вот основная мысль автора, определившая специфику образов.

Второстепенные мужские персонажи большей частью являются парными. Братья Дамаскины – танцовщик и клоун – служители искусства, происходящего напрямую из зрелищных увеселений народного театра (см. мнение Ремизова о балете, бывшем в прошлом русалией)[80]. Братья объединены теми манерами поведения и образом жизни, которые объясняются этикой и эстетикой скоморошества, с его традициями делания "наизнанку" (хотя их привычки и характеры различны на первый взгляд). Сама фамилия, которой автор наделяет братьев (танцовщика и клоуна!), вызывает в памяти отца церкви Иоанна Дамаскина[81]. Оба брата "происхождения духовного, образования семинарского"[82] – этот кульбит, прыжок от семинарии к цирку и театру также из серии переворачивания действительности с ног на голову. К тому же налицо и "антиклерикальность" – нелюбовь к священнослужителям Сергея Дамаскина – это нелюбовь бродячих артистов средневековья, гонимых официальной церковью[83]. "Василий Александрович – напротив: подавай ему всякий день *барышню*, без этого жить не может... но зато, хоть и не часто, а ходит в церковь"[84]. Эта видимая набожность в сочетании с любвеобильностью – кощунственное соединение " земного" и "небесного". Пародирование понятий "высокого" (христианской этики) происходит в данном случае на уровне образа, сюжета, стилистики текста. Братья Дамаскины – продолжатели традиций карнавальной культуры Древней Руси.

В следующих трех парах один персонаж полностью тождествен другому. При их создании Ремизов следует, прежде всего, народ-

ной смеховой культуре. (Д. С. Лихачев заметил, что двойники литературы начала XX в. – продолжение традиции смеховых двойников XVII в.[85] У Ремизова эта тенденция наблюдается наиболее отчетливо). Станислав и Казимир, чье основное занятие – соблазнение горничных и кухарок, чрезвычайно близки известным Фоме и Ереме. Это сходство проскальзывает в тексте романа в грамматической конструкции фразы: "Казимир-то ускокнул, а Станислав попался..."[86] Ср.: "Ерема в двери, Фома в окно, Ерема ушел, а Фома убежал..."[87]. Ремизов выдерживает ритм и синтаксический параллелизм предложения. Нелепость злоключений Станислава, которому откусывает нос пьяный Еркин, а нос этот съедает затем пес Ревизор, – пример следования эстетике небылицы с нагнетанием все более и более бессмысленных невероятных действий. Нужно заметить, что парные персонажи Ремизова могли быть созданы и под гоголевским влиянием, который, в свою очередь, перерабатывал предыдущую литературную традицию (Добчинский и Бобчинский).

В связи с этими персонажами (Станислав и Казимир) нужно заметить следующее: "антипольские" настроения писателя (не с агрессивным оттенком, а скорее ироничным) можно объяснить, с одной стороны, "неверностью" персонажей (см. авторские примечания к рассказу "О безумии Иродиадином"), с другой – комизмом "чужого" в народной культуре (напр.: "Интермедия о шляхтиче и слуге" XVIII в.). Эта пара затем "перекочевала" в рассказ "Жизнь несмертельная", превратившись в двух женщин "легкого поведения", "Казимировну и Станиславовну", упоминаемых в монологе главного героя.

Следующая пара – учителя Лещев и Раков (фамилии их, возможно, указание на "Повесть о Ерше Ершовиче"). Это настоящие беззастенчивые разбойники, грабящие своих жен. Их видимая благочестивая наружность вводит окружающих в заблуждение, но в тексте автор разоблачает действия героев уже на языковом, стилистическом уровне, они дешифруются фольклорными мотивами. Прежде всего обыгрывается семантика слова "соловей". События

происходят в Пурховце – "первый *соловей*-город", любовная история обоих персонажей описана одинаковым образом: "...Раков заиграет на гитаре, что на **гуслях**, заиграет да запоет соловьем..."; "Тут-то Лещев и принялся за дело... любовь разыграл самую отчаянную, **соловьем запел, да таким соловьем...**"[88] Это соловьиное пение – долженствующее обозначать любовь, на самом деле – ближе к разбойничьему свисту былинного Соловья-разбойника. Скрытые грязные намерения Лещева и Ракова нуалируются двоякой семантической нагрузкой слова "соловей". Примечательно, что игра Ракова на гитаре приравнивается к игре на гуслях – древнерусском инструменте, на котором играли знаменитые былинные герои, например, Ставер Годинович[89], или скоморохи. Таким образом, эти персонажи оказываются пародией на фольклорные образы. Их "разбой" – это сниженный вариант действий былинного героя, сравнение игры на гитаре с игрой на гуслях – знак авторской иронии. Полная неразличимость Ракова и Лещева – и равнодушие, бесчувствие к страданию окружающих – черты существ мертвенной, механической природы. Муки их жен – это муки живых в соседстве с ходячими мертвецами.

Наконец, Шевелев и Хабаров, воры, выдававшие себя за студентов. Эти персонажи овеяны налетом мистики: действуют они все больше по ночам и исчезают внезапно, оставив после себя пустую квартиру. Но у них есть собратья в древнерусской литературе в "Сказании о крестьянском сыне" (вариант: "Повесть о крестьянском сыне"). Ключевым словом при дешифровке фрагмента, относящегося к Шевелеву и Хабарову, становится слово "шуба". А. А. Данилевский приводит мнение критика А. Измайлова, утверждавшего, что в "Крестовых сестрах" Ремизов использует наряду с другими реальными фактами из петербургской хроники, происшествие кражи денег[90]. Однако деньги превращаются у Ремизова в "деньги на покупку шубы", крадется затем и сама шуба у акушерки Лебедевой. Замена эта не случайна. Шуба исчезает у ее владелицы как раз во время проживания в Бурковом доме загадочных "студентов". Обратимся к краткому сюжету "Сказания...":

"Бысть некий крестьянский сын у отца своего и матери. И отдан бысть родителями своими грамоте учитися, а не ленитися..."; "Стати мне лутче богатых мужиков красть.. и почну себе товарищев прибирати, таких же воров, каков я сам"; "...И пошел по клети, а сам рече: "Господи, страха твоего не убоюся, а грех и злыя дела безпрестанно"; "...И увидел на крестьянине новую шубу и он снял да на себя болокался. И те товарищи внидоша в клеть, и что было у крестьянина живота, то все взяша и выдоша..."[91] Ремизовский сюжет воровства построен на опорных моментах "Сказания..." – "мнимое" (в "Сказании..." – неудачное) учение, воровство шубы, кража всего имущества, (у Ремизова – пустая квартира, оставшаяся после "студентов"). Шевелев и Хабаров выглядят даже благочестивыми, распевая церковные песнопения по ночам (правда, поют они мелодии из заупокойной службы). Но здесь использованы те же эстетические принципы, что и в древнерусском источнике, – сочетание знаков низменного, обыденного и высокого. В "Сказании" это отразилось, прежде всего, в речи персонажа, ее стилистике (библеизмы и просторечие), в "Крестовых сестрах" – в построении сюжета.

Итак, ремизовские парные персонажи – современные скоморохи, разбойники, воры – своим происхождением обязаны традиционной народной сатире. Но сами эти персонажи являются пародией или на известные фольклорные образы (в случае с Дамаскиными пародирование идет на уровне христианских символов), или на образы из произведений уже пародийного толка. То есть Ремизов наслаивает пародию на пародию. Однако сатира XVII в. была пародией формы[92], а ремизовский текст представляет действительность как пародию по природе своей. Соседство реальных фактов, бессмысленных и нелепых, введенных в художественную реальность, являющуюся переработкой древнерусской сатиры (результатом чего мы имеем эффект двойного пародирования), приводит к созданию картины нарастающего абсурда, ирреальности происходящего.

Поэтика "хаоса", помимо приемов пародирования, снижения

традиций классической литературы и т.д. включает в себя и символику "чужеродной опасности". Знаками этой опасности становятся в тексте романа иностранные фамилии "Амстердамский, Виттенштаубе"[93] (тема немецкого, голландского Петербурга). Но кроме "западной" угрозы, в романе указывается и "восточная": персиянин-массажист, бесстрастно наблюдающий за умирающей кошкой, встреча Маракулина и Вехоревой в **желтой** комнате, и кроме того, Ремизов дважды напоминает читателю о том, что вторжение "Востока" в Россию началось давно и продолжается и поныне – упоминание о балалайке как о нерусском инструменте: "...и заливаясь, бренчала балалайка, – этого **нерусского** убогого добра на Бурковом дворе вволю..."[94] Почему балалайка называется нерусскою? В этимологическом словаре Горячева можно обнаружить толкование о происхождении слова из тюркских языков. Похожая точка зрения представлена в Словаре под редакцией Брокгауза и Ефрона[95]. Таким образом, Ремизов придерживался распространенной в то время научной версии, и балалайка в романе также становится знаком нашествия восточной культуры.

Весь этот современный писателю мир Хаоса, подсвеченный цитатами из русской истории и культуры, мир, в котором перемешано мертвое и живое, мир-пародия, включен в контекст мировой истории с помощью упоминания Апокалипсиса. Конец света совершается в видениях – снах – галлюцинациях Маракулина. В этих видениях будут объединены все персонажи романа. Всех их ждет одна и та же участь. Апокалипсис в романе – это своеобразная "мозговая игра" главного героя, лишенного религиозного чувства. Автор представляет картины Страшного Суда как продолжение современного ему абсурда. Отсутствие всепоглощающей и объединяющей всех и вся религиозной веры (в ее истинном, "русском" обличье) – и превращает этот мир в Хаос.

Проанализируем художественную версию Страшного Суда в романе. Упоминание о Втором пришествии не раз встречается в тексте: "В чем застану, сужу тебя!, "Времена созрели, исполнилась чаша греха...", рассказы "безумствующего старца" о Страш-

ном Суде[96] и т.д. Идея Апокалипсиса развивается в нескольких аспектах – это катастрофа человечества, русского народа, отдельной человеческой жизни.

Речь пойдет о двух фрагментах романа, где наиболее ярко и в "концентрированной" форме отражены взгляды писателя на библейский сюжет, применительно к событиям начала XX в. Первый – рассуждения Маракулина (внутренний монолог) о возможностях построения "земного рая", второй – его "видения" "смертного поля".

"...Как бы поступило человечество, если бы, ну скажем так, **великие державы, союз держав мира во главе с Англией**, предложили бы особыми **манифестами** через палаты и думы подданным своим – всему человечеству эту *вошью*, беспечальную, безгрешную и бессмертную жизнь генеральши. Уж такая бы возможность выдалась действительным ли открытием, ну какой-нибудь **ученый немец Виттенштаубе наукою** дошел был с помощью своих рентгеновских лучей или *обманом*, ну какой-нибудь наш бывший губернатор Бурков-*самоистребитель* – мало ли сколько по Руси таких истребителей, изуверно обращающих на себя свой недюжинный талант, сам Бурков изобрел бы некоторый **фортель, шельмовство** временное и уж, конечно, так, чтобы чисто, или *дерзновением*, ну какой-нибудь **светоносный, святолепный старец Кабаков, завалив свое подполье с** граммофоном, изрекающим **глас с небеси**, объявил бы себя миру, как *вождь* и *судия* – искупитель изначального **Муркина греха**, и сотворил бы *нерукотворный Новый Сион* с **миром и милостью**, скоро, просто и дешево, как отнеслось бы, что ответило бы на это человечество? А думая так, продолжал Маракулин рассуждения свои с маракулинским упорством доходя до своей точки, – забыв должное и недолжное и всякое **спасение**, тихонечко, не снимая шляп и других соответствующих сану головных уборов, спустили бы подданые с себя штаны, да, осенив себя крестным знамением, на зов мужественного свободного, гордого, святого слова юркнули ли бы в какую-нибудь гигантских размеров конским волосом заросшую го-

лову, состроенную хоть и у нас на том же **Бельгийском** заводе, впрыгнули бы в этот *кабаковский* нерукотворный Новый Сион с миром и милостью, чтобы начать новую *вошью* жизнь: *беспечальную, безгрешную, бессмертную*, а главное, спокойную: питайся, переваривай и закаляйся. *Стульчиком складным* обзавестись всегда успеется, да может, в таких условиях, когда у каждого на шее забренчит **коровий колокольчик**, чтобы питаясь, не затеряться, а без складного стульчика безопасно будет по Фонтанке для мциона прогуливаться и на Загородный в церковь ходить. И надо думать, так поступило бы все *разумное и доброе* – кто себе враг! – и поступило бы законно, правильно, мудро и человечно: в самом деле, ну, кому охота маяться, задыхаться без сна, потеряв терпение и покой!"[97]

Этот текст обнаруживает опять-таки перекличку Ремизова с Достоевским ("Преступление и наказание", "Записки из подполья"); кроме того, следует обратить внимание на искусные вкрапления и обработку мотивов "Трех разговоров" Вл. Соловьева, точнее входящей в это произведение "Краткой повести об антихристе". Вот некоторые фрагменты из "Краткой повести":

"Внутреннее значение антихриста как религиозного **самозванца** "хищением", а не духовным подвигом добывающего себе достоинства Сына Божия, связь его с лжепророком-тавтамургом, обольщающим людей действительными и ложными **чудесами, темное и специально греховное происхождение самого антихриста, действием** злой силы приобретающего свое внешнее положение **всемирного монарха**...;

Данный в Откровении характер лжепророка и прямо указанное там назначение его – морочить людей в пользу антихриста – требуют приписать ему всякие **проделки колдовского и фокуснического свойства**...;

В новый год своего властвования римский и всемирный император издает новый **манифест**: "Народы земли! Я обещал вам **мир**, и я дал вам его. Но мир красен только **благоденствием**. Кому при мире грозят бедствия нищеты, тому и мир не радость. При-

дите же ко мне теперь все голодные и холодные, чтобы я насытил и согрел вас". И затем он объявляет простую и всеобъемлющую **реформу**, уже намеченную в его сочинении и там уже пленявшую все **благородные и трезвые умы**;

Новый владыка земли был, прежде всего, сердобольным **филантропом** – и не только **филантропом**, но и филозоем. ...**Общества покровительства животным** всячески поощрялись им. Важнее этих подробностей было прочное установление самого основного равенства – **равенства всеобщей сытости**;

"Христос, проповедуя и в жизни своей проявляя нравственное добро, был исправителем человечества, я же призван быть **благодетелем** этого отчасти исправленного, отчасти неисправимого человечества. ...Христос принес меч, я принесу мир. Он грозил земле страшным последним судом, но ведь **последним судьею буду я**, и суд мой будет не судом правды только, а **судом милости**";

Грядущий человек был выбран почти единогласно в пожизненные президенты **Европейских Соединенных Штатов...**;

...и по настоятельным внушениям тайного "отчего" голоса **объявил себя единым воплощением верховного божества**"[98].

Такое обширное цитирование имеет своей целью указать на прямое и косвенное "заимствование" элементов чужого текста и позволяет по ходу анализа отмечать точки пересечения двух версий Второго пришествия и своеобразие трактовки Ремизова.

Анализ и комментарии:

"Союз держав во главе с Англией" вызывает две ассоциации: 1) соловьевские Европейские Соединенный Штаты и затем мировая империя и 2) намек на возможность переустройства мира парламентскими методами (Англия – страна старейшего парламента). Слово "манифест" является также прямой отсылкой к Вл. Соловьеву. Но здесь в сюжетную канву "Краткой повести..." вплетается другой литературный мотив – из творчества Ф. Достоевского: вошья жизнь в значении ничтожного животного существования. Вошья жизнь генеральши Холмогоровой, проводящей все время

за едой, прогулками в баню и церковь, становится символом существования ходячей бездушной плоти. Генеральша виновна уже тем, что не страдает, когда все вокруг мучаются. Она, в отличие от старухи-процентщицы из "Преступления и наказания", не наживается на чужом несчастье, она благоденствует среди несчастья других. Как видно уже с самого начала, вариант политических реформ как возможного "земного рая" ведет к жизни животной, стадной, безнравственной. Непосредственный переход к этой жизни предлагается произвести с помощью науки, причем "открытие ученого немца" приравнивается к *"обману"* (выделено курсивом Ремизовым). Подобное отношение к науке, к тому же – иностранного происхождения, можно истолковать двояким образом: негативное отношение символистов к позитивистской науке конца XIX в. – общеизвестно[99], а немецкая фамилия ученого является знаком "вторжения" в русскую культуру чуждых западных влияний. Бурков – владелец дома, где проживают многочисленные персонажи романа, – "антихрист" местного масштаба. Его "фортель и шельмовство" – тоже заимствованы из "Краткой повести..." (см. о "колдовстве и фокусах"). Но основное внимание уделено не Буркову, а старцу Кабакову – вот "антихрист" мирового масштаба. Этот старец, уже встречавшийся на страницах "Крестовых сестер", в одном ряду со "старцем соитием плоть умерщвляющим"[100], имеет, по крайней мере, двух реально существовавших прототипов: Г. Распутина и старца Федотушку. Вот вырезка из газеты за 1908 г. (из нескольких собранных Ремизовым – все о событиях страшных, или смешных и страшных – одновременно): "7 февраля выездной сессией окружного суда в Верхотурье, Пермской губернии, началось разбором дело о старце "Федотушке". Живя уединенно в лесу и выдавая себя за иеромонаха, Федотушка привлекал толпы паломников, преимущественно женщин. Некоторых богомолок Федотушка оставлял при себе, для удовлетворения своих страстей, а потом *убивал*"[101] (выделено А. М. Ремизовым). И Г. Распутин – и старец Федотушка представляли собой людей внешне благочестивых – в сочетании с наклонностями

низменно порочной натуры. Г. Распутин, приближенный к царскому дому, обладающий возможностью влиять на управление страны, вмешиваться в дела государственной важности, – становится для Ремизова реально существующим российским "антихристом" во плоти. Но почему писатель наделяет своего персонажа фамилией "Кабаков"? "Светоносный святолепный старец Кабаков" – образ, восходящий к традициям карнавальной культуры. Кабак в этой традиции становится символом антицеркви[102]. Перед нами фарс на Новый Завет (Откровение Святого Иоана Богослова), имеющий своей целью изобразить "перевернутую" действительность как примету воцарения лжепророка. "Подполье с граммофоном" – отсылка к Ф. Достоевскому. Старец-то появляется из подполья, откуда, как известно, герой провозглашал, что "свету бы провалиться, а мне чай пить!" Нужно отметить, что один из "подпольных" героев Ремизова – Костя Клочков из романа "Часы", сходя с ума, мнит себя "Костей Саваофом"[103]. Эта затекстовая "подсветка" выявляет природу истинных намерений "антихриста" Кабакова: "Объявил себя миру", "изрекающий глас с небеси", "вождь и судия" – здесь кроме явных соответствий с "Краткой повестью..." налицо обращение к Библии (которая была первоисточником и для соловьевского текста): "И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними"[104]. Вот - истинный глас Божий, знаменующий Второе пришествие. Старец Кабаков, "изрекающий глас с небеси", претендует на роль Высшего Судии. Нерукотворный Новый Сион – термин церковный, означающий "царство святых на небе"[105]. Лжепророк, метящий на место самого Бога, намеревается создать земную "новую церковь", мысль сама по себе еретическая и кощунственная, и в тексте это маркируется словами "скоро, просто и дешево". Намек на Вл. Соловьева в цитировании "суда", "мира" и "милости". Но что значит "искупитель изначального Муркина греха"? Здесь тоже есть параллель с "Краткой повестью...", где антихрист выступает покровителем животных, но Ремизов обыгрывает этот мо-

мент своеобразно. Страдающее животное в "Крестовых сестрах" – один из аргументов в доказательстве Ремизовым неизбывности страдания на земле как умысла Божьего. Уместно вспомнить в этой связи идею о "божьем попущении" А. Данилевского: "Как "божье попущение" Дьяволу в истории с избиением вифлеемских младенцев оборачивается на деле составной частью "божьего промысла" искупительной миссией спасителя, так "богооставленность мира" – новое "божье попущение"! – должно со временем обернуться предпосылкой для реализации более глобального "божьего промысла" – воскресения и второго пришествия Христа и, тем самым, окончательного "посрамлении" Богом Дьявола"[106]. Вся человеческая история рассматривается писателем с точки зрения первородного греха (см. "сны" Акумовны). Вводя в повествование мучающуюся кошку, автор ставит вопрос о том, что невозможно объяснить страдания как последствия выбора между жизнью и познанием первопредками. Животное не может выбирать в пользу познания, таким образом, Ремизов склонен рассматривать зло как неотъемлемую часть существования, а выбора Адама и Евы, по сути дела не было. Правда, для человека страдание может стать ступенькой к спасению. Старец дерзает изменить миропорядок, положенный от Бога, выступая "искупителем", тем самым освобождая все живое от мук, но при этом лишая человека возможностей духовного подвига.

Каким образом совершается переход в этот Новый Сион? Подданные забывают о спасении – то есть христианскую веру (что соответствует и сюжету "Краткой повести..."). Но далее совершаются действия, которые интерпретируются лишь с точки зрения карнавальной символики: обнажение – это знак торжества кромешного мира, нарушение правил. (См. напр. лубочную картинку "Бесстыдный в трактир вошел")[107]. "Рай" – это "антимир" у Ремизова. "Гигантская голова, заросшая конским волосом, состроенная на Бельгийском заводе" – сложная контаминация, требующая разъяснений. Прослеживаются ассоциации с образом Горбачева (его нос, заросший конским волосом[108]), у Горбачева, в свою очередь, бы-

ло два прототипа – писатели Ф. Сологуб и Д. Мережковский[109]. В данном случае более значимым оказывается образ Мережковского, известного своими религиозными теориями спекулятивного толка, и самое имя которого автоматически ассоциировалось со словом "антихрист". (См. напр. письмо А. В. Гиппиуса А. А. Блоку: "Дорогой Александр Александрович! В эту пятницу в Соляном Городке состоится лекция Мережковского о Гоголе, где он докажет как дважды два, что Чичиков и Хлестаков – антихристы..." Спб., 26 марта 1902 г.)[110].

Горбачев и старец Кабаков чрезвычайно близки друг другу своей ролью "самозванца" (Горбачев также возвещает Второе пришествие – об этом чуть позже). Живописуя образ Горбачева, Ремизов не скупится на художественные средства. Склонность к церковным песнопениям не мешает этому герою умертвить собственную дочь. Его "благочестие" входит в вопиющий контраст с его намерениями и действиями. Контраст этот нашел свое отражение и в стилистике текста: "...а на Пасху все эти *дщери песнопения* и весело и задорно отхватывают ему *Христос воскрес*"[111]. Стилистическая несочетаемость слов старославянских по происхождению с разговорной лексикой – "дщери песнопения" и "весело и задорно отхватывают" – пример столкновения стилей, дающий юмористический эффект. Однако речь Горбачева создает эффект уже далекий от юмора: "Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко, я всех вас, шельмецов, перевешаю на веревочке! – ворчит обиженный... окуривая ладаном по субботам все свои тридцать углов и злобно и горько перемешивая божественное с непотребным"[112]. Сочетание библеизмов с бранью – пример кощунственного снижения понятий "высокого" в эстетике и морали. Перемешивание божественного с непотребным становится основным структурообразующим принципом создания текста романа, это смешение – зловещий знак наступления Хаоса.

"Голова" – долженствует отразить всю умозрительность подобных попыток устроения лучшей жизни и авторский скепсис по отношению к ним (важны и автобиографические моменты для

понимания этого фрагмента – негативное отношение Ремизова к Мережковскому[113]). Следует также усмотреть намек на напрасные надежды основать это царство сытости и благоденствия, исходя из логических посылок, прагматической пользы, которая не затрагивает вопросов духовной жизни.

"Завод" – по-видимому, своей знаковой природой связан с мотивами политической борьбы, революции как одного из методов переустройства земной жизни. Ремизов по существу "проигрывает" в этом фрагменте все возможные варианты улучшения человеческого существования: наука, открытия, политические реформы, революция – методы реальные, обман и чудеса – ирреальные. Указание на революционный путь, ведущий в "земной рай", есть еще в одном месте романа с однозначной авторской оценкой: "А когда Цыганов куда-то исчез с фабрики от Плотникова: одни говорили, что его в Сибирь сослали, другие, что он за Трехгорной заставой на заводе устроился и с большим окладом, а третьи, *что объявил будто бы миру чуть ли не Новый Сион...*"[114] Уже одна эта цитата, где на одну доску ставится большой оклад и устройство Нового Сиона, достаточно красноречива, но кроме того Цыганов, занимавшийся распространением листовок, наделен чертами насильника. Насилие над женщиной (заметим, что для Ремизова женщина отмечена печатью божественного света) становится знамением насилия всеобщего как методов революции[115]. Новый "рай" Ремизов, как и В. Соловьев, связывает с идеей всеобщей сытости (основной, по их мнению, для сторонников политической борьбы). Но у Ремизова этот мотив усилен. Появляется "коровий колокольчик" – автор доводит идею построения счастливого "сытого" общества до логического тупика: коровье стадо, да еще под непрерывным присмотром – вот перспектива человечества, поверившего лжепророкам. "Разумное и доброе" у Ремизова – это соловьевские "все благородные и трезвые умы".

Заметим, что поэтика исследуемого фрагмента текста основана на эффекте столкновения, "взрыва" полярно противоположных смысловых и стилистических единиц. Это и приводит к созданию

фарса. Словесный "взрыв" – также знак дьявольской "бездны". Л. К. Долгополов писал, что "Взрыв и бездна" – два центральных образа-символа художественного творчества Белого в зрелый период, последовательно обозначающий этапы приобщения человека к мировой жизни и выхода его за пределы бытовой эмпирики"[116], у Ремизова "взрыв" имеет несколько иное значение. Но он также присутствует в знаковой структуре произведения. Взрыв языковой стихии – это знак вторжения сил зла, перемешивания "нижнего" и "верхнего". А. Шейн предлагает термин "fusion"[116*] в отношении стиля Ремизова [117], в данном случае хочется предложить термин "explosion".[117**] Сочетая стиль высокий, торжественный – библеизмы, церковнославянизмы с разговорно сниженными формами, писатель достигает адекватного словесного выражения существования "антимира". "Фортель и шельмовство" в одном ряду с "дерзновением". Старец Кабаков – новоявленный антихрист, характеризуется как "светоносный, светолепный". Достаточно справиться у Даля, чтобы подтвердить свое ощущение кощунственного фарса ("Светоносный ангел; светоносное облако; светоносное учение или истина"; "Святолепный образ")[118]. "Вождь и судия" искупает "Муркин грех", а Новый Сион творится "скоро, просто и дешево". Антимир рисуется в традициях карнавальной культуры, а языковой строй отражает все нюансы мировоззренческой установки автора.

Соловьевский "рай" с его равенством и сытостью, преобразившийся у Ремизова в коровье пастбище, возникает снова в литературной традиции – в творчестве поэтессы и переводчицы А. Радловой, одно время входившей в круг знакомых писателя. В его рукописный альбом "Цветник" она вписывает стихотворение, посвященное А. Ремизову, где будут фигурировать пресловутые "колокольчики" (у Радловой – "бубенчики"). Очевидна и идейная перекличка с Ремизовым.

[116*] сплав (англ).

[117**] взрыв (англ).

Бывают же на свете лимонные рощи,
Земля, рождающая вдоволь хлеба,
Нестерпимо теплое, фиалковое небо
И в узорчатых соборах тысячелетние нестрашные мощи.
И гуляют там **с золотыми пустыми бубенчиками в груди люди** –
Господи, Ты, самый справедливый из Судий,
Зачем же Ты судил, чтобы жизнь наша была так темна и убога,
Что самая легкая из всех наших дорог – к Тебе дорога?
Почему нет у нас ни цветов, ни вина, ни хлеба
И над нами торчит как черная крышка небо?
А Бог отвечает: хмельнее вина, жарче огня, скрытней земли, глубже воды,
Утешнее сна, слаще чем все земные плоды
Подарена вам любовь,
Теплая и соленая как кровь.

Анна Радлова. Пг., 13 марта 1920 г.[119]

Итак, как видно из приведенного анализа данного фрагмента "земного рая", Ремизов, пользуясь библейским сюжетом и текстом "Краткой повести..." Вл. Соловьева, создает свою версию Второго пришествия – как Антипришествия. На сюжетную канву "Краткой повести..." наслаиваются конкретные исторические и автобиографические детали, причем акцент делается на понимании человеческой истории как истории постоянных страданий ("первородный грех"), а любые попытки построить "рай" на земле выглядят, прежде всего, нарушением миропорядка, положенного от Бога, и поэтому все подобные поползновения – суть происки Дьявола. Человечество, накормленное и освобожденное от мук, скатывается к животному состоянию, перестает быть одухотворенным созданием рук Божьих. Любые попытки человека вмешаться в сам строй

жизни обречены на провал и ведут к потере глубинного смысла человеческого существования – потере понятия нравственного подвига, где горе и мука открывает путь в царство Духа. ("Горе – источник, оживляющий сухие силы. И горе – путь, по дорогам не полевым и лесным, а небесным. <...> Безгорьный человек – жуткое существо.." – запись в дневнике А. М. Ремизова 29 августа 1947 г.)[120]. Автор пользуется приемами карнавальной поэтики, но если смеховая культура Руси в большинстве своем отражает жизнеутверждающие настроения ("Повесть о Горе-злосчастии" уже выходит за рамки этой традиции)[121], то пародии и гротеск Ремизова являются гротеском модернизма с его "страхом жизни", "мотивами безумия", "людей-марионеток" и т.д.[122] Автор следует самому принципу "переворачивания", но в отличие от средневековой культуры все материальное рассматривается как враждебное, нарушена природная взаимосвязь человека с миром, – в этом коренное отличие гротеска модернизма и гротеска народной культуры.

Теперь обратимся к фрагменту "смертного поля". Высший суд представляется Маракулину следующим образом:

"И ночью привиделось, что будто лежит он на Бурковом дворе <...> И не один он лежал на дворе, с ним вместе лежали все жильцы и с парадного и с черного конца дома, из флигеля и горбачевских углов <...> акушерка Лебедева, покрытая меховой зимней шубой, которую у ней на Рождество украли <...> и студенты, которые панихиду по ночам пели, так и лежали рядышком в студенческих новеньких мундирах и с своим единственным медным краном, и все семь дворников и паспортист Еркин с больничными рублевыми марками, весь облеплен марками, все лицо и руки <...> А когда Маракулин, узнав во всех своих бурковских, зорче стал вглядываться, то увидел и не бурковских – ...всех блаженных и юродивых, старцев и братцев, и всяких бельгийцев и немцев; скучены были немцы вокруг доктора Виттенштаубе, который лечит от всех болезней рентгеновскими лучами, и наконец, всю бродячую Святую Русь.

Так лежали на Бурковом дворе, как на смертном поле, но не

кости, живые люди, <...> у всех жило и билось сердце.

И звери с людьми лежали, красивый рыжий губернаторский пес *Ревизор* ... где-нибудь и Мурка лежала, только застил ее какой-нибудь дымчатый кот.

А рядом с Маракулиным генеральша Холмогорова лежала, *вошь*. <...>

"Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко!" – нескладно, точно спросонья, потянул носом, заросшим конским волосом, Горбачев.

И вот забренчало что-то, как шашкой, и из шкапчика-*ларька* вышел пожарный, нечеловечески огромный, в огромной медной каске, и пошел, застучал сапогами... Это был самый обыкновенный пожарный – красная рожа. <...>

И хотел бы Маракулин дерзнуть, как какой-нибудь старец Кабаков, молитвою вызывающий *глас с небеси*, за всех, за весь мир спросить пожарного, но духу не хватило по-кабаковски спросить за всех, за весь мир, за все *смертное поле* и он спросил о себе:

"А мне хорошо будет?"

<...>

И ответил ему пожарный, да так уныло, едва слово кончил: "Хо-ро-шо"[123].

Картина Страшного суда дана Ремизовым явно в пародийном духе: люди и животные лежат вповалку, введены конкретные бытовые детали, которые сводят на нет высокую торжественность библейского сюжета (медный кран, меховая шуба, Еркин, облепленный марками и т.д.). Эта пародия на "Откровение" имеет под собой идею измельчания, регресса истории. (См. сцену "заклания агнца"[124] в "Мелком бесе" Ф. Сологуба).

О Суде Божьем возвещает Горбачев, становящийся, таким образом, еще одним лжепророком (наряду с Кабаковым). Его речь, по-видимому, представляет собой контаминацию и обработку обращений трех Ангелов:

"И увидел я другого Ангела, летящего по средине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на

земле и всякому племени и колену, и языку и народу; И говорил он громким голосом: убойтесь Бога и возлайте Ему славу, ибо наступил **час суда Его**...

И третий Ангел последовал за ними, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его... Тот будет пить **вино ярости Божьей**, вино цельное, приготовленное в **чаше гнева Его**...

И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом сидящему на облаке: пусти серп свой и пожни, потому что пришло **время жатвы**; ибо жатва на земле **созрела**"[125].

В речи Горбачева соединяются и перефразируются несколько библейских цитат, и он соответственно является "ангелом", провозвестником Пришествия, но Пришествие оборачивается своей противоположностью, если его возвещают такие "ангелы".

Пожарный – искаженная проекция другого Ангела: "И иной Ангел, **имеющий власть над огнем**, вышел от жертвенника и с великим криком воскликнул к имеющему острый серп: пусти острый серп свой и обрежь грозды винограда на земле, потому что созрели ягоды..."[126] Относительно пожарного у С. Аронян имеется другая версия, которую можно также принять во внимание, не отбрасывая предложенной: "...the fireman, symbol of hell's fiery holocaust")[127]. ("Пожарный, символ гибели в адском пламени.")

Во фрагменте "смертного поля" опять повторяются (автоцитируются) и старец Кабаков, и доктор Виттенштаубе, и генеральша Холмогорова, и уже упомянутый Горбачев, причем повторяются и некоторые ключевые слова из предыдущего отрывка ("глас с небеси", "дерзнуть"). Таким образом, сцены "земного рая" и "смертного поля" дополняют друг друга и отчасти смыкаются – "смертное поле" и представляет собой в какой-то степени этот ложный "рай". И там, и здесь в финале была обещана лучшая жизнь, но в последнем случае обещание это "унылое". Пришествие оборачивается антипришествием, как "рай" оборачивается антимиром. Но пародийная форма у Ремизова осложняется высокой трагедийной нотой страдания человеческой души: "...у всех жило и билось сердце".

Итак, создавая мир абсурда, как земную реальность в предлве-

рии надвигающегося Апокалипсиса, как отражение регресса истории, Ремизов пользуется богатой палитрой художественных приемов, унаследованных из культуры и литературы Древней Руси и культуры XIX века. Но владение этими приемами индивидуально, автор вносит собственные нюансы в интерпретацию известных мотивов.

Ремизов строит повествование, вводя в него акты узнаваемые: в романе действуют исторические и реально существовавшие люди, использованы материалы петербургской хроники и т.д. Этот автобиографический пласт (наряду с материалом, отражающим контекст эпохи) органично входит в художественную реальность, тем самым размываются границы реального существующего и созданного на бумаге. (Биографический контекст в "Крестовых сестрах" подробно проанализирован А. А. Данилевским и В. Н. Топоровым)[128]. Факты, использованные писателем, нередко настолько нелепы, что оставляют впечатление невозможного. Подбор таких деталей реальной действительности при выстраивании сюжета объясняется пристрастием Ремизова к чтению периодики, когда им особое внимание обращалось на невероятные происшествия, в которых ему виделся разгул "бесовства" – в сочетании страшного и смешного одновременно[129]. (Ср. в романе: "И по утрам, читая газеты, с каким-то нетерпением искал он и, находя, радовался – злорадствовал всяким убийствам, пожарам, катастрофам...")[130]

Следуя традициям классической литературы XIX в., Ремизов использует мотивы творчества А. С. Пушкина, Н. А. Гоголя, отчасти Л. Толстого и большей частью Ф. М. Достоевского. А. Измайлов в своей статье о "Крестовых сестрах" заметил, что автор "весь вышел из Достоевского и весь в него ушел"[131]. Другие критики говорили об "измельчании" литературных героев Ремизова по сравнению с героями его великого предшественника. Однако это дробление – мельчание образа, имеет под собой определенный художественный замысел. Эта "раздробленность" характера с его "недовоплощенностью" (Маракулин не "тянет" ни на одного из героев Достоевского) имеет под собой авторский замысел:

показать читателю героя абсурда современной действительности. Снижение образов Гоголя и Пушкина также связано с эффектом нарастающего хаоса. Маракулин – логическое завершение образа чиновника-писца, труд которого принимает подчас бессмысленные формы. Та же художественная задача определила двойничество Маракулина и Петра I, когда легендарный царь лишается своего ореола всемогущества, становясь равным "маленькому человеку".

Обращение к древнерусской сатире и фольклору в контексте ремизовского "антимира" воссоздает картину глобальной пародии как реальной действительности. Особый художественный эффект достигается пародированием уже известных сатирических сюжетов. Соседство знаков христианской морали и знаков "кромешного мира" оборачивается зловещим кощунством, предвестником Апокалипсиса. Особый накал трагедийности – в сопряжении жизни живой и мертвой, создании атмосферы "кукольного театра", где святые мученицы обречены на существование с ходячими манекенами.

Пародирование текста "Откровения" и переосмысление "Краткой повести..." Вл. Соловьева приводит к изображению катастрофы, когда смешное является прямым отражением ужасного. Тем пронзительнее боль живого человеческого сердца в кошмаре фарсового существования.

Ведущим стилеобразующим принципом изображения действительности как "антимира" становится гротеск, пародия, "выворачивание наизнанку" понятий положительного в традиционной культуре. Этот принцип наследуется автором из культуры Древней Руси, однако гротеск Ремизова не средневековый, а современный, модернистский, с его характерным "страхом жизни".

Примечания

1. *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959.
2. *Шестов Л.* Творчество из ничего (А. П. Чехов) // Вопросы

жизни. 1905. N. 3. С. 155.

3. *Данилевский А. А.* Ремизов и Л. Шестов // Тезисы докл. по гум. и ест. наукам. СНО. Рус. литература. Тарту, 1986. С. 47.

4. *Ремизов А. М.* По поводу книги Л. Шестова "Апофеоз беспочвенности" // Вопросы жизни. 1905. N. 7. С. 204.

5. *Минц З. Г.* О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1979. Вып. 459. С. 108.

6. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1987. Вып. 748. С. 99–100.

7. *Долгополов Л. К.* Андрей Белый и его роман "Петербург". Л., 1988. С. 296; *Данилевский А. А.* Mutato nomine de te fabula narratur // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1986. Вып. 735. С. 137–138.

8. *Гаспаров Б. М.* Поэма А. Блока "Двенадцать" и некоторые проблемы карнавализации в искусстве XX в. // Slavica Hierosolymitana: I. 1977. С. 109.

9. *Там же.* С. 131.

10. *Долгополов Л. К.* На рубеже веков. Л., 1985. С. 159–160.

11. *Эпштейн М. М.* Фауст и Петр на берегу моря // *Эпштейн М. М.* Парадоксы новизны. М., 1988. С. 63–64.

12. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры. М., 1989. С. 115.

13. *Фаминцын А. С.* Скоморохи на Руси. Спб., 1889. С. 188–189.

14. *Ремизов А. М.* Тулумбас // Записки мечтателей. Пг., 1919. N. 1. С. 14.

15. *Ремизов А. М.* Пляшущий демон. Париж, 1949. С. 19, 21, 26, 31.

16. *Синявский А.* Литературная маска сказа Алексея Ремизова // Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 25–40.

17. *Там же.* P. 25–40.; *А. Белый.* Между двух революций. М., 1990. С. 64–65.

18. *Данилевский А. А.* Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А. М. Ремизова "Пруд" // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1988. Вып. 822. С. 144.

19. *Ремизов А. М.* Письмо И. А. Рязановскому. 14 июня 1910 г. РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 9.

20. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 22.

21. *Там же.*

22. *Там же.* С. 98.

23. *Там же.*

24. *Там же.* С. 99.

25. О гоголевских мотивах см.: *Безродный М.* Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова // Сборник трудов филолог. фак-та. Тарту, 1977. С. 108.

26. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1956. Т. 2. С. 299. (*С. Аронян* так же расшифровывает фамилию главного героя романа, но без ссылки на Даля); см. ее ст.: *Aronian S.* The Hidden Determinant: Three Novels of Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 163.

27. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 3.

28. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М., 1973. С. 254–255.

29. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 17.

30. *Одиноков В. Г.* Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1981. С. 45. (Маракулина с главным героем "Записок из подполья" связывает желание "спастись любовью".)

31. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. Избранные статьи. М., 1982. С. 437–438.

32. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 68.

33. *Там же.* С. 69.

34. *Дрозда М.* Художественно-коммуникативная маска сказа // Зборник за славистику: 18. Београд, 1980. С. 39.

35. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia... С. 110.

36. *Одиноков В. Г.* Указ. соч. С. 141.

37. *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1973. Т. 8. С. 188.

38. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 52.

39. *Там же.* С. 59.

40. *Там же.* С. 67.

41. *Там же.* С. 54.

42. *Там же.* С. 76, 84.

43. *Там же.* С. 107.

44. *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Волошин и Ремизов // Волошинские чтения: Сб. науч. трудов. М., 1984. С. 96.

45. *Пяст В.* Из книги "Встречи" // Наше наследие. 1989. N. IV(10). С. 95.

46. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 5.

47. *Эпштейн М. М.* Князь Мышкин и Акакий Башмачкин // *Эпштейн М. М.* Парадоксы новизны. М., 1988. С. 65–80.

48. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 5.

49. *Там же.* С. 6.

50. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 216.

51. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 55.

52. *Там же.* С. 45.

53. *Сакович А. Г.* Русский настенный лубочный театр XVI–XIX вв. // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. М., 1983. С. 58.

54. *Там же.* С. 59.

55. *Ремизов А. М.* Святочные рассказы. Что есть табак. Царь Додон. 1906–1907 гг. РНБ. Ф. 292. Ед. хр. 23. С. 15–16.

56. *Сакович А. Г.* Русский настенный лубочный театр XVI–XIX вв.... С. 62.

57. *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Спб., 1902. Т. VII. С. 4–6.

58. *Срезневский В. И.* Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук в 1902 году. Спб., 1903. С. 106–107.

59. *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. Спб., 1908. С. 2.

60. *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия по церковнославянскому и древнерусскому языку. М., 1861. Ст. 1367–1383.

61. *Ремизов А.М.* Крестовые сестры... С. 16.

62. Цит. по: Повесть о Горе-злосчастии. Л., 1985. С. 41–47.

63. *Ремизов А. М.* Письмо к И. А. Рязановскому от 27.01.1918. РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 33. Л. 44.

64. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 85–86.

65. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: В 3 т. М., 1904. Т. 1. С. 394–397.

66. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 91.

67. *Топоров В. Н.* О "Крестовых сестрах" А. М. Ремизова: поэзия и правда // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1988. Вып. 822. С. 125–126.

68. *Лихачев Д. С., Панченко А. Н., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 168–169.

69. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 92.

70. *Ремизов А. М.* Письмо к А. Блоку от 1.VII.1911 // Лит. наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 94.

71. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia... С. 110–111.

72. *Ровинский Д.* Русские народные картинки: В 5 кн. Спб., 1881. Кн. 5. С. 75.

73. *Даль В.* Толковый словарь... Т. 2. С. 375.

74. *Там же.* Т. 4. С. 223.

75. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 93.

76. *Там же.* С. 92.

77. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia... С. 112.

78. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни... С. 453.; *Буслаев Ф. И.* Сочинения: В 3 т. Спб., 1908. Т. 1. С. 349–350 (интересно, что здесь Буслаев отмечает: "Гог и Магог – татары в русских летописях").

79. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 95.

80. *Ремизов А. М.* Пляшущий демон. Париж, 1949. С. 19, 21, 26, 31.

81. Энциклопедический словарь. Спб., 1893. Т. X. С. 62–63.

82. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 24.

83. *Афанасьев А. Н.* Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. М., 1986. С. 97–98.

84. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 24.

85. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Указ. соч. С. 41–42.

86. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 100.

87. Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977. С. 34.

88. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 63, 64.

89. Древние российские стихотворения... С. 76.

90. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia... С. 100.

91. Русская демократическая сатира... С. 87–88.

92. *Лихачев Д. С., Панченко А. Н., Понырко Н. В.* Указ. соч. С. 11.

93. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia... С. 105; Похожим образом А. Белый использует иностранные фамилии в "Петербурге": *Долгополов Л. К.* Андрей Белый и его роман "Петербург". Л., 1988. С. 190.

94. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 55, 103.

95. *Горяев Н. В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896. С. 10; Энциклопедический словарь. Спб., 1891. Т. IIa. С. 784–785.

96. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 16, 21, 26.

97. *Там же.* С. 44–45.

98. *Соловьев В.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об антихристе и с приложениями // *Соловьев В.* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 641, 642, 746, 747, 741, 745, 760.

99. *Минц З. Г.* Блок и русский символизм // Лит. наследство. М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 104.

100. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 27.

101. Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. Копенгаген, 1976. С. 47; В "Крестовых сестрах" имя Кабакова –

Федотушка: *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 27.

102. *Лихачев Д. С., Панченко А. Н., Понырко Н. В.* Указ. соч. С. 20.

103. *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 8 т. Спб., 1910–1912. Т. II. С. 140.

104. Библия. Откровение Св. Иоанна Богослова. Гл. 14. Ст. 13.

105. Полная популярная Библейская энциклопедия: В 4 вып. М., 1891. С. 82–83.

106. *Данилевский А. А.* Функция автобиографизма в Ш-ей редакции романа А. М. Ремизова "Прул"... С. 153.

107. *Лихачев Д. С., Панченко А. Н., Понырко Н. В.* Указ. соч. С. 52, 13.

108. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 21.

109. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia... С. 107–108.

110. Лит. наследство. М., 1980. Т. 92. Кн. I. С. 431.

111. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 20.

112. *Там же.* С. 21.

113. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia... С. 119–120.

114. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 80.

115. Об отношении к революции Ремизова см.: *Кодрянская И.* Указ. соч. С. 80; *Ремизов А. М.* Пруд (главы 12, 13); рассказы "Придворный ювелир", "Казенная дача", "Новый год"; "Пятая язва"; "Слово о погибели Русской земли" (см. раздел: "Источники" в библиографии).

116. *Долгополов Л. К.* А. Белый и его роман "Петербург"... С. 313.

117. *Shane A.* An Introduction to "Alexej Remizov" // Triquarterly: XXVII. 1973. P. 10–11.

118. *Даль В.* Толковый словарь... Т. 4. С. 159, 162.

119. *Ремизов А. М.* Мой альбом. Цветник. РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 17. Л. 9. (Напеч. в: Радлова А. Корабли. Пг., 1920. С. 14.) Сохранена пунктуация рукописного оригинала.

120. *Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 197.

121. *Лихачев Д. С., Панченко А. Н., Понырко Н. В.* Указ. соч. С. 53–57.

122. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 56–57.

123. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 73–74.

124. *Минц З. Г.* О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов... С. 113.

125. Библия. Откровение. Гл. 14. Ст. 6, 7, 9, 10, 15.

126. *Там же.* Ст. 18.

127. *Aronian S.* Указ. соч. P. 154.

128. *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia ... С. 99–123; *Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 121–138.

129. Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу... С. 46, 49.

130. *Ремизов А. М.* Крестовые сестры... С. 61.

131. *Измайлов А.* Старорусские кружева // *Измайлов А.* Пестрые знамена. М., 1913. С. 100.

Заключение

Миф о "Святой Руси" А. М. Ремизова, нашедший свое отражение в поэтике его раннего творчества и получивший законченное воплощение в "Крестовых сестрах", являлся и в дальнейшем одним из основополагающих в мировоззрении этого писателя. Идейно-художественные поиски А. М. Ремизова находились в русле проблематики споров о судьбе России – в контексте "Востока или Запада" как будущего исторического пути. Поиски "синтеза" и "соборности" в символистской среде можно объяснить тягой к национальному духовному единению в атмосфере эсхатологических настроений начала XX века (и как результат – создание различных версий религиозно-эстетических утопий). Спасение России и спасение мира Россией – вот основной тезис символистов и ряда близких к ним литераторов, тяготевших к неославянофильству. Впрочем, и в этой среде были свои разногласия.

Вслед за В. Соловьевым, рассматривавшим самобытность России в ее примирительной, объединяющей роли Востока и Запада, Д. С. Мережковский в своем романе "Петр и Алексей" дал свой вариант "синтеза": "...чтобы достичь исторического совершенства... нужно "слить восточную мистику с европейским рационализмом, способность к созерцанию со способностью к действию."[1] Д. С. Мережковский также пытался соединить "христианство, в котором видел исключительно "бесплотность", монашество и аскетизм, с эллинистическим восточным язычеством"[2]. Д. С. Мережковский следует традициям философских исканий В. Соловьева, когда им

овладевает мысль соединить православие с католичеством, восточный образ "богочеловека" и западный – "человекобога".[3] В. Розанов также видел в официальном христианстве отрицание плоти и предлагал свою религию "домашней церкви", где плоть предстала изначально одушевленной.[4] А. Белый считал, что "восточное" и "западное" уже соединились в русском человеке и это губительно для истории, "гибель Европы предрешена".[5] Он полагал, что "роль России более ответственна", нежели примирять враждебные культуры, она "должна основываться на ее исконно-национальных особенностях."[6] А. М. Ремизов близок А. Белому, когда повествует о разрушении традиций русской культуры и возможном спасении страны через возрождение народной религиозности (см. например, финал "Петербурга", где Николай Аблеухов читает Григория Сковороду, носит русский костюм, отращивает бороду и т.д.). Но Ремизов расходится с Белым в том, что западное начало проникло в русскую плоть и кровь, по его мнению, попытка Петра I "цивилизовать", "европеизировать" Русь ни к чему не привела, западный порядок растворился в русской мистике. Ремизов далек и от "объединительных" тенденций Мережковского, так как не принимал западных культурных традиций как истинных. Неприятие западной цивилизации сквозит в письмах А. Ремизова к А. Блоку из Франции (так же как и в письмах А. Белого, отправленных друзьям и родственникам из Африки).[7] Знаки "восточной опасности" типичны как для А. Белого, так и для А. Ремизова. Что касается проблематики "плоти и духа", нашедшей свое отражение в культуре начала века в концепциях "синтеза", то Ремизов не последовал этой тенденции. У него между "плотью" и "духом" пролегла непроходимая пропасть. Спасение же он видит не в сочетании "земного" и "небесного" (в его творчестве всячески подчеркивается невозможность этого), а в отрицании "земного" как дьявольского и вознесении идеала духовности на подобающую высоту. Идеалом истинной веры становится для него "народное христианство" с его реликтами наивного язычества. Как просвещенный интеллигент, он не принимал религии "Бога карающего", и потому

тяготел к "народному пантеону" – Христу, Богородице, Николе (и прежде всего Богородице). В творчестве Ремизова (как в раннем, так и позднем) отразились те неославянофильские веяния, которые корнями своими уходят в народное мировоззрение. Н. Бердяев в своей книге "Судьба России" проанализировал феномен народного сознания, в котором важное место занимала идея о "богоизбранности и богоносности России."[8] Он же пишет о том, что "Русская религиозность – женственная религиозность", "Это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы..."[9] Н. Бердяев точно подмечает, что "Все своеобразие славянской и русской мистики – в искании града Божьего, града грядущего, в ожидании сошествия на землю Небесного Иерусалима, в жажде всеобщего спасения и всеобщего блага, в апокалиптической настроенности. Эти апокалиптические, пророчественные ожидания находятся в противоречии с тем чувством, что русские уже град свой имеют, и что град этот – "святая Русь".[10] Под этими словами мог подписаться и автор "Крестовых сестер". В художественной системе текста романа отразился и "наивный" взгляд на святое как истинно русское (отсюда и тенденция русификации библейских сюжетов). Е. Н. Трубецкой считал, что национально-мессианская психология, увлекавшая и людей высокообразованных и культурных, восходит к самосознанию простого народа: "Так или иначе русский национальный мессианизм всегда выражался в утверждении русского Христа, в более или менее тонкой русификации Евангелия."[11] То, что Ремизов отвергал "плоть", противопоставляя ее "духу", можно объяснить не только идеологией христианства, но и максимализмом народного взгляда на святое как недостижимо "высокое": "И колеблется русский человек между началом звериным и ангельским, мимо начала человеческого. Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством."[12] В 1900-х – начале 1910-х гг. Ремизов создал свой миф истории – миф о "России-мученице". Истоки его – и в народной религиозной культуре, и в философии и эстетике символизма, и в переосмыслении традиций классической литературы 19 века.

Неомифологическая концепция А. М. Ремизова по своей природе является религиозно-эстетической утопией в русле основных исканий символизма 1900-х гг. Своеобразие ремизовской позиции – в промежуточном положении между символистами "первой" и "второй волны": подобно первым, он видит мир раздвоенным и трагически противоречивым, подобно вторым, он ищет и находит эстетический и этический идеал в идеализированном конструкте, для А. М. Ремизова – это "золотой век" допетровской России.

Примечания

1. *Долгополов Л. К.* Андрей Белый и его роман "Петербург". Л., 1988. С. 292.

2. *Белый А.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 683.

3. *Михайлов О.* Пленник культуры // Мережковский Д. С. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 9.

4. *Розанов В. В.* В мире неясного и нерешенного // Розанов В. В. Избранное. Нью-Йорк, 1956. С. 75.

5. *Долгополов Л. К.* Указ. соч. С. 300.

6. *Там же.* С. 301.

7. *Ремизов А. М.* Письма А. А. Блоку. От: 8.05. 1911; От: 1.07. 1911. Париж // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 92–93, 95; Письма Андрея Белого // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 143–177.

8. *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 1.

9. *Там же.* С. 10.

10. *Там же.* С. 23–24.

11. *Трубецкой Е. Н.* Старый и новый национальный мессианизм // Новый мир. 1990. N. 7. С. 208.

12. *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 77. В ремизовском тексте "О человеке, звездах и свинье" (см. в: Ремизов А. М. Крашеные рыла. Театр и книга. Берлин, 1922) почти буквально совпадает общая

логика рассуждений с бердяевскими.

Приложение: БИБЛИОГРАФИЯ

Источники[1]

4.1 Произведения А. М. Ремизова и др. источники

4.1.1 Основные произведения, опубликованные в 1900-е–1910-е годы

[1] Автобиография // Фидлер Ф. Ф. Первые шаги. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1911. С. 224–225.

[2] Бесприютная. Повесть монастырская. Берлин, 1922.

[3] Весеннее порошье. Спб.: Сирин, 1915. 329 с.

[4] Gloria in excelcis. Рассказ // Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 180–187.

[5] Докука и балагурье. Русские сказки. СПб.: Сирин, 1914. 279 с.

[6] Завитушка // Куда мы идем. Сб. статей и ответов. М.: Заря, 1910. С. 109–112.

[1] Приведенный здесь перечень произведений А. М. Ремизова 1900-х–1950-х гг. ограничивается использованными источниками и не является исчерпывающим; см. библиографию H. Simany (1978).

[7] Зенитные зовы // Записки мечтателей. Пг.: Алконост, 1919. N. 1. С. 94.

[8] Золотой столб..Сказка // Невский альманах. Пг., 1915. С. 64–66.

[9] Иван-Купал // Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1904. С. 43–46.

[10] Из "Семидневца". Три рассказа // Записки мечтателей. Пг.: Алконост, 1921. N. 2-3. С. 158–167.

[11] Крестики // Книга. Пг.; М.; Киев, 1920. Сб. 2. С. 30–50.

[12] Крестовые сестры // Литературно-художественный альманах издва "Шиповник". Спб.: Шиповник, 1910. XIII. С. 159–297.

[13] Крестовые сестры. М.: Университетская библиотека, 1918. 192 с.

[14] Die Schwestern im Kreuz / Einleitung G. M. Anischkow. Tr. F. Frisch. Munchen; Leipzig: Georg Muller Verlag, 1913

[15] Krizove sestry / Prel. L. Rysava. Praha, 1916.

[16] Молитва // Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1904. С. 34–40.

[17] Огненная Россия // Пушкин. Достоевский. Пг.: Изд-е Дома литераторов, 1921. С. 138–147.

[18] О судьбе огненной. Стихи. Пг.: Артель художников "Сегодня", 1918. 8 с.

[19] Ремизов А. М. Письмо в редакцию 29 августа 1909 г. // Золотое Руно. 1909. N. 7-9. С. 145–148.

[20] Подорожие. Спб.: Сирин, 1913. 264 с.

[21] По поводу книги Л. Шестова "Апофеоз беспочвенности" // Вопросы жизни. 1905. N. 7. С. 204.

[22] Последний час. Проза // Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1904. С. 41–42.

[23] Рассказы. Спб.: Прогресс, 1910. 254 с.

[24] Ремез-птица // Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1913. С. 136.

[25] Россия в письмах // Полон: Лит. сб. Пг., 1916. С. 121–166.

[26] Русские женщины: Народные образы. Спб.: Скифы, 1919. 146 с.

[27] Сибирский пряник: большим и для малых ребят сказки. Пг.: Алконост, 1919. 46 с.

[28] Слово о погибели русской земли // Скифы. Пг.: Алконост, 1918. Сб. 2. С. 194–200.

[29] Снежок. Сказка. Пг.: Сегодня, 1918. 4 с.

[30] Собрание сочинений: В 8 т. Спб.: Шиповник, 1910–1912.

[31] Собрание сочинений: В 8 т. Спб.: Сирин, 1910–1912.

[32] Среди мурья. М.: Северные дни, 1917. 235 с.

[33] Странница. Повесть. Пг.: Революционная мысль, 1918.

[34] Три могилы // Записки мечтателей. Пг.: Алконост, 1919. N. 1. С. 72–73.

[35] Тулумбас // Записки мечтателей. Пг.: Алконост, 1919. N. 1. С. 143–145.

[36] Укрепа: Слово к русской земле. Пг.: Лукоморье, 1916. 140 с.

[37] Царь Додон. Пг.: Алконост, 1921. 32 с.

[38] Цепь златая // Сирин. Спб., 1913. Сб. 1. С. 241–264.

[39] Чертов лог и Полунощное солнце: рассказы и поэмы. Спб.: Eos, 1908. 34 с.

[40] Что есть табак. Гоносиева повесть. Спб.: Сириус, 1908. 34 с.

[41] Ясня. Русалия // Скифы. Спб., 1917. Сб. 1. С. 107–115.

4.1.2 Произведения, опубликованные в 1920-е–1950-е годы

[42] Автобиография // Литературная Россия: Сб. совр. русской прозы / Под ред. В. Лидина. М., 1924. С. 27-35.

[43] Ахру. Повесть петербургская. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 56 с.

[44] Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Париж: Оплешник, 1951. 96 с.

[45] Взвихренная Русь. Париж : ТАИР, 1927. 530 с.

[46] В поле блакитном. Берлин: Огоньки, 1922.

[47] В розовом блеске. Нью-Йорк: Изд-во им.Чехова, 1952. 424 с.

[48] Горе-злосчастное. Сказка. Берлин: Книжный кустарь, 1922. Свиток.

[49] Е. Тибетский сказ (из книги) // Литературная Россия: Сб. совр. русской прозы. / Под ред. В. Лидина. М., 1924. С. 39–42.

[50] Жизнь несмертельная // Петербургский альманах. Кн. 1. Пг.; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. С. 158–184.

[51] Звезда надзвездная. Париж: YMCA-press, 1928. 80 с.

[52] Звенигород окликанный. Николины притчи. Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924. 162 с.

[53] Зга. Волшебные рассказы. Прага: Пламя, 1925. 162 с.

[54] Корявка. Берлин: Изд-во Е. А. Гутнова, 1922. 88 с.

[55] Крашеные рыла. Театр и книга. Берлин: Грани, 1922. 138 с.

[56] Крестовые сестры. Роман. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 142 с.

[57] La Maison Bourkov (Soeurs en Croix). Roman. Paris, 1946.

[58] Soeurs en Croix / Trad. avec une introduction par R. Vivier. Paris, 1928.

[59] Sorelle in cristo / Trad. prefazione e note a cura R. Poggioli. Torino, 1930.

[60] Кукха. Розановы письма. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. 128 с.

[61] Лалазар. Кавказский сказ. Берлин: Скифы, 1922. 36 с.

[62] Мара. Книга рассказов. Берлин: Эпоха, 1922. 152 с.

[63] Мартын Задека: Сонник. Париж: Оплешник, 1951. 232 с.

[64] Мышкина дудочка: Рассказы. Париж: Оплешник, 1953. 207 с.

[65] Находка // Собачья доля: Сб. рассказов. Пг.: Слово, 1922. С.63–70.

[66] Образ Николая чудотворца. Алатырь – камень русской веры. Париж: YMCA-press, 1931. 91 с.

[67] Огонь вещей: Сны и предсонье: Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский. Париж: Оплешник, 1954. 232 с.

[68] Оля. Париж: Вол, 1927. 352 с.

[69] Пляс Иродиады. Берлин: Трирема, 1922. 138 с.

[70] Пляшущий демон. Париж: Склад издания "Дом книги", 1949. 109 с.

[71] Подстриженными глазами: Книга узлов и закрут памяти. Париж: YMCA-press, 1951. 304 с.

[72] Предисловие // Кодрянская Н. Сказки. Париж, 1950. С. 3–15.

[73] Ров львиный (из ненапечатанного романа) // Литературная Россия. Сб. совр. русской прозы / Под ред. В. Лидина. М., 1924. С. 36–49.

[74] Россия в письменах. Берлин: Геликон, 1922. Т. 1. 224 с.

[75] Сказки обезьяньего царя Асыки. Берлин: Русское творчество, 1922. 80 с.

[76] Собачья доля // Собачья доля: Сб. рассказов. Пг.: Слово, 1922. С. 7–8.

[77] Тристан и Исольда. Бова королевич. Париж: Оплешник, 1957. 141 с.

[78] Черная бабушка // Литературный альманах "Грани". Кн. 1. Берлин, 1922. С. 49–81.

[79] Шумы города. Ревель: Библиофил, 1921. 176 с.

4.1.3 Зарубежные издания 1960–1990-х годов

[80] Автобиография. 1923 // Русский Берлин. 1921-1923 / Под ред. Л. Флейшмана, О. Раевской-Хьюз. Paris: YMCA Press, 1983. С. 175–187.

[81] Взвихренная Русь. London, 1979 (репринт изд-я 1927 г.; 3-е изд. London, 1990).

[82] В розовом блеске / Introd. by J. West. Letchworth; Hertfordshire: Bradda, 1969.

[83] Встречи. Петербургский буерак. Paris: LEV, 1981. 425 с.

[84] Иверень / Ред., послесловие и комм. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986.

[85] Крестовые сестры. Letchworth, Hertfordshire: Bradda, 1969.

[86] Siostry krzyzowe / Poslowie A. Pomorskiego. Warszawa, 1985.

[87] Кукха. Розановы письма. Нью-Йорк, 1978.

[88] Неизвестные театральные переводы Алексея Ремизова / Вступ. заметка и публ. А. М. Грачевой // Europa Orientalis. 1994. N. 1. С. 217–283.

[89] Неизвестные театральные переводы Алексея Ремизова / Вступ. заметка и публ. А. М. Грачевой)// Europa Orientalis. 1995. N. 1. С. 289–354.

[90] Неизданный "Мерлог"/ Публ. А. д'Амелия // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1987. (См. перепеч.: [148].)

[91] О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак. Paris, 1983.

[92] Пятая язва / Introd. by J. West. Letchworth; Hertfordshire: Bradda, 1969.

[93] Россия в письменах / Пред. О. Раевской-Хьюз. N.Y., 1982.

[94] Учитель музыки: Каторжная идиллия / Подг. к печати, вступ. статья и прим. А. д' Амелия. Paris, 1983.

[95] Царь Додон. Berkeley. Б.г. (rpt.: Пг.: Алконост, 1921)

4.1.4 Произведения, опубликованные в СССР и России в 1970-е–1990-е годы

[96] Автобиографии: 1912, 1913 / Публ. А. М. Грачевой // Лица: Биографический альманах. Вып. 3. М.; Спб.: Феникс; Atheneum. 1993. С. 437–447.

[97] Аделаидин цвет. Валерий Брюсов. 1873-1924 // Лит. наследство. Т. 98. Кн. 2. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1994. С. 217–222.

[98] Баня: Рассказ // Окрыленные временем. М., 1990. С. 60–62.

[99] Взвихренная Русь / Сост. и вступ. ст. Б. В. Аверина, И. Ф. Даниловой. М.: Советский писатель, 1991. 537 с.

[100] Взвихренная Русь / Вступ. статья В. А. Чалмаева. М.: Советская Россия, 1990. 398 с.

[101] "Вонючая торжествующая обезьяна ..." / Публ. и комм. Е. Р. Обатниной // Новое литературное обозрение. 1995. N. 11. С. 142–153..

[102] Воробьиная ночь // Русская литературная сказка. М.: Советская Россия, 1989. С. 354–355.

[103] Воспоминания о Леониде Андрееве / Публ. и комм. Л. Н. Афонина // Научные труды / Курский гос. пед. инс-т. 1975. Т. 37. С. 215–223.

[104] Воспоминания о Блоке / Публ. Н. А. Кайдаловой и Н. Н. Примочкиной // Лит. наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 129–142.

[105] В розовом блеске. Автобиографическое повествование. Роман. М.: Современник, 1990. 750 с.

[106] Выставка рисунков писателей. В. Куковников (Ремизов А. М.) // Волшебный мир Алексея Ремизова. Спб.: Хронограф, 1992. Каталог выставки. С. 42. (Впервые опубл.: Последние новости. 1933. 30 декабря.)

[107] Голубой цветок: фрагменты из книг "Подстриженными глазами" и "В розовом блеске"// Альманах библиофила. М.: Книга, 1987. Вып. 22. С. 213–264.

[108] Дар Пушкина: Статья / Предисловие, подготовка текста и комм. М. Филина. // Книжное обозрение. 1989. 10 февраля. (См. также: [109].)

[109] Дар Пушкина: Статья / Предисловие, подготовка текста и комм. М. Филина. // Литература в школе. 1989. N. 3. С. 32–33.

[110] Дневник 1917-1921 годов / Публ. А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова, вступ. ст. и комм. А. М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 16. М.; Спб.: Atheneum; Феникс, 1994.. С. 407–549.

[111] Докука и балагурье. Жулики. Летчик. Медведчик / Подготовка текста и предисловие М. Козьменко // Книжное обозрение. 1993. N. 6.

[112] Докука-сказка "Заяц": Тибетские сказки / Предисл. Н. Листиковой, послеслов. Л. Барыкиной. М.: Молодая гвардия, 1991. 31 с.

[113] Думать до белой ослепительной памяти (фрагменты из книги "Учитель музыки") // Советская Россия. 1989. 1 октября.

[114] Жизнь несмертельная // Огонек. 1989. N. 31. С. 10–13.

[115] Жизнь несмертельная; Сказки; Тулумбас // Лазурь: Вып. 1. М., 1989. С. 349–380.

[116] Заветные сказы / Вступ. статья, публ. и комм. М. Козьменко // Эрос. Россия. Серебряный век. М.: Серебряный бор. 1992. С. 188–215.

[117] Заветные сказы / Предисловие С. Н. Доценко // Литературное обозрение. 1991. N. 11. С. 77–79.

[118] Заповедное слово русскому народу:[Памфлет] // Ясная Поляна. 1991. N. 1. С. 3–9.

[119] Зайка // Русская литературная сказка. М.: Советская Россия, 1989. С. 363–382.

[120] Заяц. Рассказ // Правда. 1990. 5 августа.

[121] Иверень (отрывки) / Прим. О. Фельдман // Театр. 1994. N. 2. С. 87–104.

[122] Из книги "Взвихренная Русь" // Литература русского зарубежья: Антология в 6 т. М.: Книга, 1991. Т. 2. С. 70–78.

[123] Из книги "Встречи. Петербургский буерак" // Литературная газета. 1989. 11 октября.

[124] Из книги "В розовом блеске" // Литературная Россия. 1988. 11 марта.

[125] Из книги "Встречи. Петербургский буерак"/ Вступ. статья, публ. и комм. М. Козьменко // Эрос. Россия. Серебряный век. М.: Серебряный бор. 1992. С. 216–227.

[126] Из книги "Докука и балагурье"// Сказка серебряного века. М.: Терра-Terra, 1994. С. 194–260.

[127] Из книги "Заветные сказы" // Сказка серебряного века. М.: Терра-Terra, 1994. С. 282–296.

[128] Из книги "Кукха. Розановы письма"/ Вступ. статья, публ. и комм. М. Козьменко // Эрос. Россия. Серебряный век. М.: Серебряный бор. 1992. С. 228–239.

[129] Из книги "Укрепа". Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе // Сказка серебряного века. М.: Терра-Terra, 1994. С. 264–279.

[130] Из "Огненной России" // Александр Блок в воспоминаниях современников : В 2 т. М.: Худ. лит-ра, 1990. Т. 2. С. 406–411.

[131] Избранное / Вступ. статья Ю. Андреева. М.: Худ. лит-ра, 1978. 510 с.

[132] Избранное / Послесловие А. Данилевского. Л.: Лениздат, 1991. 608 с.

[133] Избранное. Повести. Литературные силуэты. Воспоминания / Предисловие В. А. Чалмаева. М.: Просвещение, 1992.

[134] Избранные произведения / Сост. и прим. М. К. Козьменко и И. Кашириной, предисловие М. К. Козьменко. М.: Панорама, 1995.

[135] Каленые червонцы (Притча о Николе-угоднике) / Публ. В. Цыбина // Молодая гвардия. 1990. N. 10. С.1 21–122.

[136] К морю-океану // Сказка серебряного века. М., Терра–Terra, 1994. С. 122–193.

[137] Книга // Очарованные книгой. М.: Книга, 1982. С. 254–261.

[138] Колесо. Из альбома "Басаркуньи сказки" // Панорама искусств. Вып. 11. М., 1988. С. 392.

[139] Крестовые сестры: Повесть. М.: Современник, 1989. 123 с.

[140] Купальские огни // Русская литературная сказка. М.: Советская Россия, 1989. С. 352–354.

[141] Мартын Задека: Сонник // Московский вестник. 1990. N. 4. С. 3–35.

[142] Молчальник (Из книги "Взвихренная Русь") // Воспоминания о И. С. Соколове-Микитове. М.: Советский писатель, 1984. С. 35.

[143] Морис Метерлинк. Слепые. Пер. с франц. А. Ремизова / Публ. и вступ. заметка А. М. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 196–213.

[144] Морщинка // Русская литературная сказка. М.: Советская Россия, 1989. С. 358–363.

[145] Морщинка. Сказка. Одесса, 1992.

[146] Московская пчела: Из книги "Плетешок" // Путь: орган русской религиозной мысли. 1992. Кн. 1 (I-VI). С. 185–208 (43–66).

[147] Начало слов. Из книги "Иверень" / Публ. В. П. Вомперского // Русская речь. 1989. N. 4. С. 51–69.

[148] Неизданный "Мерлог" / Публ. Антонеллы д'Амелия // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 3. М.: Прогресс, Феникс, 1991. С. 199–261.

[149] Неуемный бубен. Роман, повести, рассказы, сказки, воспоминания / Предисловие В. А. Чалмаева. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. 599 с.

[150] Никола Угодник // Цветок папоротника: Сб. М., 1990. С. 345–354.

[151] Ночь темная // Русская литературная сказка. М.: Советская Россия, 1989. С. 356–358.

[152] Огонь вещей / Предисловие В. А. Чалмаева. М.: Советская Россия, 1989. 526 с.

[153] О понимании / Публ. и вступ. заметка А. М. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 225–230.

[154] Павлиньим пером / Сост., публ. и вступ. статья Н. Ю. Грякаловой. Спб.: Изд-во "Logos", 1994. 280 с.

[155] Повести и рассказы. М.: Худ. лит-ра, 1990. 464 с. / Сост., вступ. ст. и прим. М. В. Козьменко.

[156] Повесть об отце Варнаве // Новое литературное обозрение. 1993-1994. N. 6. С. 11–14. (Авторство не доказано).

[157] Повесть о Петре и Февронии / Публ. Р. П. Дмитриевой // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI. С. 164–176.

[158] Послушный самокей (Михаил Алексеевич Кузмин). Литературный портрет // Литературная учеба. 1990. Кн. 6. С. 121–124.

[159] Посолонь // Сказка серебряного века. М.: Терра-Terra, 1994. С. 31–121.

[160] Потайная мысль / Публ. и прим. Л. А. Иезуитовой // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Вып. 8. С. 297–313.

[161] Придворный ювелир // Сказка серебряного века. М.: Терра-Terra, 1994. С. 297–300.

[162] Пятая язва: Повесть // На Севере Дальнем. 1990. N. 1. С. 104–169.

[163] Рабочая тетрадь (1950-е гг.) / Публ. и вступ. заметка А. М. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 225–230.

[164] Рождественские страшилки // Рассказ 90. М., 1991. С. 365–371.

[165] Рождественские страшилки // Слово. 1990. N. 1. С. 71–73.

[166] Рождество // Путь: орган русской религиозной мысли. 1992. Кн. 1 (I-VI). С. 649–658 (3–12).

[167] Россия в письменах / Предисл. и публ. В. Чалмаева // Русь. Ростов Великий. 1992. N. 3. С. 94–121.

[168] Россия в письменах / Публ. В. Чалмаева // Русь. Ростов Великий. 1992. N. 4. С. 49–84.

[169] Рисунки писателей // Волшебный мир Алексея Ремизова. Спб.: Хронограф, 1992. Каталог выставки. С. 42-43. (Впервые опубл.: Новое русское слово. 1954. 27 июля.)

[170] Рукописи и рисунки А. Ремизова. В. Куковников (Ремизов А. М.) // Волшебный мир Алексея Ремизова. Спб.: Хронограф, 1992. Каталог выставки. С. 41-42. (Впервые опубл.: Числа. 1933. Кн. 9. С. 191–194.)

[171] Савва Грудцын / Публ. А. М. Грачевой // Рус. лит-ра. 1988. N. 3. С. 118–134.

[172] Слово о погибели русской земли; Заповедное слово русскому народу; Кукха; Савинков // Под созвездием топора: Петроград 1917 г. – знакомый и незнакомый. М.: Советская Россия, 1991. С. 75–163.

[173] Слово о погибели русской земли // Наш современник. 1990. N. 10. С. 183-185. (См. также в : Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 236–242.)

[174] Соломония / Вступ. ст. и публ. А. В. Пигина // Рус. лит-ра. 1989. N. 2. С. 119–130.

[175] Сочинения: В 2 кн. / Предисловие А. Ужанкова. М.: Terra - Терра, 1993.

[176] Стоять–неугасимую свечу: Памяти Е. И. Замятина / Публ. и прим. А. И. Стрижева // Наше наследие. 1989. N. 1. С. 117–119.

[177] Три письма Горького / Комм. О. В. Сергеева // Русское литературное зарубежье: Сб. обзоров и материалов. Вып. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 121–139.

[178] Узлы и закруты / Предисловие И. К. Рогошенкова. Петрозаводск: Карелия, 1990. 256 с.

[179] Царевна Мымра: Сб. / Вступ. ст., комм. и подг. текста В. А. Чалмаева. Тула: Приокское кн. изд-во, 1992. 411 с.

[180] Что есть табак? Гоносиева повесть / Публ. Е. Г. // Alma Mater. 1990. N. 2(4). С. 7.

[181] Эмалиоль. Рассказ // Книжное обозрение. 1987. N. 8.

4.1.5 Рисунки, графика, каллиграфия, опубликованные в России и за рубежом

[182] Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. Спб.: Хронограф, 1992.

[183] Рисунки русских писателей XVII– нач. XX в. М.: Искусство, 1988. С. 191–200.

[184] Стрелец: Сб. / Под ред. А. Беленсона. Пг., 1915.

[185] Шуточный перечень участников маскарада на квартире Ф. Сологуба: "3 генваря, 1909. Маски, пришедшие к Ф. К. Сологубу" // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома. 1977. Л.: Наука, 1979. С. 139 (вклейка).

[186] Remizov A. From the Autograph Album of Serafima Remizova-Dovgello // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 301–312.

[187] Images of Aleksei Remizov. Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the Thomas P. Whitney Collection / Essay and catalogue of the exibition by G. N. Slobin. Published by Mead Art Museum, Amherst College, 1985.

4.1.6 Надписи на книгах

[188] Инскрипты А. М. Ремизова из коллекции Луценко / Сост. и предисловие В. А. Вуль. Спб.: Эхо, 1993.

[189] Книги с автографами А. М. Ремизова (1. Книги А. М. Ремизова 2. Книги других авторов) // Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. Спб.: Хронограф, 1992. С. 16–33.

[190] Ремизов А. М. Дарственные надписи А. М. Горькому // Личная библиотека А. М. Горького в Москве: Описание в 2 кн. М.: Наука, 1981. Кн. 1. С. 94.

[191] Ремизов А. М. Надписи Алексея Михайловича на книгах Серафимы Павловны // Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 151–186.

[192] Ремизов А. М. Надписи на книгах, подаренных Блоку // Лит. наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 127–128.

[193] Ремизов А. М. Надписи на книгах Альфреду Йенсену / Публ. Н. А. Богомолова // Новое литературное обозрение. М., 1995. N. 12. С. 424. (Цит. по: Russica: The Russian collection in the Nobel Library of the Swedish Academy: A Selective Catalogue, 1766–1936)/ Comp. by Gruber K. &Jangfeldt B. Stockholm: Almqvist& Witesell International. [1994]. 239 p.)

[194] Струве Г. Надписи А. М. Ремизова на книгах. Из моего собрания // Русский альманах / Ред. З. Шаховская, Р. Герра, Е. Терновский. Paris, 1981. С. 379–386.

4.2 Переписка А. М. Ремизова

Зарубежные публикации эпистолярных материалов А. М. Ремизова:

[195] *Д'Амелия А.* На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. П. Ремизовой-Довгелло // Europa orientalis: IV. 1985. P. 143–190.

[196] *Елагин Е.* Темный гений. N.Y., 1982. С. 416–423.

[197] *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Paris, 1977.

[198] *Lowe D.* Unpublished letters from Pilniak and Ivanov-Razumnik to Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1974. N. 8. P. 489–503.

[199] *Markov V. F.* Pis'ma A. Remizova k V. E. Markovu // Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Bd. 10. S. 429–449.

[200] *Морковин В.* Приспешники царя Асыки: письма А. Ремизова к Н. В. Зарецкому и В. А. Залкинд // Ceskoslovenska rusistika. 1969. Т. 14. N. 4. С. 178–186.

[201] Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Предисловие и комм. P. A. Jensen and R. U. Moller. Copenhagen, 1976.

[202] *Jensen P. A., Moller P. U.* Aage Madelung brevveksling med Aleksei Remizov og Valerij Brjusov // Fund og Forskning i Det Kongelige Biblioteks Samlinger. N. 22. (1975–1976). S. 203-222.

[203] *Remizov A.* Unpublished letters to N. V. Reznikova and A. F. Ryazanovskaya // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. C. 267–300.

[204] *Sinany H.* Lettres d'Aleksey Remizov a Vladimir Butčic// Rev. des etudes Slaves: 53. 1981. Fasc. 2. P. 293–312.

[205] *Степун Ф.* Письма Ремизова // Новое русское слово. 1957. 23 июня.

[206] Письма А. М. Ремизова к А. М. Ященко // Русский Берлин. 1921–1923 / Под ред. Л. Флейшман, О. Раевской-Хьюз. Paris, 1983. С. 165–175.

Переписка А. М. Ремизова, опубликованная в России: письма А. М. Ремизова

[207] Ремизов А. М. Письма к А. Белому / Вступ. статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц, публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 346, 461.

[208] Ремизов А. М. Письма к А. Блоку: 1905–1918 / Публ. и комм. А. П. Юловой // Лит. наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 82–124.

[209] Ремизов А. М. Письма к Н. Ф. Буровой / Публ. Т. С. Царьковой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 251-252. (См. в: [706].)

[210] Ремизов А. М. Письма к С. А. Венгерову / Публ. А. М. Грачевой // Лица: Биографический альманах. Вып. 3. М.; Спб.: Феникс; Atheneum, 1993. С. 445–446. (См. в: [374].)

[211] Ремизов А. М. Письма к Верховскому Ю. Н. / Публ. В. А. Петрицкого // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 251–252. (См. в: [584].)

[212] Письма А. М. Ремизова Н. Г. Виноградову / Заметка и публ. А. М. Грачевой // Алексей Михайлович Ремизов. 1877–1957. Серия "Былое и думы". Изд. фонда культуры. Однодневное благотворительное приложение. Спб., 1993. С. 10.

[213] Ремизов А. М. Письмо к А. К. Воронскому // У истоков русской советской литературы. 1917–1922. Л.: Наука, 1990. С. 61–62.

[214] Ремизов А. М. Письма к А. М. Горькому / Публ. А. Крюковой // Вопросы литературы. 1987. N. 8. С. 204-205, 208. (См. в: [502].)

[215] Ремизов А. М. Письма к Р. Б. Гулю / Публ. Г. Поляка // Звезда. 1995. N. 2. С. 79–81.

[216] Ремизов А. М. Письмо к С. А. Есенину // Есенин С. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. С. 114–115.

[217] Ремизов А. М. Письмо к А. Е. Крученых / Публ. Н. Гурьяновой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 143. (См. в: [928].)

[218] Ремизов А. М. Письмо к М. А. Кузмину // Лит. наследство. М.: Наука. Т. 92. Кн. 3. С. 336.

[219] Ремизов А. М. Письмо к А. И. Куприну // Куприна К. А. Куприн-мой отец. М.: Советская Россия, 1971. С. 213–216.

[220] Ремизов А. М. Письма к В. И. Малышеву / Публ. С. С. Гречишкина и А. М. Панченко. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 77 г. Л.: Наука, 1979. С. 203–216.

[221] Переписка А. М. Ремизова и В. П. Никитина / Публ. Н. Ю. Грякаловой // А. Ремизов. Павлиньим пером. Спб.: Изд-во "Logos", 1994. С. 194–211.

[222] Письма А. М. Ремизова к Ю. П. Одарченко / Публ., вступ. зам. и комм. А. М. Грачевой // Наше наследие. 1995. N. 33. С. 93–104.

[223] Ремизов А. М. Письма к В. В. Перемиловскому / Подг. текста Т. С. Царьковой, вступ. статья и примеч. А. М. Грачевой // Рус. лит-ра. 1990. N. 2. С. 197–235.

[224] Ремизов А. М. Письмо к С. П. Ремизовой от 27 августа 1928 г. (из архива Н. Резниковой; отрывок) / Публ. А. Авдеенко // Экран и сцена. 1992. N. 46.

[225] Ремизов А. М. Письма А. М. Ремизова к И. А. Рязановскому / Публ., вступ. заметка и комм. А. П. Юловой // Серебряный век русской литературы. М.: Изд-во Московского университета, 1996. С. 88–99.

[226] Ремизов А. М. Письмо к А. Тинякову / Публ. В. Варжапетяна // Литературное обозрение. 1992. N. 1. С. 36.

[227] Ремизов А. М. Письмо к Б. А. Садовскому // Лит. наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 400.

[228] Ремизов А. М. Письма к А. Н. Чеботаревской / Публ. Е. Р. Обатниной // Лица: биографический альманах. Вып. 3. М.; Спб.: Феникс; Atheneum, 1993. С. 446–447, 450. (См. в: [565].)

[229] Ремизов А. М. Письмо к Г. И. Чулкову / Публ. А. М. Грачевой // Лица: биографический альманах. Вып. 3. М.; Спб.: Феникс; Atheneum, 1993. С. 420–421. (См. в: [374].)

[230] Ремизов А. М., Ремизова С. П. Письма к З. А. Шаховской // З. Шаховская. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 134–137.

[231] Ремизов А. М. Письма к А. И. Шляпкину / Публ. А. М. Грачевой // ТОДРЛ. Т. XLVI. Спб., 1993. С. 161, 166. (См. в: [369].)

[232] Ремизов А. М. Письма к П. Е. Щеголеву / Публ. А. М. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 42, 44. (См. в: [364].)

[233] Ремизов А. М. Письмо к А. И. Яцимирскому / Публ. А. М. Грачевой // ТОДРЛ. Т. XLVI. Спб., 1993. С. 159. (См. в: [369].)

[234] А. М. Ремизов и "Товарищество новой драмы". Из переписки А. М. Ремизова с В. Я. Брюсовым, О. Маделунгом, Вяч. И. Ивановым, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Г. И. Чулковым, А. П. Зоновым, М. А. Михайловым. 1903–1906 / Сост. и комм. Н. Панфиловой и О. Фельдман // Театр. 1994. N. 2. С. 104–117.

[235] Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, примеч. и подготовка писем А. Ремизова – А. М. Грачевой, подготовка писем Вяч. Иванова – О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С.72–118.

Письма к А. М. Ремизову

[236] Андреев Л. Письмо к А. М. Ремизову / Публ. А. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 45. (См. в: [364].)

[237] Бальмонт К. Д. Письмо к А. М. Ремизову // Лит. наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 388.

[238] Белый А. Письмо к А. М. Ремизову // Лит. наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 346.

[239] Белый А. Письма к А. М. Ремизову / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 79 г. Л.: Наука, 1981. С. 50–52.

[240] Блок А. А. Письма к А. М. Ремизову // Лит. наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 82–123; Кн. 3. С. 207, 344, 346, 371, 388, 399, 447.

[241] Неизвестные письма Александра Блока (4 письма А. М. Ремизову) / Публ. Ц. В. // Звезда. 1930. N. 5. С.161–163.

[242] Письма Александра Блока А. Ремизову и П. Карпову / Вступит. статья Г. Горбачева, комментарии С. Рейсера // Литературный современник. 1933. N. 5. С. 139–151.

[243] Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым (1902–1912) / Вступ. статья и комм. А. В. Лаврова. Публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Лит. наследство. 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 137–217.

[244] Венгеров С. А. Письмо А. М. Ремизову / Публ. А. М. Грачевой // Лица: Биографический альманах. Вып. 3. М.; Спб.: Феникс; Atheneum, 1993. С. 445. (См. в: [374].)

[245] Волошин М. А. Письмо М. А. Волошина к А. М. Ремизову / Публ. В. В. Акопджановой // Российский архив: история отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. V. Студия "ТРИТЭ" Никиты Михалкова. 1994. С. 432–433.

[246] Горький А. М. Письма к А. М. Ремизову / Публ. А. Крюковой // Вопросы литературы. 1987. N. 8. С. 208, 209–210, 211. (См. в: [502].)

[247] Гумилев Н. С. Письмо к А. М. Ремизову / Публ. Р.Д. Тименчика // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т.46. N.6. С.57-58. (См. также: [249].)

[248] Гумилев Н. С. Письмо к А. М. Ремизову // Н. Гумилев. В огненном стане. М.: Советская Россия, 1991. С. 223–224.

[249] Гумилев Н. С. Письмо к А. М. Ремизову // Н. С. Гумилев. Избранное. М.: Просвещение, 1990. С. 278–279.

[250] Письма Е. И. Замятина А. М. Ремизову / Публ. и комм. В. Бузник // Рус. лит-ра. 1992. N. 1. С. 176–180.

[251] Короленко В. Письмо к А. М. Ремизову / Публ. А. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 43. (См. в: [364].)

[252] Лосский Н. О. Письмо к А. М. Ремизову / Публ. В. А. Петрицкого // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 249. (См. в: [584].)

[253] Новик И. Д. Письма к А. М. Ремизову / Публ. А. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 45, 46. (См. в: [364].)

[254] Пришвин М. М. Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Е.Р. Обатниной // Рус. лит-ра. Спб., 1995. С. 157–209.

[255] Рерих Н. К. Письма к А. М. Ремизову / Публ. С. С. Гречишкина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 74 г. Л.: Наука, 1976. С. 196–199.

[256] Руманов А. В. Письмо к А. М. Ремизову // Лит. наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 399.

[257] Соколов С. А. Письмо к А. М. Ремизову // Лит. наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 207.

[258] Тастевен Г. Э. Письмо к А. М. Ремизову // Лит. наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 344.

[259] Тастевен Г. Э. Письмо к А. М. Ремизову / Публ. А. М. Грачевой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 112. (См. в: [235].)

[260] Тиняков А. Письма к А. М. Ремизову / Публ. В. Варжапетяна // Литературное обозрение. 1992. N. 1. С. 24, 33 (фрагменты), 37.

[261] Толстой А. Н. Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. С. 252–254, 257.

[262] Чеботаревская А. Н. Письма к А. М. Ремизову / Публ. Е. Р. Обатниной // Лица: Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1993. С. 450–451. (См. в: [565].)

[263] Чернявский Н. А. Письмо к А. М. Ремизову // Лит. наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 447.

[264] Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступит. заметка, подг. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Рус. лит-ра. 1992. N. 2. С. 133–169; 1992. N. 3. С. 158–197; 1992. N. 4. С. 92–133; 1993. N. 1. С. 170–181; 1993. N. 3. С. 112–121; 1993. N. 4. С. 146–158; 1994. N. 1. С. 159–174; N. 2. С. 136–185.

[265] Шишков В. Письма к А. М. Ремизову / Публ. и комм. Н. Яновского // Енисей. 1974. N. 5. С. 66-71; N. 6. С. 65–70.

[266] Шляпкин И. А. Письма к А. М. Ремизову / Публ. А. М. Грачевой // ТОДРЛ. Т. XLVI. Спб., 1993. С. 161, 162. (См. в: [369].)

[267] Философов Д. В. Письмо к А. М. Ремизову // Лит. наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 371.

[268] Яцимирский А. И. Письма к А. М. Ремизову / Публ. А. М. Грачевой // ТОДРЛ. Т. XLVI. Спб., 1993. С. 159, 168. (См. в: [369].)

Критика, статьи, заметки, воспоминания о Ремизове

4.3 Критика и литературоведческие материалы

4.3.1 Критика и литературоведческие материалы, опубликованные в 1900–1990-е годы на русском языке

[269] *А.* В волшебном царстве: А. М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. N. 44. С. 10–11.

[270] *А. К.* А. Ремизов. "Часы" // Современный мир. 1908. N. 7. Отд. 2. С. 125–127.

[271] *Абрамович Н. Я.* Литературно-критические очерки. 1. Спб.: Труд, 1909. С. 198-199.

[272] *Абрамович Н. Я.* Стихийность в молодой поэзии // Образование. 1907. N. 10. (См. также: [271].)

[273] *Аверин Б. В., Данилова И. Ф.* Автобиографическая проза А. М. Ремизова // Ремизов А. М. Взвихренная Русь. М.: Советский писатель, 1991.

[274] *Агапкина Т.* Российские контакты Станислава Пшибышевского // Stanislaw Przybyzewski w 50-lecie zgonu pisarza. Ossolineum, 1992. С. 163–212.

[275] *Адамович Г. В.* Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд-во Чехова, 1955. С. 171–187. (См. переиздание: [276].)

[276] *Адамович Г. В.* Одиночество и свобода. Спб.: Изд-во "Logos", 1993. С. 92–102.

[277] *Адрианов С.* Критические наброски // Вестник Европы. 1911. N. 2. С. 353–365.

[278] *Адрианов С.* Критические наброски // Вестник Европы. 1915. N. 4. С. 328– 338.

[279] *Азадовский К. М.* Николай Клюев: Путь поэта. Л.: Советский писатель, 1990. С. 194–196.

[280] *Айхенвальд Ю.* Литературные наброски // Речь. 1912. 8 января. С. 3.

[281] *Александрова В.* Слово о Ремизове // Новое русское слово. 1957. N. 16227.

[282] *Алексеев Г.* Живые встречи. Berlin: Мысль, 1923. С. 5–10.

[283] *Алексеева Л.* В "янтаре" карикатуры // Литературная учеба. 1987. N. 6. С. 137–139.

[284] *Альберт И. Д.* О некоторых особенностях изображения природы в русской прозе 10-х годов // Вопросы русской литературы. Вып. 2 (54). Львов, 1989. С. 42-50.

[285] *Амфитеатров А.* Одержимая Русь: демонические повести XVII века. Берлин, 1929. С. 167.

[286] *Андреев Н.* А. М. Ремизов // Грани. 1957. N. 34–35. С. 202–214.

[287] *Андреев Н.* Заметки читателя // Возрождение. 1954. N. 34. С. 158–162.

[288] *Андреев Н.* Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом (Опыт постановки темы) // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. / Под ред. Н. П. Полторацкого. Pittsburg, 1972. С. 15-18.

[289] *Андреев Ю.* О писателе Алексее Ремизова // Ремизов А. М. Избранное. М.: Худ. лит-ра. 1978. С. 3–33.

[290] *Андреев Ю.* Пути и перепутья Алексея Ремизова // Вопросы литературы. 1977. N. 5. С. 216–243.

[291] *Аннибал Л.* А. М. Реми в. "Пруд" // Весы. 1905. N. 9-10. С. 85–86.

[292] *Асеев Н.* А. М. Ремизов 'Мара" и "В поле блакитном" // Печать и революция. 1922. N. 8. С. 224–225.

[293] *Ауслендер С.* А. М. Ремизов. Сочинения. I // Речь. 1911. 3 января. С. 5.

[294] *Афонин Л. Н.* А. М. Ремизов о творчестве Тургенева // Научные труды Курского пед. института. 1975. Т. 50. С. 154–162.

[295] Б. Зайцев и А. Ремизов // Бюллетень литературы и жизни. 1912. N. 4. С. 177–181.

[296] *Б. Е.* А. М. Ремизов. "Царь Максимилиан" // Казанский библиофил. 1921. N. 2. С. 162.

[297] *Б. п.* Восьмидесятилетие А. М. Ремизова // Новый журнал. 1957. Кн. XLIX. С. 257.

[298] *Баран Х.* К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников / Пер. М. А. Кронгауза // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс; Универс, 1993. С. 191–210.

[299] *Барковская Н. В.* Традиция реализма в прозе А. Ремизова 1890–1910-х годов // Проблема стиля и жанра в русской литературе XIX в. Свердловск, 1991. С. 113–126.

[300] *Барыкина Л.* Послесловие // А. М. Ремизов. Докука-сказка "Заяц": Тибетские сказки. М.: Молодая гвардия, 1991. С.28–30.

[301] *Бахрах А.* А. М. Ремизов. "Пляс Иродиады" // Воля России. 1923. N. 1. С. 91–92.

[302] *Безродный М.* Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова // Сборник трудов СНО филол. ф-та Тартусского гос. ун-та. Тарту, 1977. С. 98–109.

[303] *Безродный М.* Об источниках книги Ремизова "Электрон" // Новое литературное обозрение. М., 1993. N. 4. С. 154–156.

[304] *Безродный М.* Об обезьяньих словах // Новое литературное обозрение. М., 1993. N. 4. С.153–154.

[305] *Безродный М.* Об одном приеме художественного имяупотребления (Nomina sunt odiosa) // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 213–214.

[306] *Безродный М.* Супруги Комаровы // Cahiers du Monde russe et sovietique: XXXI(4). Oct.- Dec. 1990. P. 625–628.

[307] *Белая Г. А.* Закономерности стилевого развития советской прозы. М.: Наука, 1977. С. 34- 37, 40-45.

[308] *Белая Г. А.* Проблема активности стиля // Смена литературных стилей. М., 1974. С. 138–143.

[309] *Белый А.* Арабески. М.: Мусагет, 1911. С. 478–480.

[310] *Белый А.* А. М. Ремизов. "Посолонь" // Критическое обозрение. 1907. N. 1. С. 34-36.

[311] *Белый А.* А. М. Ремизов. "Пруд" // Весы. 1907. N. 12. С.54-56.

[312] *Белый А.* А. М. Ремизов. "Чортов Лог" // Весы. 1908. N. 2. С. 79–80. (См. также: [309].)

[313] *Бенуа А.* Дневник художника // Московский еженедельник. 1907. N. 51-52. С. 71.

[314] *Берберова Н.* А. М. Ремизов. "В розовом блеске" // Новый журнал. 1952. Кн. XXXI. С. 322–323.

[315] *Берберова Н.* А. М. Ремизов "Подстриженными глазами" // Новый журнал. 1951. Кн. XXVII. С. 322–324.

[316] *Бицилли П.* Rev.: A. Remizov. Tourguenev, poete du reve / Tr. H. Parnot-Feldman // Современные записки. 1934. N. LIV. С. 461.

[317] *Блок А.* Литературные итоги 1907 г. // Золотое руно. 1907. N. 11–12. С. 97. (См. также: [318].)

[318] *Блок А.* Литературные итоги 1907 г. // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л: Гослитиздат, 1960–1963. Т. 5. С. 224–229.

[319] *Блок А.* Противоречия // Речь. 1910. 1 февраля.

[320] *Блок А. А.* Дневник. М.: Советская Россия, 1989. (См. Указатель имен и заглавий.)

[321] *Блок А. А.* Записные книжки. М., 1965. (См. индекс.)

[322] *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1960-1963. (См. индекс.)

[323] *Большаков В.* Рукопись Ремизова // Правда. 1990. 5 августа.

[324] *Бочков В. Н.* "Скажи: которая Татьяна?" М., 1990. С. 290–298.

[325] *Брусянин В. В.* Страшные сказки жизни // Брусянин В. Дети и писатели. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1915. С. 146–203.

[326] *Бузник В. В.* Русская советская проза двадцатых годов. Л.: Советский писатель, 1975. С. 37–42.

[327] *Бурнакин А.* Новая специальность // Новое время. 1910. 29 октября.

[328] *Бурнакин А.* Сочинения Ремизова // Новое время. 1911. 29 марта. С. 12.

[329] *Бушуева С. И.* Древнерусские мотивы и сюжеты в повестях А. М. Ремизова дооктябрьского периода (на материале повести "Пятая язва") // Судьбы отечественной словесности XI–XX веков. Тезисы докладов научной конференции молодых ученых и специалистов 20–21 апреля 1994 г. Спб., 1994. С. 36–37.

[330] *В.* А. М. Ремизов. "Царь Максимилиан" // Дни. 1921. 26 ноября. С. 11.

[331] *Вашкелевич Х.* Алексей Ремизов "В плену" (Истоки художественного метода) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 19–25.

[332] *Вашкелевич Х.* Канцелярист обезьяньего царя Асыки. Алексей Ремизов и его Обезвелволпал // К проблемам истории русской литературы XX века. Краков, 1992. С. 41–50.

[333] *Вашкелевич Х. (Waszkielewicz H.)* Канцелярист обезьяньего царя Асыки. Алексей Ремизов и его Обезвелволпал // Русская мысль. 1991. N. 3903. 8 сентября. (См. также: [332].)

[334] *Вейдле В.* О тех, кого уже нет // Новое русское слово. 1975. 2 ноября. С. 5.

[335] *Вейдле В., Иванов Г., Марков В.* Алексею Михайловичу Ремизову // Опыты. 1957. N. VIII. С. 126–130.

[336] *Виленчик Б.* Вслед за Ремизовым // Ленинградская правда. 1990. 4 ноября.

[337] *Владимирова П.* А. М. Ремизов. "Подорожие" // Заветы. 1913. N. 12. Отд. 2. С. 187–188.

[338] *Возьняк А.* Агиография и актуализация. Эстетические искания А. Ремизова в повести "Бесприютная" // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 58–66.

[339] *Волошин М. А.* Анри де Ренье // Аполлон. 1910. N. 3. Отд. 2. С. 25.

[340] *Волошин М. А.* Гр. Ал. Ник. Толстой. Сорочьи сказки // Аполлон. 1909. N. 3. Отд. 2. С. 24.

[341] *Волошин М. А.* Лики творчества. Л., 1988. С. 508–515.

[342] *Волошин М. А.* Лики творчества: Алексей Ремизов. "Посолонь" // Русь. 1907. N. 95. 5 апреля. С. 3. (См. также: [341].)

[343] *Волошин М. А.* Путник по вселенной. М., 1990. С. 180–184.

[344] *Волошин М. А.* Средоточье всех путей. М., 1989. С. 430–438.

[345] *Генкина Ю. А.* Фольклор в творчестве А. М. Ремизова: Диплом. Новосибирск, 1984 (машинопись). 89 с.

[346] *Герасимов Ю. К.* Театр Алексея Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 178–192.

[347] *Гершензон М.* А. М. Ремизов "Часы" // Вестник Европы. 1908. N. 8. Отд. 4. С. 769–771.

[348] *Глезер Л. А.* Записки букиниста. М., 1989. С. 223–227.

[349] *Голенищев-Кутузов И. Н.* Вечер чтения А. Ремизова // Последние новости. 1932. 11 апреля. С. 3.

[350] *Голиков В. Г.* Мравий прах, молья пыль в мастерской златобрильянтщика // Вестник знания. 1915. N. 12. С. 769–809.

[351] *Голиков В. Г.* А. М. Ремизов. "Пятая язва" // Вестник знания. 1913. N. 12. С. 229–236.

[352] *Горбачев Г.* Вступительная заметка к письмам А. А. Блока к А. М. Ремизову // Литературный современник. N. 5. 1933. С. 139–141.

[353] *Горбов Д. А.* 10 лет литературы за рубежом // Печать и революция. 1927. N. 8. С. 9–35.

[354] *Горный Е. А.* "Бедовая доля" А. М. Ремизова (К истолкованию заглавия) // Труды по рус. и слав. филологии. Литературоведение. 1. (Новая серия). Тарту, 1994. С. 168–175.

[355] *Горный Е. А.* Заметки о поэтике А. М. Ремизова: "Часы"// В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана: Сб. статей. Тарту: Эйдос, 1992. С. 192–209.

[356] *Городецкий С.* Алексей Ремизов. "Посолонь". 1907. Издательство журнала "Золотое Руно" // Перевал. 1907. N. 4. С. 61–62.

[357] *Городецкий С.* Ближайшая задача русской литературы // Золотое руно. 1909. N. 4. С. 66–81.

[358] *Горская А.* Памяти А. М. Ремизова // Возрождение. 1968. N. 193. С. 70–74.

[359] *Горький А. М.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1949–1955. (См. индекс.)

[360] *Горюнова Р. М.* "Взвихренная Русь" (о жанровом новаторстве Алексея Ремизова // Вопросы русской литературы: Межвуз. сб. Симферополь, 1993. Вып. 1 (58). С. 58–70.

[361] *Гофман М. Л.* Памяти А. М. Ремизова (К первой годовщине смерти писателя) // Возрождение. 1958. N. 83. С. 128–131.

[362] *Гофман М. Л.* Создатель ритмической прозы // Посев. 1957. 23 июня.

[363] *Грачева А. М.* А. Ремизов и Е. Ляцкий (К проблеме "Писатель и критик русского зарубежья"// Международная научная конференция "Культурное наследие российской эмиграции:1917–1940 гг.": Сб. материалов. М., 1993. С. 66–67.

[364] *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Леонид Андреев: Введение к теме // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 41–52.

[365] *Грачева А. М.* Алексей Ремизов. Новые материалы (вступ. заметка и публ.) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 193–195.

[366] *Грачева А. М.* Вступительная заметка к "Неизвестным театральным переводам Алексея Ремизова: М. Метерлинк "Втируша", Г. фон Гофмансталь "Искатель приключений и певица", Х. Д. Граббе "Шутка, ирония и нечто поглубже" // Europa Orientalis. 1994. N. 1. С. 207–215.

[367] *Грачева А. М.* Вступительная статья к "Переписке В. И. Иванова и А. М. Ремизова" // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С.72–86.

[368] *Грачева А. М.* Древнерусские повести в пересказах А. М. Ремизова // Рус. лит-ра. 1988. N. 3. С. 110–117.

[369] *Грачева А. М.* Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века: (Илья Александрович Шляпкин) // ТОДРЛ. Т. XLVI. Спб., 1993.. С. 158–169.

[370] *Грачева А. М.* Леонид Андреев и Алексей Ремизов в книге воспоминаний А. М. Ремизов "Иверень" // Проблемы развития русской литературы. Тез. докл. научн. конф. молодых ученых и специалистов. 29–30 апреля 1992 г. Спб., 1992. С. 39–40.

[371] *Грачева А. М.* Научная конференция "Русский рассказ и литературный процесс начала XX века" // Рус. лит-ра. 1989. N. 3. С. 250–252.

[372] *Грачева А. М.* Повесть А. М. Ремизова "Савва Грудцын" и ее древнерусский прототип // ТОЛРЛ. Т. XXXIII. Л., 1979. С. 388–400.

[373] *Грачева А. М.* Повесть о Бове в обработке А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Т. XXXVI. Л., 1981. С. 216–222.

[374] *Грачева А. М.* Революционер ли Алексей Ремизов: мифы и реальность // Лица: Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1993. С. 419–447.

[375] *Грачева А. М.* "Слово о погибели русской земли" и произведения А. М. Ремизова // "Академик Василий Михайлович Истрин. Тез. докл. областных научных чтений. Одесса, 1990. С. 97–98.

[376] *Грачева А. М.* Структура патерикового рассказа и ее отражение в сборнике А. М. Ремизова "Бисер малый"// Материалы республ. конф. СНО. Тарту, 1977. С. 66–76.

[377] *Грачева А. М.* Судьба России в литературе 1910-х гг. (Повесть А. Ремизова "Пятая язва") // Литература и история. Спб.: Наука, 1992. С. 229–250.

[378] *Гречишкин С. С.* Царь Асыка в "Обезьяньей Великой и Вольной палате"// Studia Slavica: 24. 1980. N. 1-2. С. 173–176.

[379] *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Волошин и Ремизов // Волошинские чтения: Сб. научн. трудов. М.: Гос. биб-ка им. В.И.Ленина, 1984. С. 92–104.

[380] *Грякалова Н. Ю.* А. Ремизов в работе над книгой "Павлиньим пером" (Новые материалы) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 115–123.

[381] *Грякалова Н. Ю.* Очарованный словом (О А. М. Ремизове и его книге "Павлиньим пером") // А. Ремизов. Павлиньим пером. Спб.: Изд-во "Logos", 1994. С. 5–16.

[382] *Гуль Р.* Одвуконь. N.Y.: Мост, 1963.

[383] *Гуль Р.* Солженицын, соцреализм и школа Ремизова // Новый журнал. 1963. Кн. LXXI. С. 58–74. (См. также : [382].)

[384] *Гунн Г.* Очарованная Русь. М.: Искусство, 1990. С. 87–101.

[385] *Гура В.* Роман и революция. Пути революционного романа 1917–1929. М.: Советский писатель, 1973. С. 71–73.

[386] *Гуссман Б.* Писатель-жалостник // Журнал журналов. 1917. N. 32–33. С. 4–5.

[387] *Д'Амелия А.* Достоевский "подстриженными глазами" // Actualite de Dostoevskij. Genova: La Quercia Edizioni, 1982. С. 159–170.

[388] *Д'Амелия А.* Неизданная книга Мерлог: время и пространство в изобразительном и словесном творчестве А. М. Ремизова // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 141–166.

[389] *Д'Амелия А.* Поздние повести Ремизова: в поисках жанра // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 104–114.

[390] *Д'Амелия А. (d'Amelia A.)* "Автобиографическое пространство Алексея Ремизова" // А. М. Ремизов. Учитель музыки. Paris, 1983. С. 1–33.

[391] *Данилевский А. А.* А. М. Ремизов и Лев Шестов// Тез. докладов по гум. и естеств. наукам СНО. Рус. лит-ра. Тарту, 1986. С. 46–48.

[392] *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1987. Вып. 781. С. 99–123.

[393] *Данилевский А. А.* Герой А. М. Ремизова и его прототип // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1987. Вып. 748. С. 150–165.

[394] *Данилевский А. А.* Доэмигрантская эпика А. М. Ремизова: Автореферат дис. ... магистра славянской филологии (русская литература). Тарту: Тартусский университет, 1992. 76 с.

[395] *Данилевский А. А.* Из комментариев к "Кукхе" // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III: Проблемы русской литературы и культуры / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki: Helsinki University Press, 1992. С. 93–102.

[396] *Данилевский А. А.* Mutato nomine de te fabula narratur // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1986. Вып. 735. С. 137–145.

[397] *Данилевский А. А.* О дореволюционных "романах" А. М. Ремизова // Ремизов А. Избранное. Л.: Лениздат, 1991. С. 596–607.

[398] *Данилевский А. А.* Полемический аспект "Жизни несмертельной" А. Ремизова // Великая французская революция и пути русского освободительного движения: Тез. докл. научн. конф. 15–17 декабря 1989 г. Тарту, 1989. С. 100–102.

[399] *Данилевский А. А.* "Пятая язва" А. М. Ремизова в контексте литературной традиции // Тез. докл. конф. по гуманитарным и естественным наукам СНО: Русская литература. Тарту, 1985. С. 28–31.

[400] *Данилевский А. А.* Ремизов и Лев Шестов (статья первая) // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1990. Вып. 883. С.139–156.

[401] *Данилевский А. А.* Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А. М. Ремизова "Пруд"// Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1988. Вып. 822. С. 121–157.

[402] *Даренская Н.* Литературно-гротесковая традиция в раннем творчестве А. М. Ремизова (К вопросу о традиции романтического гротеска): Диплом.(машинопись). Барнаульский гос. ун-т, 1993. 70 с.

[403] *Дворникова Л. Я.* Из истории прототипов книги А. Ремизова "Иверень" (Ф. И. Щеколдин) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 231–242.

[404] *Дворцова Н. П.* М. Пришвин и А. Ремизов (К истории творческого диалога) // Вестник МГУ. 1994. N. 2. Сер. 9. Филология. С. 27–33.

[405] *Дворцова Н. П.* М. Пришвин и "школа А. Ремизова" // Серебряный век русской литературы. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 158–168.

[406] *Дейч А.* О забытом у нас Ремизове // Русские новости. 1970. N. 1247.

[407] *Дмитриева Р. П.* Повесть о Петре и Февронии в пересказе А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Т. XXVI. Л., 1970. С. 155–176.

[408] *Долгополов Л. К.* На рубеже веков. Л.: Советский писатель, 1985. С. 159–160.

[409] *Долинин А.* Обреченный. Сочинения А. Ремизова. Т. I–VIII // Речь. 1912. 17 июня.

[410] *Доценко С. Н.* "Автобиографическое" и "апокрифическое" в творчестве А. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 33–40.

[411] *Доценко С. Н.* А. М. Ремизов в Эстонии: начало эмиграции // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Таллинн: Авенариус, 1996. Т. II. С. 171–194.

[412] *Доценко С. Н.* "Воробьиная ночь" Алексея Ремизова // Русская речь. М., 1994. N. 2. С. 103–106.

[413] *Доценко С. Н.* Встреча на вокзале (из комментария к "Кукхе" А.Ремизова) // Литературный процесс и развитие мировой культуры: Материалы и тезисы конференции. 30.Ш.–2.IY.1992. Таллинн: Александра, 1994. С. 82–85.

[414] *Доценко С. Н.* Гелла–кто она? // Булгаковский сборник. I. Материалы по истории русской литературы XX века. Таллинн, 1993. С. 19, 20.

[415] *Доценко С. Н.* Два подхода к фольклору: Городецкий и Ремизов // Литературный процесс и проблемы литературной культуры. Таллинн, 1988. С. 51–54.

[416] *Доценко С. Н.* Два подхода к фольклору: С. Городецкий и А. Ремизов // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1990. Вып. 883. С. 116–138.

[417] *Доценко С. Н.* Загадка одного предисловия А. М. Ремизова // Блоковский сборник. XII. Тарту, 1993. С. 147–157.

[418] *Доценко С. Н.* Нарочитое безобразие // Литературное обозрение. 1991. N. 11. С. 72–75.

[419] *Доценко С. Н.* О символическом подтексте даты написания "Слова о погибели русской земли" А. М. Ремизова // Блоковский сборник. XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 86–92.

[420] *Доценко С. Н.* Об одном социокультурном типе русского купечества: Н. А. Найденов (1834–1905) // Тез. докл. конф. "Бизнес и культура". Таллинн, 1995. С. 39–42.

[421] *Доценко С. Н.* Петербургский миф А. М. Ремизова: Заметки к теме // De visu. 1994. N. 3/4 (15). С. 60–66.

[422] *Доценко С. Н.* Почему обезьяна кричит петухом (об одном мотиве у А. Ремизова) // А. Блок и русский постсимволизм: Тез. докл. научн. конф. Тарту, 1991. С. 76–78.

[423] *Доценко С. Н.* Русская Ленора: литературный и фольклорные источники А. М. Ремизова // Литературный процесс и развитие мировой культуры: Материалы и тезисы конференции. 30.III.– 2.IV.1992. Таллинн: Александра, 1994. С. 65–68.

[424] *Доценко С. Н.* Северные мотивы в апокрифах А. М. Ремизова // Культура русского Севера: Традиции и современность: Материалы к конференции 17-20 мая 1990 г. Череповец, 1990. С. 79–81.

[425] *Доценко С. Н.* Современный апокриф А. Ремизова // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1990. Вып. 881. С.82–91.

[426] *Дрозда М.* Нарративные маски русской художественной прозы // Russian Literature. Vol. XXXV. N. III/IV. 1994. С. 391–396.

[427] *Дрозда М.* Художественно-коммуникативная маска сказа // Зборник за славистику:18. Београд, 1980. С. 29–48.

[428] *Дроздов А. М.* "Мара". "Трава-мурава" и другие // Новая русская книга. 1922. N. 8. С. 17–18.

[429] *Дубнова Е. Я.* А. М. Ремизов в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1992. М.: Наука, 1993. С. 87–104.

[430] *Дукор И.* Проблемы драматургии символизма // Лит. наследство. Т. 27-28. М., 1937. С. 122–123.

[431] *Егорова Т. А.* Мифологическая семантика образа осени в сказке "Бабье лето" А. Ремизова // Семантика художественного текста: Межвуз. научн. сб. Алма-ата, 1991. С. 82–90.

[432] *Егорова Т. А.* Фольклорно-мифологическая природа в сказке А. Ремизова "Купальские огни" // Литературные маргиналии: Сб. науч. трудов. Алма-Ата, 1992. С. 90–93.

[433] *Ершов Р.* Стилизация и музей на сцене. Символические пьесы Ф. Сологуба и А. Ремизова // Новый журнал. 1958. Кн. LIV. С. 83–96.

[434] *Зайцев Б.* Дни. О Ремизове к десятилетию кончины // Русская мысль. 1968. N. 2668. 4 января. С. 4-5.

[435] *Зайцев Б.* Смерть Ремизова // Русская мысль. 1957. N. 1142. С. 5.

[436] *Закржевский А.* Подполье. Киев: Искусство и печатное дело, 1911. С. 70–81.

[437] *Зелинский В.* Дар и загадка "Святой Руси" // Русская мысль. 1989. N. 3767–3769. С. 8.

[438] *Зельдхейи-Деак Ж.* Поздний Тургенев и символизм (К постановке проблемы) // От Пушкина до Белого. Проблемы поэтики русского

реализма XIX – начала XX в.: Межвузовский сборник / Под ред. В. М. Марковича. Спб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1992. С. 164–165.

[439] *Иванов В. И.* Теперешний Ремизов. "Весеннее порошье" // Утро России. 1915. 6 июня.

[440] *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Подг. издания и комм. О. Дешарт. Bruxelles. Т. 1. 1971. Т. 2. 1974. Т. 3. 1979.

[441] *Иванов-Разумник Р.* Бурков двор (о новой повести Алексея Ремизова "Крестовые сестры") // Русские ведомости. 1910. 7 сентября.

[442] *Иванов-Разумник Р.* Две России // Скифы. Пг.,1918. Сб. 2. С. 201–231.

[443] *Иванов-Разумник Р.* Между Святой Русью и обезьяной (Творчество Алексея Ремизова) // Речь. 1910. 11 октября. С. 2–3.

[444] *Иванов-Разумник Р.* Русская литература XX века: 1890–1915. Пг.: Колос, 1920. С. 34-36.

[445] *Иванов-Разумник Р.* Творчество и критика. Кн. II. Спб.: Прометей, [1912]. С. 80–109.

[446] *Иванов-Разумник Р.* Творчество и критика: статьи критические. 1908–1922. Пг.: Колос, 1922. С. 57–82.

[447] *Иванов-Разумник Р.* Черная Россия // Заветы. 1912. N. 8. Отд. 2. С. 40–58.

[448] *Иваск Ю.* А. М. Ремизов // Новое русское слово. 1957. N. 16241.

[449] *Иваск Ю.* А. М. Ремизов. "Огонь вещей" // Опыты. 1955. N. 5. С. 96–99.

[450] *Игнатов И.* Литературные отголоски // Русские ведомости. 1912. N. 251. 31 октября. С. 2.

[451] *Иезуитова Л. А.* "Слово о погибели земли русской" А. М. Ремизова в газете "Воля народа" // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 67–80.

[452] *Измайлов А.* Бесовские арабески (литературный портрет А. Ремизова) // Биржевые ведомости. 1911. N. 12531. 15 сентября. Утр. вып. Ч. 3.

[453] *Измайлов А.* Литературная пестрядь // Образование. 1908. N. 8. Отд. 3. С. 7–17.

[454] *Измайлов А.* Писатель или списыватель?: (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 16 июня. (Подписано: Аякс.)

[455] *Измайлов А.* А. М. Ремизов. "Бесовское действо" // Русское слово. 1907. N. 281. С. 4.

[456] *Измайлов А.* Старорусские кружева // Измайлов А. Пестрые знамена. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1913. С. 85–101.

[457] *Ильин В. И.* Стилизация и стиль. Ремизов и Розанов // Возрождение. 1964. N. 147. С. 78–99.

[458] *Ильин И.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики (Бунин – Ремизов – Шмелев). М.: Скифы, 1991. С. 81–134.

[459] *Ильин И.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики (Бунин - Ремизов - Шмелев). Munchen, 1959. С.79–131. (См. переиздание: [458].)

[460] История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука, 1983. Т. 4. (См. указатель имен и произведений.)

[461] *Йенсен П. А., П. У. Мёллер.* Предисловие // Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. Копенгаген, 1976. С. 5–11.

[462] *К. А.* А. М. Ремизов. "Часы" // Современный мир. 1908. N. 7. Отд. 2. С. 125–127.

[463] *Каверин В.* А. М. Ремизов. "Мара" // Книга и революция. 1923. N. 1. С. 53–54.

[464] *Карлова М.* Осуд и сон писателя: О жизни и творчестве А. М. Ремизова в эмиграции // Русская литература в эмиграции / Ред. Н. Р. Полторацкий. Pittsburg, 1972. С. 190–197.

[465] *Касторский С.* Из истории одной идейно-творческой литературной полемики // Вопросы изучения русской литературы XI-XX веков. М.; Л.: Наука, 1958. С. 260–269. (См. также: [466].)

[466] *Касторский С.* Повести А. М. Горького "Городок Окуров", "Жизнь Матвея Кожемякина". Л.: Советский писатель, 1960. С. 308–315.

[467] *Кацис Л.* " ...я точно всю жизнь прожил за занавеской... " ("Занавешенные картинки" М. А. Кузмина и В. В. Розанов) // Русская альтернативная поэтика. М., 1990. С. 39–42, 44, 47.

[468] *Кашин А.* Книга человечности. ("В розовом блеске") // Грани. 1952. N. 16. С. 178–179.

[469] *Кашин А.* Новое зрение. ("Мышкина дудочка") // Грани. 1953. N. 18. С. 144.

[470] *Кашин А.* Про сны. ("Мартын Задека") // Грани. 1955. N. 25. С. 216.

[471] *Каширина И. Ш.* К вопросу о трансформации гоголевских образов в творчестве А. М. Ремизова ("Вий" и "Летавица") // Традиция в контексте русской культуры: Сб. ст. Череповец, 1994. С. 140–143.

[472] *Келдыш В. А.* Русский реализм начала XX века. М.: Наука, 1975. С. 267–277.

[473] *Кельберин Л. И.* А. М. Ремизов. "Образ Николая Чудотворца" // Числа. 1931. N. 5. С. 223–226.

[474] *Кибальник С.* Пушкин у Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 178–192.

[475] *Климова М. Н.* "Трагедия о Иуде, принце Искариотском" А. М. Ремизова и ее древнерусский источник // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы / Отв. ред. чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская, д.ф.н. Ю. В. Шатин. Новосибирск, 1995. С. 89–100.

[476] *Клягина М.* "На театре черт у места ..."// Театральная жизнь. 1988. N. 18. С. 28–29.

[477] *Книн В.* Ремизов в карикатурах // Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, науке и библиографии. 1910. N. 11. С. 300–308.

[478] *Княжнин В.* А. М. Ремизов. "Подорожие" // Современник. 1913. N. 11. С. 297–299.

[479] *Ковач А.* Жанр стихотворения в прозе в русской литературе конца XIX–начала XX века // Romanoslavica. XIX. 1979. С. 263–283.

[480] *Кодрянская Н.* Лето с Ремизовым // Новое русское слово. 1955. N. 20–21.

[481] *Кодрянская Н.* Ремизов о самом себе // Новый журнал. 1958. Кн. LII. С. 63–70.

[482] *Кодрянская Н.* Сказочник // Дело. 1951. N. 1, 4. С. 1–7.

[483] *Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. 7 сентября. N. 243. С. 2.

[484] *Козьменко М. В.* Бытие и время Алексея Ремизова // А. М. Ремизов. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1990. С. 3–12.

[485] *Козьменко М. В.* Двоякая судьба Алексея Ремизова // А. М. Ремизов. Избранные произведения. М.: Панорама, 1995. С. 5–18.

[486] *Козьменко М. В.* Заветные сказы Алексея Ремизова // Литературное обозрение. 1991. N. 11. С. 75–76.

[487] *Козьменко М. В.* "Лимонарь" как опыт реконструкции русской народной веры // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 26–32.

[488] *Козьменко М. В.* Мир и герой Алексея Ремизова // Филологические науки. 1982. N. 1. С. 24–30.

[489] *Козьменко М. В.* Удоноши и фаллофоры Алексея Ремизова (предисловие к публикации: А. Ремизов. Заветные сказы // Эрос. Россия. Серебряный век. М.: Серебряный бор, 1992. С. 175–187.

[490] *Козьменко М. В.* "Я писал всегда врозь с темой дня ..." (О А. М. Ремизове) // Ново-Басманная, 19. / Сост. Н. Богомолов. М., 1990. С.224–236.

[491] *Колтоновская Е.* О русском // Новый журнал для всех. 1912. N. 12. С. 95–104.

[492] *Колтоновская Е.* Пути и настроения молодой литературы // Колтоновская Е. Критические этюды. Спб.: Просвещение, 1912. С. 23–48.

[493] *Кормилов С. И.* Метризованная проза в 1910-е годы // Серебряный век русской литературы. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 67–68.

[494] *Кормилов С. И.* Поэтические однострочия в составе сложного целого (И. Анненский, М. Волошин, И. Сельвинский, П. Васильев, А. Ремизов, Б. Пильняк) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1992. N. 6. С. 3–12.

[495] *Кормилов С. И.* Русская метризованная проза 1900-х гг.// Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 51. N. 4. 1992. С. 27-39.

[496] *Костиков В. В.* Не будем проклинать изгнанье. Пути и судьбы русской эмиграции. М.: Международные отношения, 1990. С. 435, 439, 447.

[497] *Крайний А.* А. Ремизов. Николины притчи // Современные записки. 1924. N. XXII. С. 447–448.

[498] *Крайний А.* (Гиппиус З.) Что пишут // Русская мысль. 1912. N. 1. Отд. 3. С. 25–31.

[499] *Кранихфельд В.* В подполье // Современный мир. 1910. N. 11. Отд. 2. С. 82–100.

[500] *Кранихфельд В.* А. М. Ремизов. "Бесовское действо" // Современный мир. 1908. N. 1. Отд. 2. С. 86–89.

[501] *Кранихфельд В.* А. М. Ремизов. "Подорожие" // Современный мир. 1913. N. 10. С. 269–270.

[502] *Крюкова А.* А. М. Горький и А. М. Ремизов (переписка и вокруг нее) // Вопросы литературы. 1987. N. 8. С. 197–212.

[503] *Кугель А. Р.* Драматический театр // Театр и искусство. 1907. N. 49. С. 815.

[504] *Homo novus (Кугель А. Р.)* Драматический театр. "Бесовское действо" // Русь. 1907. N. 327. 6 декабря. С. 5. (См. также: [503].)

[505] *Кузмин М.* Иуда (Театральная мастерская) // Жизнь искусства. 1922. N. 7. 14 февраля. С. 830 (См. также: [515].)

[506] *Кузмин М.* О прекрасной ясности // Аполлон. 1910. N. 4. С. 6–9.

[507] *Кузмин М.* Заметки о русской беллетристике: А. М. Ремизов. "Крестовые сестры" // Аполлон. 1910. N. 11. С. 49.

[508] *Кузмин М.* А. М. Ремизов. "Неуемный бубен" // Аполлон. 1910. N. 7. С. 43.

[509] *Кузмин М.* А. М. Ремизов. "Петушок" // Аполлон. 1912. N. 1. С. 67.

[510] *Кузмин М.* А. М. Ремизов. "Пруд"// Аполлон. 1911. N. 9. С. 74.

[511] *Кузмин М.* А. М. Ремизов. "Пятая язва" // Аполлон. 1913. N. 1. С. 75.

[512] *Кузмин М.* А. М. Ремизов. "Рассказы" // Аполлон. 1909. N. 3. С. 22–23.

[513] *Кузмин М.* А. М. Ремизов. Сочинения VI–VII // Аполлон. 1912. N.3–4. С. 105.

[514] *Кузмин М.* А. М. Ремизов. "Стан половецкий"// Аполлон. 1910. N. 8. С. 58–59 .

[515] *Кузмин М.* Условности: статьи об искусстве. Пг., 1923. С. 111-113.

[516] *Кульбитский В.* Об А. М. Ремизове // Грани. 1952. N. 15. С. 115–116.

[517] *Куприн А. И.* А. М. Ремизов."Часы" // Современный мир. 1908. N. 7. Отд. 2. С. 125–127.

[518] *Купченко В.* Подвиг высшего смирения // Наука и религия. 1992. N. 2. С. 16–17.

[519] *Левинтон Г. А.* Ремизовский подтекст в "Четвертой прозе" // Лотмановский сборник. 1. М.: Изд-во "ИЦ-Гарант", 1995. С. 596–610.

[520] *Лидин В.* Литературная Россия. М., 1924. С. 27-35.

[521] *Листикова Н.* Подстриженными глазами // А. М. Ремизов. Докука-сказка "Заяц": Тибетские сказки. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 3–4.

[522] *Лихачев Д. С.* Хроника. Малышевские чтения // Рус. лит-ра. 1991. N. 1. С. 221.

[523] *Ловцкий Г.* Алексей Ремизов. Зга. Волшебные рассказы // Современные записки. 1925. N. XXIV. С. 438–439.

[524] *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Л.: Лениздат, 1990. С. 48, 73, 77.

[525] *Луначарский о Ремизове* // Збирник работ аспирантов Львов. ун-та. Львов, 1963. С. 80–91.

[526] *Лунц Л.* Театр Ремизова // Жизнь искусства. 1920. N. 343. 15 января. С. 2. (См. также в пер. на англ.: [825].)

[527] *Лурье Я. С.* А. М. Ремизов и древнерусский "Стефанит и Ихнелат" // Рус. лит-ра. 1966. N. 4. С. 176–179.

[528] *Любимов А. А.* Ремизов, автор "Бесовского действа". Шарж // Театр и искусство. 1907. N. 50. С. 847.

[529] *М.* О книге. Утренник в Малом зале консерватории // Жизнь искусства. 1920. N. 589. 22 октября. С. 1.

[530] *Мазурова А.* О пропущенной книге А. Ремизова // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1953. 5 июля. С. 4.

[531] *Мазурова А.* Разговоры с Ремизовым и о нем // Дело. 1951. N. 4. С. 28–36.

[532] *Мазурова А.* Тристан и Изольда (К первой годовщине смерти Ремизова) // Грани. 1958. N. 39. С. 212-216.

[533] *Мануэльян Э.* "Слово о погибели русской земли" А. Ремизова и идеология скифства Р. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 81–88.

[534] *Марков А.* "Басаркуньи сказки" А. М. Ремизова // Панорама искусств. М., 1988. N. 11. С. 381–392.

[535] *Марков В.* Неизвестный писатель Ремизов // Марков В. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. Спб.: Изд-во Чернышева, 1994. С. 233–239.

[536] *Марков В.* Неизвестный писатель Ремизов // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 13–18. (См. также переизд-е: [535].)

[537] *Медуза-Горгона <Аверченко А. Т.>* Алексей Ремизов // "Современный Всепетербург". Бесплатная премия к журналу "Сатирикон" за 1908 год / Под ред. А. Т. Аверченко. Спб., 1908. [без пагинации].

[538] *Мейерхольд В. Е.* Переписка. 1896–1939. М.: Искусство, 1976. (См. именной указатель.)

[539] *Мейерхольд В. Е.* Статьи, письма, речи, беседы / Ред. А. В. Февральский. М.: Искусство, 1968. Ч. I. С. 188, 207-209, 311, 313.

[540] *Мейерхольд В. Э.* Театр. (К истории и технике) // Театр. Книга о новом театре. М., 1908. С. 135.

[541] *Милль К.* Danse macabre (Творчество Алексея Ремизова) // Лебедь. 1908. N. 2. С. 36-41.

[542] *Минц З. Г.* Вступительная статья к "Переписке А. А. Блока с А. М. Ремизовым" // Лит. наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 63–82.

[543] *Минц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А.* "Петербургский текст" и русский символизм // Труды по знаковым системам: XVIII. Тарту, 1984. С. 89–91.

[544] *Миров М.* Писатель или списыватель? (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. 1909. N. 11160. 16 июня. С. 5–6.

[545] *Михайлов А. И.* О сновидениях в творчестве Алексея Ремизова и Николая Клюева // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 89–103.

[546] *Михайлов А. И.* Сказочная Русь Алексея Ремизова // Рус. лит-ра. 1995. N. 4. С. 50–67.

[547] *Михайловский Б. В.* Символизм // Русская литература конца 19 – начала 20 века. 1901–1907. М.: Наука, 1971. С. 232.

[548] *Мочульский К.* А. Ремизов. Образ Николая Чудотворца. "Алатырь-камень русской веры." "Три серпа." "По карнизам" // Современные записки. 1932. N. XLVIII. С. 480-481.

[549] *Мочульский К.* А. Ремизов. Оля // Звено. 1926. N. 177. С. 1–2. (См. переизд-е: [550].)

[550] *Мочульский К.* А. Ремизов. Оля // Современные записки. 1928. N. XXXIV. С. 500–501.

[551] *Мочульский К.* А. Ремизов. Взвихренная Русь // Звено. 1927. N. 219. С. 2–3.

[552] *Мочульский К. В.* О творчестве Алексея Ремизова // Звено. 17 декабря. 1923. (См. переизд-е: [553].)

[553] *Мочульский К. В.* " О творчестве Алексея Ремизова" и "Заметка о Розанове" / Вступл. и публ. С. Р. Федякина // Русская речь. 1992. N. 5. С. 30–34.

[554] *Мочульский К.* "Fiabe russe"/ Tr. R. P. Pomerantz // Звено. 1927. N. 6. С. 378–379.

[555] *Мущенко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е.* Поэтика сказа. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. С. 133–139, 149–154.

[556] На переломе: Три поколения одной московской семьи. Семейная хроника Зерновых / Под ред. Зернова Н. М. Paris, 1970. С. 141–148.

[557] Над чем работают писатели // Огонек. 1912. N. 1. С. 18.

[558] "Непреложное свидетельство единой России". Пушкинский юбилей 1937 года в русской эмиграции: Д. С. Мережковский, Б. К. Зайцев, И. А. Бунин, И. С. Шмелев, А. М. Ремизов, Лоло, Дон-Аминадо / Вступ. заметки С. Кибальника // Волга. 1988. N. 6. С. 3–15.

[559] *Ник[онов] Б.П.* Вечер А. Ремизова и А. Блока // Жизнь искусства. 1919. N. 265–266. 11–12 октября. С. 1.

[560] Новая книга Ремизова. "Три серпа" // Воля России. 1929. N. 2. С. 164–166.

[561] *Новиков Н.* Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. 1957. Кн. XLIX. С. 242-256.

[562] *Нямцу А. Е.* Новый Завет и мировая литература. Черновцы. 1993. С. 60–61.

[563] *Обатнина Е. Р.* Вступительная статья к "Воспоминаниям об Алексее Ремизове" В. Смиренского // Лица: Биографический альманах. Вып. 7. М.; Спб.: Феникс: Atheneum, 1996. С. 161–165.

[564] *Обатнина Е. Р.* Миф о Гоголе начала XX века и "Огонь вещей" Алексея Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 129–141.

[565] *Обатнина Е. Р.* От маскарада к третейскому суду: ("Судное дело об обезьяньем хвосте" в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.; Спб.. Феникс-Atheneum, 1993. С. 448–465.

[566] *Одоевцева И.* О "Ремизове" Натальи Кодрянской // Новый журнал. 1960. Кн. LXI. С. 296–302.

[567] *Орлицкий Ю. Б.* Стих и проза в творчестве А. Ремизова (К постановке проблемы) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 166–171.

[568] *Осоргин М.* На вечере А. М. Ремизова // Последние новости. 1932. N. 4036. 10 апреля.

[569] *Осоргин М.* А. Ремизов. "Взвихренная Русь" // Современные записки. 1927. N. XXXI. С. 453–456.

[570] *Осоргин М.* О Ремизове // Дни. 1929. N. 20. 20 января.

[571] *Осоргин М.* А. Ремизов. "Оля" // Последние новости. 1927. N. 2269. 3 июня.

[572] *Осоргин М.* А. Ремизов. "По карнизам" // Последние новости. 1929. N. 3151. 7 ноября.

[573] *Осоргин М.* А. Ремизов. "Посолонь" // Последние новости. 1929. N. 3179. 5 декабря.

[574] *Осоргин М.* А. Ремизов. "Россия в письменах" // Дни. 1922. N. 7. 5 ноября.

[575] *Осоргин М.* А. Ремизов. "Три серпа" // Последние новости. 1929. N. 2892. 1 февраля.

[576] *Осоргин М.* "Tourgueniev poete du reve"/ Tr. H. Parnot-Feldman // Последние новости. 1933. N. 4635. 30 ноября.

[577] Отрывки из дневника М. А. Кузмина // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М.: Наука, 1981. С. 157, 159–160, 162.

[578] *Очадликова М.* Причудливый мир Алексея Ремизова // *Přednášky* ve XIII behu letni skoly slovanskych studii v roce 1969. Praha. S. 247–248.

[579] *П. Н.* А. Ремизов. "Пляс Иродиады" // Новая русская книга. 1923. N. 1. С. 16.

[580] *П[астухов] В.* А. Ремизов. "В розовом блеске" // Опыты. 1953. N. 1.

[581] *Павловский А. И.* Две России и единая Русь (художественно-философская концепция России-Руси в романах А. Ремизова и И. Шмелева эмигрантского периода) // Рус. лит-ра. 1995. N. 2. С. 47–71.

[582] *Паламарчук П. Г.* Москва или третий Рим? Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. М.: Современник, 1991. С. 193–198.

[583] Перед лицом хаоса // Бюллетень литературы и жизни. 1912. N. 20-21. С. 770–772.

[584] *Петрицкий В. А.* А. М. Ремизов – корреспондент Н. О. Лосского и Ю. Н. Верховского (Штрихи культурной жизни России начала XX века) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 248–252.

[585] *Пигин А. В.* Повесть А. М. Ремизова "Соломония" и ее древнерусский источник // Рус. лит-ра. 1989. N. 2. С. 114–118.

[586] Писатель или списыватель? Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. N. 11160. 16 июня. 1909. Веч. вып. С. 6.

[587] *Полонский В.* Рассказы А. Ремизова и С. Городецкого // Всеобщий ежемесячник. 1910. N. 9. С. 108–114.

[588] *Полонский В.* А. Ремизов. Сочинения. 1 // Новая жизнь. 1911. N. 2. С. 301–303.

[589] *Полянин А.* А. Ремизов. "Весеннее порошье" // Северные записки. 1915. N. 7–8. С. 261–264.

[590] *Постников С.* Русская зарубежная литература в 1925 году // Воля России. 1926. N. 2. С. 183–192.

[591] *Прибыловский А.* А. Ремизов. "Царь Максимилиан" // Русская книга. 1921. N. 6. С. 10–14.

[592] *Пришвин М. М.* Дневники. М.: Правда, 1990. С. 34, 51-52, 86-87, 88, 92, 106, 111-112, 250, 362.

[593] *Пришвин М.* Плагиатор ли Ремизов? Письмо в редакцию // Слово. 1909. N. 833. 21 июня. С. 5.

[594] *Пяст В.* Стилист-рассказчик // Известия книжного магазина Вольфа. 1910. N. 3. С. 82–84.

[595] *Радлов С.* О кризисе театра // Жизнь искусства. 1921. N. 727–729. 11–13 мая. С. 1.

[596] *Раевская-Хьюз О.* "Автобиография" в прозе Цветаевой, Ремизова и Пастернака // Марина Цветаева. Труды 1-го Муждународного симпозиума (Лозанна. 30.06. - 3.07. 1982) / Под ред. Р. Кембалла. Bern, 1991. P. 146-159.

[597] *Раевская-Хьюз О.* Волшебная сказка в книге Ремизова "Иверень" // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 41–50.

[598] *Раевская-Хьюз О.* Образ С. П. Ремизовой-Довгелло в творчестве А. М. Ремизова (К постановке проблемы) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 9–18.

[599] *Раевская-Хьюз О.* Последняя автобиографическая книга А. Ремизова // А. Ремизов. Иверень. Berkeley, 1986. С. 281–295.

[600] *Раевская-Хьюз О.* Творческая память // А. М. Ремизов. Россия в письменах. N.Y., 1982. С. 5-8.

[601] *Редько А. Е.* А. Ремизов. "Петушок" // Русское богатство. 1912. N. 1. Отд. 2. С. 141–149.

[602] *Репнин Н.* А. Ремизов. "Крестовые сестры" // Русское богатство. 1910. N. 11. С. 126–128.

[603] *Репнин Н.* А. Ремизов. "Царь Максимилиан" // Книга и революция. 1921. N. 8–9. С. 79.

[604] *Репнин Н.* Театральные впечатления (театр В. Ф. Комиссаржевской: "Бесовское действо над неким мужем") // Слово. 1907. N. 327. 11 декабря. С. 3.

[605] *Рогощенков И. К.* Неприкаянность // Ремизов А. М. Узлы и закруты: Повести. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 3–21.

[606] *Розанов В. В.* О вере русских / Вступ. статья, подготовка текста и комм. М. М. Павлова // Рус. лит-ра. 1991. N. 1. С. 121.

[607] *Розанов Ю. В.* "Бесовское действо" А. М. Ремизова и его средневековая модель // Материалы по истории литературы и поэтике. Вологда: Русь, 1995. С. 45–56.

[608] *Розанов Ю. В.* Драматургия Алексея Ремизова и проблема стилизации в русской литературе начала XX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 1994. 24 с.

[609] *Розанов Ю. В.* "Русалия" Алексея Ремизова. История создания и источники // Драматургические искания Серебряного века: Межвузовский сборник научных трудов. Вологда: Русь, 1997. С. 44–52.

[610] *Розанов Ю. В.* Иуда Искариот в трактовке А. Ремизова // Библейские мотивы и образы в русской литературе: Материалы в помощь студентам и учителям. Вологда: Русь, 1995. С. 43–51.

[611] *Ростиславов А.* Художник в театре // Золотое руно. 1909. N. 7/9.

[612] *Рыстенко А. В.* Заметки о сочинениях А. Ремизова. Одесса, 1913.

[613] *С. О.* А. М. Ремизов. "Трава-мурава" // Новая русская книга. 1922. N. 8. С. 15–16.

[614] *Савченко А. Г.* А. М. Ремизов // Русские новости. 1957. 6 декабря.

[615] *Садовский Б.* Настоящий // Современник. 1912. N. 5. С. 300–309. (См. также: [616].)

[616] *Садовской Б.* Ледоход: статьи и заметки. Пг., 1916. С. 135–142.

[617] *Садовской Б.* Ремизов о России. "Подорожие" // Северные записки. 1913. N. 5/6. С. 243–248.

[618] *Сакулин П.* А. М. Ремизов. "Царь Максимилиан" // Печать и революция. 1921. N. 3. С. 265–267.

[619] *Сваровская А. С.* Проблема героя и среды в повести А. М. Ремизова "Крестовые сестры" // Художественное творчество и литературный процесс. Томск, 1988. Вып. 9. С. 47–58.

[620] *Святополк-Мирский Д.* А. М. Ремизов. "Взвихренная Русь" и "Оля" // Версты. 1928. N. 3. С. 155–156.

[621] *Святополк-Мирский Л.* А. М. Ремизов. "Литературная Россия. Сборник современной русской прозы" / Под ред. Вл. Лидина. М., 1924 // Современные записки. 1925. N. XXIII. С. 473–475.

[622] *Седых А.* Памяти А. М. Ремизова // Новое русское слово. 1957. N. 16. С. 227.

[623] *Секе К.* "Апофеоз беспочвенности": Лев Шестов и Алексей Ремизов // Dissertations Slavicae: XV. 1982. С. 105–120.

[624] *Секе К.* Модель ремизовского ада // Studia Slavica. Budapest. 1989. Т. 35. Fasc. 3–4. S. 385–392

[625] *Секе К.* "Огонь вещей" А. М. Ремизова // Dissertations Slavicae: XVI. 1984. С. 159–171.

[626] *Секе К.* Проблема обезличенности в повести А. М. Ремизова "Часы" // Dissertations Slavicae: XVII. 1985. С. 215–231.

[627] *Секей Н.* — Силард Л. Русская литература конца XIX–нач. XX века: В 2 т. Budapest, 1979. Т. 2. С. 229–231.

[628] *Сергеев О. В.* Психологизм творческой индивидуальности А. М. Ремизова. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1996. 14 с.

[629] *Силард Л.* Орнаментальность // Russian Literature. 1986. Vol. XIX. N. I. P. 71–73.

[630] *Синани Е.* Ремизовское житие // Русская мысль. 1981. 29 октября.

[631] *Синани-МекЛауд Е.* Волшебное мышление А. М. Ремизова: "Мышкина дудочка" // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 124–128.

[632] *Синенко С. Г.* Древнерусский субстрат в русской литературе XX века как проблема исторической поэтики // Поэтика русской советской прозы. Уфа, 1989. С. 113–120.

[633] *Синявский А.* Литературная маска Алексея Ремизова // Синтаксис. 1985. N. 14. С. 98–114. (См. перепеч.: [634].)

[634] *Синявский А.* Литературная маска Алексея Ремизова // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 25–39.

[635] *Синявский А.* "Опавшие листья" В. В. Розанова. Paris: Синтаксис, 1982. С. 229–234.

[636] *Сирин В.[Набоков].* А. М. Ремизов. "Звезда надзвездная" // Руль. 1928. 14 ноября.

[637] *Слизкой А.* Из новейшей художественной литературы // Возрождение. 1953. N. 29. С. 176–182.

[638] *Слобин Г.* Динамика слуха и зрения в поэтике Алексея Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин , 1994. С. 157–165.

[639] *Слоним М.* Литературный обзор // Воля России. 1922. N. 1. С. 84-88.

[640] *Слоним М.* Подвижник слова // Новое русское слово. 1957. N. 16066.

[641] *Слоним М.* Последние книги А. Ремизова // Воля России. 1922. N. 20. С. 24.

[642] *Слоним М.* Новая русская книга. 1921. N. 1 // Воля России. 1922. N. 8. С. 24.

[643] *Смирнова Л. А.* Народ и революция (русская проза 1908-1915) // Проблемы реализма русской литературы нач. XX в.: Сб. ст. М.: МГПИ, 1976. С. 14–16.

[644] *Смирнова Л. А.* С думой о русской провинции: "Пятая язва" А. М. Ремизова // Дружба, 1986–1990. М., 1988. С. 39-48.

[645] *Смоленский [Измайлов А.]* Около рампы (Театр госпожи Комиссаржевской: "Бесовское действо над неким мужем") // Биржевые ведомости. 1907. 5 декабря. Веч. вып. С. 4–5.

[646] *Смоленский [Измайлов А.]* Русью пахнет // Биржевые ведомости. 1915. 9 января.

[647] *Снулова Н. В.* Роль разговорной и просторечной лексики в произведениях А. М. Ремизова 10-х годов XX века // Русский язык: история и современность. М., 1995. С. 131-141. Рукопись, депонированная в ИНИОН РАН N. 50195 от 22.03.95.

[648] *Соколов А. Г.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 123–135.

[649] *Солнцев К.* А. М. Ремизов. "Пляшущий демон" // Новый журнал. 1950. Кн. XXIV. С. 299–302.

[650] *Сосинский Б.* Об А. Ремизове // Числа. 1931. N. 5. С. 258–262.

[651] *Сосинский Б.* А. М. Ремизов. "Звезда надзвездная" // Воля России. 1928. N. 10–11. С. 208–210.

[652] *Сосинский Б.* А. М. Ремизов. Новый Дом. 1926. N. 1 // Воля России. 1926. N. 11. С. 187–188.

[653] *Сосинский Б.* А. М. Ремизов. "По карнизам" // Воля России. 1929. N. 10–12. С. 203–206.

[654] *Спроге Л.* А. М. Ремизов в Латвии: В. Дамберс, В. Эглитс, В. Гусев, И. Павлов, В. Гадалин // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Таллинн: Авенариус, 1996. Т. II. С. 158–170.

[655] *Старикова Е.* Реализм и символизм // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. М.: Наука, 1974. Т. 3. С. 215–218.

[656] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. N.Y.: изд-во Чехова, 1956. С. 297–301. (Переизд-е: London, 1990.)

[657] *Степун Ф.* Москва – Петербург накануне войны 1914 г. // Новый журнал. 1951. Кн. XXVII. С. 178–180.

[658] *Струве Г.* О Ремизове. К годовщине со дня смерти (14/27. XI.1957) // Вестник рус. студ. христ. движения. 1958. N. 50. С. 11–19.

[659] *Струве Г.* О Ремизове. К годовщине со дня смерти // Вестник рус. студ. христ. движения. 1971. N. 100. С. 300–306.

[660] *Струве Г.* Русская литература в изгнании. N.Y.: Изд-во Чехова, 1956. С. 104–107. 259–262. (2-е изд-е. Paris, 1984.)

[661] *Субботин С. И.* Еще раз о дате первой публикации "Слова о погибели..." А. М. Ремизова // Новое литературное обозрение. М., 1995. N. 14. С. 154–156.

[662] *Субботин С. И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из "Простой газеты" // Рус. лит-ра. 1992. N. 1. С. 205–215.

[663] Судьба и труды русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1921 г. Алексей Михайлович Ремизов // Русская книга. 1921. N. 9. С. 29–30.

[664] *Сумский С.* А. М. Ремизов. "Шумы города" и "Огненная Россия" // Новая русская книга. 1922. N. 1. С. 18–19.

[665] *Терапиано Ю.* А. М. Ремизов (К десятилетию со дня смерти) // Русская мысль. 1968. N. 2673. С. 8–9.

[666] *Терапиано Ю.* А. М. Ремизов. "Мелюзина" // Русская мысль. 1975. 9 января.

[667] *Терапиано Ю.* Мироощущение Ремизова // Русская мысль. 1975. N. 3054. С. 10–11.

[668] *Терапиано Ю.К.* О протопопе Аввакуме // Русская мысль. 1957. N. 1054.

[669] *Терапиано Ю.* А. М. Ремизов. "Огонь вещей" // Литературный современник. Munchen, 1954. С. 297–300.

[670] *Тименчик Р. Д.* Заметки на полях именных указателей // Новое литературное обозрение. М., 1993. N. 4. С. 156.

[671] *Тименчик Р. Д.* Литературные приключения латышской колыбельной // Даугава. 1983. N. 9. С. 119–120.

[672] *Топоров В. Н.* О "Крестовых сестрах" А. М. Ремизова: поэзия и правда. Статья 2-ая. // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1988. Вып. 822. С. 121–138.

[673] *Топоров В. Н.* О "Крестовых сестрах" А. М. Ремизова: поэзия и правда. Статья 1-ая // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1989. Вып. 857. С. 138–158.

[674] *Тугендхольд Д.* А. М. Ремизов. "Проклятый принц" // Русские ведомости. 1916. 11 февраля. С. 6.

[675] *Тукалевский В.* А. М. Ремизов. "Звенигород окликанный. Николины притчи" // Воля России. 1924. N. 16/17. С. 233–234.

[676] *Туриг Э.* Хождение по цензурным мукам // А. М. Ремизов. Бесовское действо. Пг.: изд. Театрального отдела Нар. ком. по просвещению, 1919. С. 47–48.

[677] *Тыркова-Вильямс А.* А. М. Ремизов. "Подстриженными глазами" // Возрождение. 1952. N. 24. С. 167–173.

[678] *Тыркова-Вильямс А.* Тени минувшего. Встречи с писателями // Возрождение. 1955. N. 37. С. 89–94.

[679] *Тырышкина Е. В.* А. М. Ремизов и идейно-художественные поиски символизма (к проблеме метода) // Русская литература XX века: направления и течения: Сб. научн. тр. Екатеринбург, 1992. С. 72–79.

[680] *Тырышкина Е. В.* "Вечно-женственное" в интерпретации А. Ремизова (характер и концепция) // Проблема характера в литературе. Тез. докл. зон. научн. конф. В 3 ч. Челябинск, 1990. Ч. 2. С. 20–22.

[681] *Тырышкина Е. В.* Интерпретация Апокалипсиса в "Крестовых сестрах" А. М. Ремизова // Slavia Orientalis. Krakow. T. XLII. N. 1. 1993. S. 59–70.

[682] *Тырышкина Е. В.* "Крестовые сестры" А. М. Ремизова: Интерпретация Апокалипсиса (функционирование мотива "чужого" текста) // Russian Literature. 1995. Vol. XXXVII. P. 109–128.

[683] *Тырышкина Е. В.* Поэтика романа А. М. Ремизова "Крестовые сестры" (мифологический аспект). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1991. 17 с.

[684] *Тырышкина Е. В.* Саломея О. Уайльда и Иродиада А. М. Ремизова (категория национального в контексте декаданса и символизма) // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Тез. докл. межд. научн. конф. В 2 ч. Ч. 2. Минск, 1994. С. 170–171.

[685] *Тырышкина Е. В.* Сны и явь героинь "Крестовых сестер" // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 53–57.

[686] *Тырышкина Е. В.* Сюжет Саломеи-Иродиады в литературе 19 – начала 20 в. // Literatura rosyjska. Nowe zjawiska. Reinterpretacje. Katowice, 1995. S. 82–97.

[687] *Тырышкина Е. В.* Философско-этическая концепция любви в ранней прозе А. М. Ремизова // Материалы XXVIII Всесоюзной студенческой конф. Новосибирского гос. ун-та. Новосибирск, 1990. С. 60–64.

[688] *Тырышкина Е. В.* Фунционирование мотивов древнерусской культуры в "Крестовых сестрах" А. М. Ремизова // Slavia Orientalis. Krakow. 1995. T. XLIV. N. 4. S. 495–501.

[689] *Ужанков А.* Осиянное слово (А. М. Ремизов) // Ремизов А. М. Сочинения: В 2 кн. М.: Терra – Терра, 1993. Кн. 1. С. 3–14.

[690] *Ульянов Н.* О Ремизове. Хабенная мудрость // Ульянов Н. Свиток. New Haven, 1972. С. 48–53, 54–57.

[691] *Унковский В.* А. М. Ремизову 80 лет // Возрождение. 1957. N. 66. С. 52–57.

[692] *Унковский В.* Кто он? (о Ремизове) // Мир и искусство. 1931. N. 13.

[693] *Усенко Л.* Неудавшееся воскрешение // Дон. 1962. N. 6. С. 145–154.

[694] *Усов Д.* Алексей Ремизов // Понедельник. 1918. N. 10. 6 мая. С. 3.

[695] *Фиалкова Л. Л.* Гоголевская традиция в русской фантастической прозе начала XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1985. 16 с.

[696] *Фиалкова Л. Л.* Проблемы фантастики А. М. Ремизова // Историко-литературный процесс. Методологические аспекты. Рига: Изд-во Латв. ун-та им. П. Стучки, 1989. С. 76–78.

[697] *Фигурнова О.* Алексей Ремизов на страницах русских газет Эстонии (публ. заметки Ярового "Белое сердце") // Alma Mater. Тарту. Сентябрь 1992. N. 3 (8). С. 7.

[698] *Филин М. Д.* Все мы выросли из пушкинских сновидений, или Два слова о пушкинской эссеистике Ремизова // Русская речь. М., 1993. N. 3. С. 13–14. (Вступительная заметка к статье Ремизова "Сны Пушкина".)

[699] *Филиппов Б. А.* Древо жизни подстриженными глазами // Кукха. Розановы письма. N.Y.: Серебряный век, 1978 (Rpt. Berlin, 1923). С. I–IV.

[700] *Филиппов Б. А.* Заметки об А. Ремизове // Русский альманах. Paris, 1981. С. 222–230.

[701] *Философов Д. В.* Без стиля // Московский еженедельник. 1908. N. 12. С. 45–48.

[702] *Философов Д. В.* Сны (Ремизов) // Философов Д. В. Старое и новое: Сб. ст. по вопросам искусства и литературы. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912. С. 22–28.

[703] *Флейшман Л. С.* Из комментариев к "Кукхе". Конкректор Обезвелволпала // Slavica Hierosolymitana: N. 1. 1977. С. 185–193.

[704] *Хмельницкая Т.* Творчество Михаила Пришвина. М., 1959. С. 80–86.

[705] *Ходасевич В.* А. М. Ремизов. "Проклятый принц" // Утро России. 1916. N. 41. 10 февраля. С. 5.

[706] *Царькова Т. С.* Н. Ф. Бурова – корреспондент А. М. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 253–266.

[707] *Цеховицер О. В.* Символизм и царская цензура // Уч. зап. ЛГУ. 1941. Т. 76. С. 314–315.

[708] *Цивьян Т.* К семиотике и поэтике вещи (Несколько примеров из русской прозы XX века) // Aequinox:(Эквинокс-равнодействие). М., 1993. С. 212–227.

[709] *Цивьян Т.* К стратегии сохранения русского языка в диаспоре: "случай Ремизова"// Блоковский сборник. XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 110–127.

[710] *Цивьян Т.* О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России. М.: Изд-во "Радикс", 1993. С. 199–238.

[711] *Цивьян Т.* Ремизов и его языковые эксперименты // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М.: Изд-во "Индрик", 1996. С. 690–703.

[712] *Цыбин В.* Мифы и сны А. Ремизова // Литературная Россия. 1988. 11 марта.

[713] *Чалмаев В. А.* В купели слова // А. М. Ремизов. Царевна Мымра. Тула, 1992. С. 5–19.

[714] *Чалмаев В. А.* Власть судьбы // Литература в школе. М., 1993. N. 3. С. 32–41.

[715] *Чалмаев В. А.* Власть судьбы: Творческий путь и "взвихренное слово" Алексея Ремизова // Ремизов А. М. Избранное: Повести. Литературные силуэты. Воспоминания. М., 1992. С. 5–23. (См. также: [714].)

[716] *Чалмаев В. А.* Воскресивший слово... (В художественном мире Алексея Ремизова) // А. Ремизов. Неуемный бубен. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 3–22.

[717] *Чалмаев В. А.* "Вот повести минувших лет": о книге Алексея Ремизова "Россия в письменах" // Русь. Ростов Великий. 1993. N. 8. С. 116–129.

[718] *Чалмаев В. А.* "Вся моя жизнь прошла с глазами на Россию..."(Судьба и "автобиографическое пространство" А. М. Ремизова) // А. Ремизов. В розовом блеске. М.: Современник, 1990. С. 3–30.

[719] *Чалмаев В. А.* Лицом лицу к историей // А. Ремизов. Взвихренная Русь. М.: Сов. Россия, 1990. С. 3–28.

[720] *Чалмаев В. А.* Молитвы и сны Алексея Ремизова // А. Ремизов. Огонь вещей. М.: Сов. Россия, 1989. С. 5–34.

[721] *Чалмаев В. А.* Потерянный бриллиант // Литературная газета. 1989. 11 октября.

[722] Чем заняты наши писатели (А. Ремизов) // Вестник литературы и жизни. 1919. N. 8. С. 4.

[723] *Чижевский Д.* Три книги о Гоголе // Новый журнал. 1955. Кн. XLI. С. 277–288.

[724] *Чудовский В.* А. М. Ремизов. "Чертыханец" // Аполлон. 1911. N. 8. С. 64–65.

[725] *Чуйкова О. А.* Миф о мире в романе А. Ремизова "Пруд" // Взаимодействие творческих индивидуальностей русских писателей XIX – начала XX в. М., 1994. С. 181–193.

[726] *Чуковский К. И.* Вселенская тошнота // Речь. 1909. 11 января. С. 3.

[727] *Чуковский К. И.* Для чего мы живем // Речь. 1910. 26 сентября. С. 2–3.

[728] *Чуковский К. И.* Последние рассказы А. Ремизова // Речь. 1910. 14 июня. С. 3.

[729] *Чуковский К. И.* Психологические мотивы в творчестве Алексея Ремизова // Чуковский К. И. Критические рассказы. Спб.: Шиповник, 1911. Кн. 1. С. 136–167. (См. также: [730].)

[730] *Чуковский К. И.* Ранний Ремизов // Чуковский К. И. Собр. соч. М., 1969. Т. 6. С. 297–317.

[731] *Чулков Г.* Сны в подполье // Чулков Г. Наши спутники. М.: Изд-во Н. В. Васильева, 1922. С. 7–37.

[732] *Чурлина А. В., Зиновьева М. Д.* Чтение сказок А. М. Ремизова на уроке русского языка // Русский язык в СНГ. 1992. N. 10/11/12. С. 53–58.

[733] *Шкловский В.* Кружовенное варенье // Жизнь искусства. 1919. N. 282–283. 1–2 ноября. С. 1.

[734] *Шкловский В.* "Новый Горький" // Россия. М.; Л., 1924. N. 2. С. 196.

[735] *Шкловский В.* А. М. Ремизов. "Царь Максимилиан" // Жизнь искусства. 1919. N. 267. 14 октября. С. 1.

[736] *Шкловский В.* Розанов. Сюжет как явление стиля. Пг., 1921. С. 123.

[737] *Шкловский В.* Zoo. Письма не о любви или Третья Элоиза. Берлин: Геликон, 1923. С. 27–30. (См. также в пер. на англ.: [864].)

[738] *Щукин В. К.* Waszkielewicz H. Modernistyczny starowierca. Krakow: Uniwersytet jagiellonski. 1994. 151 s. // Новое литературное обозрение. М., 1995. N. 16. С. 381–382.

[739] *Эльзон М.* Инскрипты А. М. Ремизова из коллекции Лущенко. Спб.: Эхо, 1993 // Новое литературное обозрение. М., 1995. N. 14. С. 341–342.

[740] *Юрьева З.* Ремизов о Гоголе // Новый журнал. 1957. Кн. LI. С. 105–111.

[741] *Яновский [Белый А.]* А. М. Ремизов. "Часы" // Весы. 1908. N. 6. С. 67–68.

[742] *Янтарев Е.* Алексей Ремизов. "Лимонарь, сиречь Луг духовный." Издательство "Оры" // Перевал. 1907. N. 8–9. С. 100.

[743] *Яцимирский А. И.* А. М. Ремизов. "Лимонарь" Спб., 1907 // Исторический вестник. 1908. Апрель. Т. 112. С. 1094.

[744] *Pascal P.* Алексей Ремизов // Русская мысль. 1968. 9 мая. С. 7.

[745] *Sinany H.* А. Ремизов в переводах // Русская мысль. 1986. N. 3639. 19 сентября.

[746] *Sinany H.* Мои революционные авантюры и начало моего литературного бездорожья. К изданию книги А. Ремизова "Иверень"// Русская мысль. 1987. N. 3675. 29 мая.

[747] *Sinany H.* Структурная композиция "Взвихренной Руси"// Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 237–244.

4.3.2 Критика и литературоведческие материалы, опубликованные в 1900–1990-е годы на иностранных языках

[748] A Russian Cultural Revival. A Critical Antology of Emigre Literature before 1939. / Ed. and tr. T. Pachmuss. Knoxville: The Univ. of Tennessee, 1981. P. 55–95.

[749] *d'Amelia A.* L'incontro con il libro // Richerche Slavistiche. 1970. Vol. XVII–XIX. S. 95–108.

[750] *d'Amelia A.* Racconto come esorcimo // Diavoleria. Aleksei M. Remizov. Racconti russi. Roma, 1986.

[751] *Anitschkow E.* Vorwort // Die Schwestern im Kreuz / Tr. F. Frisch. Munchen; Leipzig: Georg Muller Verlag, 1913.

[752] *Arban D.* Aleksei Remizov // Le Figaro litteraire. 1954. 23.01.

[753] *Arland M.* Alexei Remizov: Les Yeux tondus / Tr. du russe par N. Reznikov ("Gallimard") // La Nouvelle Revue Francaise. 1958. N. 64. P. 730–732.

[754] *Arland M.* L'ecrivaine russe Remizov continue a tisser ses reves // Figaro Litteraire. 1954. 23.01.

[755] *Arland M.* Preface // Les Yeux tondus / Trad. du russe par N. Reznikoff. Paris, 1958. P. 7–11.

[756] *Aronian S.* Remizov: Revolution and the Apocalypse // Canadian-American Slavic Studies. 26. Nos. 1–3 (1992). P. 119–140.

[757] *Aronian S.* The Hidden Determinant: Three Novels of Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 127–163.

[758] *Aronian S.* The Russian View of Remizov // Aleksej Remizov. Selected Prose. Ann Arbor, 1985. P. 3–15.

[759] *Bailey J. A. H.* Narrative Mode as a Thematic Problem in Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 177–196.

[760] *Bailey J. A. H.* Patterns of Ambiguity in the Function of A. M. Remizov // Proceedings of the Pacific Northwest Conference. 1976. XXVII. 1. P. 146–149.

[761] *Baran H.* Towards a typology of Russian Modernism // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 175–193.(См. также пер. на русс.яз.:[298].)

[762] *Barker M. G.* Rec. ad op.: A. Remizov. Selected Prose. Ann Arbor, 1985 // World Literature Today: 60. 1986. P. 134–135.

[763] *Bialy R.* Parody in Remizov's "Piataja iazva" // Slavic and East European Journal: XIX. 1975. P. 403–410.

[764] *Bialy R.* Rev.: H. Sinany, comp. Bibliographie des oeuvres de Alexis Remisov. Paris, 1978 // Slavic and East European Journal: XXIII. 1979. N. IV. P. 531–533.

[765] *Brion M.* Aleksei Remizov // Le Monde. 1958. 25–26.03.

[766] *Brion M.* Alexei Remizov // La revue des deux Mondes. 1954. N. 4. P. 726–736.

[767] *Brown A.* Preface to" Fifth Pestilence." London, 1927; rpt. Westport, 1977. P. VII–XXV.

[768] *Burke S. P.* A Bearer of Tradition: Remizov and his Milieu // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 167–174.

[769] *Burke S. P.* Rec. ad op.: G. N. Slobin. Remizov's Fictions (1900–1921). Northern Illinois University Press. De Kalb, Illinois, 1991 // Slavic and East European Journal. Tucson. 1993. Vol. 37. N. 2. P. 251–252.

[770] *Carden P.* Ornamentalism and Modernism // Russian Modernism: Culture and the Avant-Garde. 1900–1930. Ithaca; London, 1976. P. 49–64.

[771] *Carden P.* The living vessel of Memory // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 207–215.

[772] *Chizhevskii D. I.* Beschreibung der Alben mit den Zeichnungen A. M. Remizovs aus dem Besitz F. Liebs // Lieb Fritz. Sophia und Histoire. Zurich, 1962. S. 27–30.

[773] *Chklaver G.* Alexei Remizov // La Vie des Peuples. 1924. N. 13. P. 64–65.

[774] *Chuzeville J.* En guise de preface // Sentiers vers l'invisible / Tr. J. Chuzeville. Paris: les ed. du Chene, 1945. P. 7–16.

[775] *Chuzeville J.* I miei ricordi su Remizov // Giovedi. 1953. 8.01

[776] *Cieslik K., Smaga J.* Aleksej Riemizov "Siostry krzyzowe" // Kultura Rosji przelomu stuleci (XIX–XX). Warszawa, 1991. S. 95–100.

[777] *Clamor D.* "Dokuka i Balagur'je" von A. M. Remizov. Das Verhaltnis Remizovscher Umdichtungen von Marchen zu ihren Vorlagen. Munchen, 1992.

[778] *Clark K.* Aleksej Remizov in Petrograd 1919–1921: Bard of the Peopless Theatre // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 281–286.

[779] *Cournos J.* Foreword // The Clock / Tr. J. Cournos. London: Chatto and Windus, 1924. P. VII–X. (Переизд-е: N.Y.: Knopf, 1924.)

[780] *Croft L. B.* Rec. ad op.: A. Remizov. Иверень. Berkeley, 1986 // World Literature Today: 61. 1987. N. 2. P. 309–310.

[781] *Crone A. L.* Remizov's "Kukkha": Rozanov's "Trousers Revisited" // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. C. 197–210.

[782] *Czapsky J.* Rencontre avec Remizov // Preuves. Paris, 1954. N. 42. P. 33–35.

[783] *Dotsenko S.* Folkloric and Mythological motifs in Remizov's works (genesis and poetics). Summary of the Master's Thesis. Tallinn, 1994. 13 p.

[784] *Dowsett C.* Aleksei Remizov's "The Clock" and the Russian Symbolist novel // Modern language review. L., 1991. Vol. 86. Pt. 2. P. 372–386.

[785] *Drozda M.* Problemy skazu w prozie A. Riemizova i A. Bielego // Zeszyty Naukowe Wydz. Hum. Uniwersytetu Gdanskiego. Filologia rosyjska. Gdansk, 1992. N. 11.

[786] *Ebert C.* Alexej Remizow "Schwestern im Kreuz // Symbolismus in Russland. Berlin: Akademie – Verlag, 1988. S. 109–139.

[787] *Eliasberg A.* Russische Literaturgeschichte in Einzel-Portrats. Munchen: C. H. Becksche, 1925. S. 132–154.

[788] *Geib K.* Aleksej Michailovich Remizov: Stilstudien. Forum Slavicum. Munchen, 1970. Bd. 26. 185 s.

[789] *Geib K.* Vorwort // Posolon. Rpt. Soch. VI. Slavische Propylaen. Band 79. Munchen: Fink, 1971. S. V–XV.

[790] *Geib K.* Vorwort // Prud. Rpt. Soch. IV. Slavische Propylaen. Band 82. Munchen: Fink, 1971. S. V–X.

[791] *Gifford H.* The Novel in Russia. N.Y.: Harper, 1964. P. 156–157.

[792] *Ginsburg M.* Translating Remizov // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 19–24.

[793] *Gorlin M.* Alexej Remisow // Ost-Europa. 1934. N. 9. P. 333–343.

[794] *Gorlin M., Bloch-Gorlina R.* Etudes litteraires et historique. Paris: Institut d'Etudes slaves. 1957. P. 163–173.

[795] *Guenter H.* Remizov, Aleksej Michajlovich. Daemonen und Heilige. Aleksej Remizov zum 75 Geburstag am 21 Juni // Neue literarische Welt. 1952. N. 12. 3.07. S. 8.

[796] *Hackel S.* The Poet and the Revolution. London, 1975. P. 171–186.

[797] *Hann G.* Vorwort // Die Goldene Kette. Weltpassionen. Altrussische Legenden / Tr. Hann G. Munchen: Pfluger Verlag, 1923.

[798] *Holthusen J.* Russische Gegenwartsliteratur 1: 1890-1940; Die literarische Avantgarde. Bern; Munchen: Franke Verlag, 1963. S. 72–76.

[799] *Hutchings S. C.* Rec. ad op.: G. N. Slobin. Remizov's Fictions (1900–1921). Northern Illinois University Press. De Kalb, Illinois, 1991 // Slavic review. Stanford. 1993. Vol. 52. N. 2. P. 407–409.

[800] *Ingold F. Ph.* A. M. Remizow und F. M. Dostojewski: Zu einem unveroffentlichten Illustrationswerk aus der Basler "Bibliothek Fritz Lieb" // Librarium. 1977. N. 20. S. 116–135.

[801] *Jackson R. L.* Dostoevsky's Underground Man in Russian Literature. Mouton, 1958. P. 177–179.

[802] *Janic D. J.* Snevac jasnovidac // Savremenik. 1979. N. 49/3. S. 186–201.

[803] *Jarc M.* Предисловие // Na sinjem polu / Пер. M. Jarc. Ljubljana: Jugoslavanska knigarna v Ljubljani, 1931.

[804] *Jensen P. A.* Typological Remarks on Remizov's Prose // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 277–285.

[805] *Jirasek J.* Prehledne dejiny ruske literatury. Prague; Brno, 1945. II. S. 142–147.

[806] *Kapala L.* The Concept of the Sacred in Aleksej Remizov's "Sisters in the Cross"// Scottish Slavonic Review. 1990. N. 14. P. 101–115.

[807] *Kodjak A.* Remizov's Prose in the Senior Seminar // Newsletter: Teaching Language through Literature: XII. 1973. P. 33–41.

[808] *Kolonsky W.F.* Rec. ad op.: G. N. Slobin. Remizov's Fictions (1900–1921). Northern Illinois University Press. De Kalb, Illinois, 1991 // Modern fiction studies: MFS. West Lafayette (Ind.). 1992. Vol. 38. N. 4. P. 971–972.

[809] *Korol J.* Aleksej Remizov: Fiery Russia. M. A. Thesis. Columbia, 1963.

[810] *Lampl H.* A. Remizov: A Short Biographical Essay (1877–1923) // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 7–60.

[811] *Lampl H.* Aleksej Remizovs Beitrag zum russischen Theatre // Wiener Slawistiches Jahbruch. 1972. N. 17. S. 163–165.

[812] *Lampl H.* Altrussisch - Kirchenslawistische Stilisierung bei Remizov und Zamiatin // Wiener Slawistishes Jahbruch. 1975. N. 21. S. 130–145.

[813] *Lampl H.* Innovationsbestrebungen im Gattunssystem der russischen Literatur des fruchen 20. Jahrunderts - am Beispiel A. M. Remizovs // Wiener Slawistisher Jahbruch. 1978. N. 24. S. 158–174.

[814] *Lampl H.* Political Satire of Remizov and Zamiatin on the pages of Prostaja gazeta // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 245–260.

[815] *Lampl H.* Remizovs Petersburger Jahre. Materialen zur Biographie // Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Bd. 10. S. 271–323.

[816] *Lampl H.* Zinaida Hippius an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistisher Almahach. 1978. Bd. 1. S. 159–183.

[817] *Lathouwers M. A.* De hedendaagse Russische Letterkunde. Panorama, Brugge-Utrecht, 1965. S. 41–43.

[818] *Letten[illegible]auer W.* Russische Literatur Geschichte. Wiesbaden, 1958. S. 244–246.

[819] *Levinson F. S.* "Vzvikhrennaia Rus'": Remizov's Chronicle of Revolution // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 211–226.

[820] *Lo Gatto E.* Fantasmi della vecchia Russia in un remoto angolo di Parigi // Il Tempo. 1956. 5.03.

[821] *Lo Gatto E.* Incontro con la Russia di ieri in una vecchia casa parigina // Il Tempo. 1953. 10.04.

[822] *Lo Gatto E.* La Parigi degli artisti russi rivive ormai solo nei ricordi di pochi // Il Tempo. 1956. 30.01.

[823] *Lo Gatto E.* Storia della letteratura russa contemporanea. Milan, 1958. P. 272–280.

[824] *Lo Gatto E.* Storia della letteratura russa sovetica. Florence; Milan, 1968. P. 133–138.

[825] *Lunts L.* Theatre of Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 263–266.

[826] *Luther A.* Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1924. S. 439–442.

[827] *Manouelian E.* Apocryphal Fragments: Remizov's Novel "Kanava"// The Slavonic and East European Review. 1995. Vol. 73. N. 2. P. 226–245.

[828] *Manouelian E.* From "Pis'ma" to "Pis'mena": Ideological and Journalistic Contexts of Remizov's Documentary Project // Russian Review. 1996. Vol. 55. N. 1. P. 1–20.

[829] *Manouelian E.* Remizov's Judas: Apocryphal legend into symbolist drama // Slavic and East European Journal. Tucson. 1993. Vol. 37. N. 1. P. 46–66.

[830] *Mauriac C.* Remizov // Le Figaro. 1958. 15.05.

[831] *Mirsky D. S.* A History of Russian Literature. N.Y.: Knopf, 1964. P. 476–484. (См. также Святополк-Мирский.)

[832] *Mirsky D. S.* Contemporary Russian Literature. N.Y.: Knopf, 1926. P. 281–291.

[833] *Mirsky D. S.* Remizov // Mirsky D. S. Uncollected Writings on Russian Literature / Ed. with an Introduction and Bibliography by G. S. Smith. Berkeley, 1989 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and texts. Vol. 13.) P. 156–166.

[834] *Moissaye J., Olgin A.* Guide to Russian Literature (1820–1917). N.Y., 1920. P. 281–286.

[835] *Moller P. U.* Observations on Remizov's Humor // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 113–119.

[836] *Morvan F.* Postface. A propos de Remizov et de Robin // Savva Groudzine / Trad. d'Armand Robin. Paris, 1986. P. 63–72.

[837] *Pascal P.* Remizov // La Quinzaine Litteraire. 1978. N. 285: P. 9–10.

[838] *Pascar H.* Mon Theatre a Moscou. Paris. 1930. P. 62–67.

[839] *Pierre A.* L'ecrivain russe Alexis Remizov est mort a Paris // Le Monde. 1957. Novembre 29. P. 10.

[840] *Poggioli R.* Предисловие // Sorello im Cristo / Tr. R. Poggioli. Torino: Slavia, 1930.

[841] *Pomorski A.* Posłowie // A. Riemizow. Siostry krzyzowe. Warszawa, 1985. S. 180–204.

[842] *Pozner V.* Panorama de la Litterature Russe Contemporaine. Paris: ed. Kra, 1929. P. 190–200.

[843] *Prina S.* Alexej Remizov: "Russia Scompigliata" // Vomini e Libri. 1981. Vol. 84. N. 17. P. 24–25.

[844] *Pyman A.* Petersburg Dreams // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 51–59.

[845] *Pyman A.* Rec. ad op.: А. Ремизов. Иверень. Berkeley, 1986 // Slavonic and East European Review: 65. 1987. N. 3. P. 454–455.

[846] *Pyman A.* The Life of Alexsandr Blok. Oxford; London; New York: Oxford Univ. Press, 1979. Vol. 1. P. 195–199.

[847] *Raevsky-Huges O.* Aleksej Remizov's Defense on the Russian Language // Language, Literature, Linguistics. Berkeley, 1987. P. 192–211.

[848] *Raevsky-Huges O.* Alexey Remizov's later autobiographical prose // Autobiographical statements in twentieth-century Russian literature. Princeton, 1990. P. 52–65.

[849] *Раевская-Хьюз О.* Introduction // Н. Резникова. Огненная память. Berkeley, 1980. P. 9–15.

[850] *Reavey G.* A Note on the Author // On a Field Azure / Tr. B. Scott. London: Lindsay Drummond, 1946. P. 1–6.

[851] *Rolland R.* Letter-preface // La Maison Bourkov (Soeurs en crois) / Tr. R. et Z. Vivier. Paris: ed. du Pavois, 1946.

[852] *Rosenthal Ch.* Primitivism in Remizov's early short works (1900–1903) // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus. 1987. P. 195–206.

[853] *Rosenthal Ch.* Remizov's "Sunwise" and "Lemonarium"// Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 95–111.

[854] *Scotto P.* Rev.: Aleksej Remizov. Selected Works and Bibliographie des Oeuvres d'Alexis Remizov // Ulbandus Review. 1987. N. 1, 2. P. 163–166.

[855] *Segel H. B.* Twentieth-Century Russian Drama. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1979. P. 65–70.

[856] *Setchkareff V.* Geschichte der russischen Literature II. Bonn: Athenaum, 1949. S. 119–120, 126–127.

[857] *Shakhovskaia Z.* Rev.: "V rosovom bleske" // Russian Review. 1955. N. 14. P. 165.

[858] *Shane A.* A Prisoner of Fate: Remizov's Short Fiction // Russian Literature Triquarterly: IV. 1972. P. 302–318.

[859] *Shane A.* An Introduction to "A. Remizov" // The Bitter Air of Exile: Russian Writers in the West. 1922–1972. Berkeley, 1977.

[860] *Shane A.* An Introduction to A. Remizov // Triquarterly: XXVII. 1973. P. 10–16.

[861] *Shane A.* Remizov's "Prud": From Symbolism to Neo-Realism // California Slavic Studies: I. 1971. P. 71–82.

[862] *Shane A.* Rev.: "Krestovye sestry" and "V rosovom bleske". Rpt. Letchworth, 1969 // Slavic and East European Journal: 15. 1971. N. 3. P. 374–376.

[863] *Shane A.* Rhythm without rhyme: The poetry of Aleksej Remizov // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 217–236.

[864] *Shklovskii V.* Zoo, or Letters not about Love / Ed. and tr. R. Sheldon. N.Y.: Cornell Univ. Press, 1971.

[865] *Sinany-MacLeod H.* De Moscou a Saint-Petersburg. Dix ans de la vie d'Alexis Remizof // Revue des etudes slaves. Tome cinquante – quatrime. Fasc. 1-2. Paris, 1982. P. 215–220.

[866] *Sinany-MacLeod H.* Rev.: N. Reznikova. Ognennaia pamiat'. Vospominaniia o Aleksee Remizove // Revue des etudes slaves. 1981. T. LIII. N. 2. P. 359–360.

[867] *Sinany H.* Remizov Ecrivain // Bibliographie des oeurs d'Alexis Remizov / Comp. H. Sinany. Paris: Institut d'Etudes slaves. 1978. P. 7–12.

[868] *Sliwowski R.* Rec. ad op. : H. Waszkielewicz. Modernistyczny starowierca. Krakow: Uniwersytet jagiellonski, 1994. 151 s. // Slavia Orientalis. Warszawa. 1994. Rocz. 43. N. 3. S. 427–429.

[869] *Slobin G. N.* Appropriating the Irrevent Pushkin // Cultural Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age / Eds. B. Gasparov, R. P. Huges & I. Paperno. (California slavic studies:XV.) P. 214–215, 220.

[870] *Slobin G. N.* Introduction // Aleksej Remisov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 7–12.

[871] *Slobin G. N.* Polish decadance and modernist Russian prose // American contributions to the tenth international congress of slavists. Literature. Sofia, 1988. P. 387–388.

[872] *Slobin G. N.* Tsvetaeva and Remizov: The Story of a Dedication // To S. K. in Celebration of the Life and Career of of Simon Karlinsky / Eds. M. Flier and R. Huges. (Berkeley Slavic Specialities, 1994).

[873] *Slobin G. N.* Remizov's "Experimental Laboratory" Short Fiction Narrative // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 113–163.

[874] *Slobin G. N.* Remizov's Fictions (1900–1921). De Kalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 1991.

[875] *Slobin G. N.* Rev.: A. Remizov. Iveren'. Zagoguliny moei pamiati. Berkeley, 1986 // Russian Review. 1988. Vol. 47. N. 2. P. 229–230.

[876] *Slobin G. N.* The Ethos of Perfomance in Remizov // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 19. N. 4. P. 412–425.

[877] *Slobin G. N.* Writing as a Possession: The Case of Remizov's Poor Clerk // Studies in 20th Century Russian Prose. Stockholm, 1982. P. 59–79.

[878] *Slonim M.* From Chekhov to the Revolution: Russian Literature 1900–1927. N.Y., 1962. P. 229–233.

[879] *Stempczynska B.* Rosyjska prosa psychologiczna poczatku XX wieku. Miedzy tradycja a eksperymentem. Katowice, 1988. S. 71–82.

[880] *Stempczynska B.* "Siostry krzyzowe" A. Riemizowa. Proba interpretacji // Studia rossica posnaniensia. 1992. Z. 22. S. 41–52.

[881] *Stender-Petersen A.* Geschichte der russischen Literatur. Munchen, 1957. S. 504–506.

[882] *Stenenberg E.* Russische Kunst Berlin 1919–1923. Berlin, 1969. S. 28–29.

[883] *Subotin S.* Knjizevno stvaralastvo Remizova // Knjizevnost. 1966. N. XLII. S. 92–98.

[884] *Terrel V.* Fantastic elements in the narrative structure "With clipped eyes" // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 227–237.

[885] *Tschopl C.* A. M. Remizovs "Chozdenie Bogorodicy po mukam": Thematik und Erzahlstuktur // Die Welt der Slaven. 1973. N. 18. S. 342–360.

[886] *Vivier R.* Alexei Remizov // La Maison Bourkov (Soeurs en Croix) / Tr. R. Vivier et Z. Vivier. Paris: ed. du Pavois, 1946.

[887] *Vivier R.* Preface // Soeurs en Croix / Tr. R.Vivier. Paris: ed. Rieder, 1929. P. 7–27.

[888] *Waszkielewicz H.* Aleksego Riemizowa wedrowki po kregach tozsamosci // Podroz w literaturze rosyjskiej i innych literaturach slowianskich. Opole, 1993. S. 83–86.

[889] *Waszkielewicz H.* Bostwa i demony Aleksego Riemizowa // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellonskiego. Prace historycznoliterackie. 1993. Z. 84. S. 27–34.

[890] *Waszkielewicz H.* Jesli znasz kurze slowo, mozesz wszystko mies // Rosja za rogatkami stolic. Krakow, 1993. S. 41–58.

[891] *Waszkielewicz H.* Modernistyczny starowierca. Krakow: Uniwersytet jagiellonski, 1994. 151 s.

[892] *Waszkielewicz H.* Oblubienica, kostucha, szyszyga, wampir, diabel, kanibal ... czyli o smierci we wczeshej tworczosci Aleksego Riemizowa // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellonskiego. Prace historycznoliterackie. 1993. Z. 84. S. 35–45.

[893] *Waszkielewicz H.* Ostatni ruski latopis ("Wzwichriennaja Rus'" Aleksego Riemizowa) // Studia i Materialy Wyzszej Szkoly Pedagogicznej w Olztynie. 1991. N. 30. S. 63–67.

[894] *Waszkielewicz H.* Peregrynacje Aleksego Remizowa. O czasoprzestrzeni na podstawie opowiadania W NIEWOLI // Studia rossica poznaniensia. 1988. Vol. XX. S. 65-74.

[895] *Waszkielewicz H.* Sposob istnienia problematyki uniwersalnej w powiesci Aleksieja Riemizova "Staw" // Uniwersalizm w literaturze rosyjskiej. Katowice, 1992. S. 58–66.

[896] *Waszkielewicz H.* "Staw" Aleksego Riemozowa jako modernistyczny wariant Braci Karamazow Fiodora Dostoiewskiego // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellonskiego. Prace historycznoliterackie. 1993. Z. 82. S. 129–136.

[897] *Waszkielewicz H.* Wybrane aspekty psychologizmu prosy Aleksego Riemisowa // Problemy psychologizmu w literaturach wschoodniosiowianskich. Zielona Gora, 1991. S. 135–141.

[898] *Waszkielewicz H.* Zbrodnia i kara a la Riemizow // Zycie Literackie. Krakow, 1987. 17 maja.

[899] *Waszkielewicz H.* Zbrodnia i kara na nowo napisana czyli "Siostry Krzyzove" Aleksego Riemezowa // Slavia orientalis. Krakow. 1991. T. XL. N. 1–2. S. 3–13.

[900] *West J. D.* Introduction to "Piataja iazva". Rpt. Letchworth, Hertfordshire: Bradda, 1970.

[901] *West J. D.* Introduction to "V rosovom bleske". Rpt. Letchworth, Hertfordshire: Bradda, 1969. P. V–VIII.

[902] *Wieczorek A.* Wokol prozy neorealistow rosyjskich // Zeszyty naukowe. Filologia rosyjska: XXI. Opole, 1981. S. 36–41.

[903] *Wozniak A.* Legenda apokryfiszna na warsztacie pisarskim Aleksego Riemizova // Studia rossica poznaniensia. 1988. Vol. XX. S. 55–64.

[904] *Wozniak A.* Stylizacye legendowo-apokryfiezne Aleksego Riemizowa // Zeszyty nauk. Katol. uniwersitet Lubelskiego: 27. 1984. N. 4. S. 39–63.

[905] *Wozniak A.* Tradycja Ruska Wedlug Aleksego Riemizowa. Katolicki Uniwersytet Lubelski. Lublin, 1995. 273 s.

[906] *Wozniak A.* Tradycja skomorochow w tworczosci Aleksego Riemizowa // Slavia Orientalis. Krakow. 1992. T. XLI. S. 83–96.

[907] *Wozniak A.* Uwagi o psychologii w tworczosci Aleksego Riemizowa ("Piata Plaga" i "Niemiłkacy beben") // Problemy psychologizmu w literaturach wschodnioslowianskich. Zielena Gora, 1991. S. 143–152.

4.3.3 Диссертации, защищенные по творчеству А.М.Ремизова:

[908] *(1963) Kodjak A.* The Language of Aleksei Remizov. Diss. Univ. of Pensylvania, 1963.

[909] *(1966) Burke S.* Salient Features in the Writings of A. M. Remizov. Diss. Univ. of Texas, 1966.

[910] *(1970) Geib K.* Aleksej Michailovich Remizov. Stilstudien. Munchen, 1970.

[911] *(1971) Woronizoff-Weliaminoff A.* Tradizione e innivazione in "Posolon" di Aleksej Remizov. Diss. Florence, 1971.

[912] *(1971) Aronian A.* The Dream as a Literary Device in the Novels and Short Stories of Aleksej Remizov. Diss. Yale, 1971.

[913] *(1974) Bialy R.* Devices for the Incongruous: A Study of A. M. Remizov's Prose. Diss. UCLA, 1974.

[914] *(1977) Levinson F. S.* Remizov in the Retrospective Mode. Diss. Harvard, 1977.

[915] *(1978) Slobin G.* Remizov and Rise of Russian Modernism. Diss. Yale, 1978.

[916] *(1978) Hebert Bailey J. A. H.* The Structure of Aleksei Michailovich Remizov's Prose. Diss. Univ. of Washington, 1978.

[917] *(1979) Narwani U. E.* The Early Prose of A. M. Remizov a "Short Story Symbolist". Diss. Toronto, 1979.

[918] *(1980) Rosenthale Ch.*. Aleksej Remizov and the Literary Uses of Folklore. Diss. Stanford, 1980.

[919] *(1982) Schiling S. M.* On Stylization and the Use of Folktale Material in A. M. Remizov's "Posolon". Diss. Brown, 1982.

[920] *(1992) Тырышкина Е. В.* Поэтика романа А. М. Ремизова "Крестовые сестры" (мифологический аспект). Дис. ... канд. филол. наук. Томск. 1992. 240 с.

[921] *(1992) Данилевский А. А.* Доэмигрантская эпика А. М. Ремизова. Магистер. дис. Тарту, 1992. 200 с.

[922] *(1994) Доценко С. Н.* Фольклорно-мифологические мотивы в творчестве А.М. Ремизова: Генезис и поэтика. Магистер. дис. Таллинн, 1994. 101 с.

[923] *(1994) Розанов Ю. В.* Драматургия Алексея Ремизова и проблема стилизации в русской литературе начала XX века. Дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1994.

[924] *(1994) Manouelian E.* Narrative as Palimpsest: Remizovian Texts and Contexts, 1914–1921. Diss. Harvard, 1994.

[925] *(1996) Сергеев О. В.* Психологизм творческой индивидуальности А. М. Ремизова. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

4.3.4 Статьи о графическом творчестве А. М. Ремизова (рисунки, графика, каллиграфия)

[926] *Безродный М.* Об одной подписи Алексея Ремизова // Рус. лит-ра. 1990. N. 1. С. 224–228.

[927] *Грачева А. М.* Писец и изограф Алексей Ремизов // Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. Спб.: Хронограф, 1992. С. 7–10.

[928] *Гурьянова Н.* Ремизов и "будетляне"// Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 142–150.

[929] *Завалишин В.* Орнаментализм в литературе и искусстве и орнаментальные мотивы в живописи и графике Алексея Ремизова // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 135–139.

[930] *Маркадэ И.* Ремизовские письмена // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Columbus, 1987. P. 121–134.

[931] *Матюшин М.* Русские кубо-футуристы // Харджиев Н., Малевич К., Матюшин М. К истории русского авангарда / С послеслов. Р. Якобсона. Stockholm: Гилея, 1976. С. 144.

[932] *Молок Ю.* Графические сны Алексея Ремизова // Oeil=Око. Saint-Petersbourg. 1994. N. 1. С. 32–37.

[933] *Молок Ю.* По ту сторону умения и неумения (О графических текстах Алексея Ремизова) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 151–156.

[934] *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы "Бродячей собаки" // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983 г. Л.: Наука, 1985. С. 182, 194, 215.

[935] *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. Спб.: Изд-во Чернышева, 1994. С. 378–380.

[936] *Харджиев Н.* Поэзия и живопись // К истории русского авангарда. Stockholm. 1967. С. 52–69.

[937] *Шаталина Н. Н.* Автографы на книгах как жанр творчества А.М.Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 243–247.

[938] *Bowlt J. È.* Colors and Words: The Visual Art of Aleksei Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 126–165.

[939] La Peinture russe contemporaine. (Cat.) Palais des Congres. Paris, 1970. P. 56–57.

[940] *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley; Los-Angeles, 1968. P. 411.

[941] *Pyman A.* Aleksey Remizov on Drawings by Writers, with Particular Reference to the Internationalship between Drawings and Calligraphy in His Own Work // Leonardo. 1980. Vol. XIII. N. 3. P. 234–240.

[942] *Rannit A.* Ten Drawings. Remizov. A Mannerist Drama // New Directions International Anthology. N.Y., 1979. Vol. 38. P. 47–51.

[943] *Rannit A.* Ten Drawings: Aleksei Remizov // Images of Aleksei Remizov. Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the Thomas P. Whitney Collection / Essay and catalogue of the exibition by G. N. Slobin. Published by Mead Art Museum, Amherst College, 1985. P. 25–27.

[944] *Sharp J.* Checklist of the exibition // Images of Aleksei Remizov. Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the Thomas P. Whitney Collection / Essay and catalogue of the exibition by G. N. Slobin. Published by Mead Art Museum, Amherst College, 1985. P. 134–137.

[945] *Slobin G. N.* The Writer as an artist // Images of Aleksei Remizov. Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the Thomas

P.Whitney Collection / Essay and catalogue of the exibition by G. N. Slobin. Published by Mead Art Museum, Amherst College, 1985. P. 13–32.

[946] *Zaretzky N. V.* Russische Dichter als Maler und Zeichner. Recklinghausen, 1960. S. 72–77.

4.4 Описания архивов, библиографические указатели, энциклопедические статьи

4.4.1 Описания архивов, библиографические указатели, энциклопедические статьи, опубликованные в России, СССР, СНГ:

[947] 106 литературных имен русского зарубежья. Библиографический указатель / Сост. Е. Н. Бычкова. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 1992. С. 82–84.

[948] *Алексеев А. Д.* Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии. Спб.: Наука, 1993. С. 144–147.

[949] *Арефьева И. Г.* Письма и воспоминания А. М. Ремизова в ЦГАЛИ СССР // Археографический ежегодник за 1986 г. М.: Наука, 1987. С. 200–209.

[950] *Владиславлев И. В.* Литература великого десятилетия (1917–1927). М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 212–213.

[951] *Владиславлев И. В.* Русские писатели. Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе. Л.: Гос.изд-во, 1924. С. 96, 402–403.

[952] *Галичанина (Михалева) А. Н., Георгиева Л. С.* Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ. 1974–1976: Каталог / Ред. Р. Б. Заборова, И. Н. Курбатова. Л., 1980. С. 129.

[953] *Грачева А. М.* А. М. Ремизов // Русские писатели XI–начала XX века. Библиографический словарь. М.: Просвещение, 1995. С. 548–552.

[954] *Гречишкин С. С.* Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 75 год. Л.: Наука. 1977. С. 20–45.

[955] *Григорьянц С., Михайлов О.* Ремизов Алексей Михайлович // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. VI. С. 254.

[956] История русской литературы XIX–начала XX века. Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. Спб.: Наука, 1993. С. 194, 379.

[957] История русской литературы конца XIX–начала XX века. Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 353–356.

[958] *Козьменко М. В.* Ремизов в оценке критики 1910-х годов (обзор) // РЖ. Сер. 7. 1990. N. 6. С. 30–53.

[959] Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 год / Под ред. Т. К. Ухмыловой и В. Г. Геймана. Л., 1940. С. 221.

[960] Летопись литературных событий. 1901–1917 // Русская литература конца XIX–начала XX века: В 3 т. М.: Наука, 1968–1972. Т. 1,2. (См. именной указ.)

[961] *Михайловский Б. В.* А. М. Ремизов // Литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1935. Т. IX. С. 606–609.

[962] *Михалева А. Н.* Краткий отчет о новых поступлениях в Отдел рукописей за 1961 г.// Друян Н. Д. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1962. С. 95.

[963] *Никитина Е. Ф.* Русская литература от символизма до наших дней. М.: Никитинские субботники, 1926. С. 380–382.

[964] Новые поступления в Отдел рукописей, 1952–1956: краткий отчет / Ред. Р. Б. Заборова, А. С. Мыльникова. М.: Книга, 1968. С. 119.

[965] Репатриация культуры: словесность и философия. Русская эмиграция в отечественных изданиях 1986–1990 гг. Библиографический указатель. Томск: ТГУ, Научная библиотека. Вольный гуманитарный семинар, 1992. С. 104–107.

[966] Рукописные фонды Публичной библиотеки. Л., 1990. С. 178 (указатель описания фондов в предыдущих изданиях библиотеки).

[967] *Сергеев О. В.* А. М. Ремизов в зарубежной критике // Русское литературное зарубежье: Сб. обзоров и материалов. Вып. 1. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 100–120.

[968] *Сергеев О. В.* Исследования о творчестве А. М. Ремизова // Общественные науки за рубежом. Литературоведение. М., 1988. N. 2. С. 100–105.

[969] Тематика исследований по фондам отдела рукописей. 1976-1980 гг. Указатель. М.: Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина, 1986. С. 78. (Безродный М.В. А. М. Горький и А. М. Ремизов-борцы с мещанством: Доклад. 1977. Абрамов С. А. Ф. 1.)

[970] ЦГАЛИ СССР. Путеводитель. М., 1959. Вып. 1. (См. имен. указ.)

[971] ЦГАЛИ СССР. Путеводитель. М., 1963. Вып. 2. С. 380–381.

[972] ЦГАЛИ СССР. Путеводитель. М., 1968. Вып. 3. (См. имен. указ.)

[973] ЦГАЛИ СССР. Путеводитель. М., 1975. Вып. 4. С. 233–234.

[974] ЦГАЛИ СССР. Путеводитель. М., 1982. Вып. 5. С. 213.

[975] *Чалмаев В. А.* А. М. Ремизов // Писатели русского зарубежья: Справочник. Ч. 2. М., 1994. С. 213–221.

[976] *Чалмаев В. А.* Ремизов Алексей // Литература русского зарубежья. 1920–1940: Сб. М., 1993. С. 144–177.

4.4.2 Библиографические указатели, описания архивов, энциклопедические статьи, опубликованные за рубежом на русском языке:

[977] *Андреев Н.* О судьбе Русского Исторического архива в Праге // Грани. 1982. N. 125. Июль-сентябрь. С. 307–311.

[978] *Казак В.* А. М. Ремизов // Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. London, 1988. С. 641–643.

[979] *Козин А.* Комментарии. Именной указатель (Книги, изданные в России и за рубежом, включая переводы) // Алексей Ремизов. Взвихренная Русь. London: Overseas Publications Interchange. Ltd. 1979. С. 699–710.

[980] Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920–1980. Сводный указатель статей. Paris: Institut des etudes Slaves, 1988. С. 410–412.

[981] *Foster L.* Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968. Boston, 1970. Vol. 2. С. 921–936.

4.4.3 Библиографические указатели, описания архивов, энциклопедические статьи, опубликованные за рубежом на иностранных языках:

[982] *Aronian S.* Critical and Bibliographical Literature on A. M. Remizov // Aleksej Remizov. Selected Prose. Ann Arbor, 1985. (Russian Literature Triquarterly. N. 18.) P. 209–218.

[983] *Aronian S.* Critical and Bibliographical Literature on A.M. Remizov (Addenda) // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 127–164.

[984] *Geib K.* Literaturerseichnis // Geib K. Aleksej Michailovich Remizov. Stilstudien Forum Slavicum. Munchen, 1970. Bd. 26. S. 171–185.

[985] L'Emigration Russe. Revues et Recueils, 1920–1980. Index general des articles. Bibliotheque russe de l'Institut d'Etudes Slaves. 1988. T. LXXXI. Publie par la Bibliotheque Russe Tourguenev et la

Bibliotheque de documentation internationale contemporaine / Preface de Marc Raeff. Paris, 1988. Pos. N. 125.

[986] *Lampl H.* Bemerkungen und Erganzungen zur Bibliographie A. M. Remizovs // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. N. 2. S. 301–326.

[987] *Sinany H.* Bibliographie des oeuvres d'Alexis Remizov. Paris, 1978. 255 p.

[988] *Sinany H.* Archives de l'Universite de Columbia (New York) relatives a Aleksej Remizov // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. Vol. XVII 1. Janviers – Mars. 1976. S. 113–123.

[989] *Snow V.* Russian Writers. N.Y., 1946. P. 161–163.

[990] *Teighem Ph.* Remizof Alexei // Dictionnaire des litteratures. Paris, 1968. R. 2. P. 3280.

4.5 Воспоминания о А. М. Ремизове:

Воспоминания о А. М. Ремизове, опубликованные в СССР и России:

[991] *Андреев В. Л.* История одного путешествия. М.: Советский писатель, 1974. С. 294–303.

[992] *Анненков Ю.* Алексей Ремизов и Сергей Прокофьев // Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М.: Сов. композитор, б.г. С. 211–244. (См. также: [993].)

[993] *Анненков Ю.* Дневник моих встреч // За рубежом. 1990. N. 18. С. 14–17. (См. также [1035].)

[994] *Белов С. В.* Мастер книги. Л.: Наука, 1979. (См. имен. указ.)

[995] *Белый А.* Между двух революций. Л., 1934. С. 62–69. (Переизд-е: М., 1990.)

[996] *Бенуа А.* Мои воспоминания: В 5 кн. М.: Наука, 1990. Кн. 4–5. С. 508–509.

[997] *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. С. 304–309.

[998] *Бунич-Ремизов Б. Б.* Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и восприятии ее близких // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 267–272.

[999] *Волошина М.* Зеленая змея: История одной жизни. М., 1993. С. 147–150.

[1000] Воспоминания Вадима Морковина // Рус. лит-ра. 1993. N. 1. С. 223–224.

[1001] Воспоминания о серебряном веке. М.: Изд-во "Республика", 1993. С. 359–362. (См. именной указатель.)

[1002] *Глезер Л. А.* Записки букиниста. М., 1989. С. 223–227.

[1003] *Дейч А.* Арабески времени // Звезда. 1968. N. 12. С. 182–203.

[1004] *Добужинский М.* Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 229–232, 276–277.

[1005] *Жуков Д. А.* Прозрения. М., 1991. С. 367–369.

[1006] *Кодрянская Н.* Встречи с Буниным // Лит. наследство. Т. 84. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 342–346.

[1007] *Коняев Н. М.* Земля, которая помнит все... Л.: Советский писатель, 1982. С. 170–174.

[1008] *Лидин В.* Люди и встречи. М., 1981. С. 223–236.

[1009] *Лундберг Е. К.* Записки писателя. 1920–1924. Т. 2. Л.: Изд. писателей, 1930. С. 300–302.

[1010] *Милашевский В.* Вчера, позавчера... М., 1989. С. 156–160.

[1011] "Мне посчастливилось жить в "Песках": О некоторых литературных памятных адресах Дзержинского района // Привет Петербург! 1994. N. 47.

[1012] *Никитин В. П.* "Кукушкина": (Памяти А. М. Ремизова) / Публ. Грякаловой Н. Ю. // А.Ремизов. Павлиньим пером. Спб.: Изд-во "Logos", 1994. С. 212–238.

[1013] *Никитин В. П.* "Кукушкина": (Памяти А. М. Ремизова): Воспоминания / Публ. подгот. Грякалова Н. Ю. // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1990 г. Спб., 1993. С. 268–306. (См. также: [1012].)

[1014] *Одоевцева И.* На берегах Невы // Звезда. 1988. N. 4. С. 126.

[1015] *Одоевцева И.* На берегах Невы. М.: Худ. лит-ра, 1989. С. 208–211, 239. (См. также : [1014].)

[1016] *Пайман-Соколова А.* Памяти Натальи Викторовны Резниковой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 273–276.

[1017] *Петровский М.* Ремизовы адреса // Городу и миру. Киев, 1990. С. 58–75.

[1018] *Пяст В.* Встречи. М.: Федерация, 1929. С. 29–34, 45–46, 48, 74, 80, 92, 129, 133, 187. (См. также: [1019].)

[1019] *Пяст В.* Из книги "Встречи" // Наше наследие. 1989. N. 4. С. 93–99.

[1020] *Резников Е.* Ремизов и музыка. Часть 1.Воспоминания // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1994. С. 259–266.

[1021] *Резникова Н.* А. М. Ремизов о себе // Дальние берега: Сб. М., 1994. С. 87–95.

[1022] *Резникова Н.* А. М. Ремизов. Начало 50-х г. // Дальние берега: Сб. М., 1994. С. 82–87.

[1023] *Смиренский В.* Воспоминания об Алексее Ремизове / Вступ. статья, публ. и комм. Е. Р. Обатниной // Лица: Биографический альманах. 7. М.; Спб.: Феникс; Atheneum, 1996. С. 161–190.

[1024] *Сосинский В.* Домовой на рю Буало / Публ. подгот. А. Сосинский // Родина. 1991. N. 8. С. 83–86.

[1025] *Сосинский В.* История одного кольца: (несостоявшаяся дуэль) // ЛГ-Досье. М., 1992. N. 9. С. 20–21.

[1026] *Сосинский В. Б.* Конурка (об А. Ремизове, А. Алехине, братьях Модильяни и др.): Отрывки / Вст. заметки и публ. С. Сосинского-Семихата // Вопросы литературы. 1991. N 6. С. 167–207.

[1027] *Троцкий С. В.* Воспоминания // Новое литературное обозрение. 1994. N. 10. С. 59.

[1028] *Федин К. А.* Горький среди нас. М., 1968. С. 114–124.

[1029] *Чулков Г.* Годы странствий. М.: Федерация, 1930. С. 167–171.

[1030] *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 121–133.

[1031] *Шаховская З.* Отражения. Из книги // Наше наследие. 1990. N. 1. С. 86–96.

[1032] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Кн. III // Новый мир. 1961. N. 9. С. 96–112. (См. отд. изд-е: [1033].)

[1033] *Эренбург И.* Люди. Годы. Жизнь. Кн. 3–4. М., 1963. С. 69–76.

[1034] *Яновский В. С.* Поля Елисейские: Книга памяти. Спб., 1993. С. 186–192.

Воспоминания об А. М. Ремизове, опубликованные за рубежом:

[1035] *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч. N.Y.: Международное литературное Содружество, 1966. Т. 1. С. 219–220. 224-225. (См. переиздание: [992].)

[1036] *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Paris: La Presse Libre, 1983. В 2 т. Т. 2. (См. имен. указатель.)

[1037] *Бахрах А.* Встречи с Блока с Ремизовым // Русская мысль. 1981. N. 3388. 26 ноября.

[1038] *Бахрах А. В.* Ремизову было бы сто лет // Бахрах А. В. По памяти, по записям. Paris: La Presse Libre, 1980. С. 23–27.

[1039] *Берберова Н.* Курсив мой. Munchen: Fink Verlag, 1972. С. 303–307. (См. пер. на франц.: [1053], переизд-е на русс. яз. [997].)

[1040] *Добужинский М.* Воспоминания об А. М. Ремизове // Возрождение. 1958. N. 74. С. 114–116.

[1041] *Добужинский М.* Воспоминания. N.Y., 1976. (См. переизд-е: [1004].)

[1042] *Добужинский М.* Встречи с писателями и поэтами // Новый журнал. 1945. N. 11. С. 282–296.

[1043] *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Paris, 1959. (Здесь же дневники А. М. Ремизова.)

[1044] *Одоевцева И.* На берегах Невы. Washington, 1967. С. 320–324, 370–371, 373. (См. переиздание: [1015].)

[1045] *Пайман А.* У Ремизова // Русская мысль. 1968. N. 2686. С. 7.

[1046] *Резникова Н.* Из воспоминаний о А. М. Ремизове (к десятилетию со дня смерти) // Мосты. 1968. N. 13/14. С. 364–374.

[1047] *Резникова Н.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980.

[1048] *Резникова Н.* Последние дни Ремизова // Русская мысль. 1977. N. 3181. 8 декабря. С. 12.

[1049] *Ржевский Л.* Алексей Ремизов. Встречи и письма (О русских писателях Зарубежья 1940–1960-х гг.) // Грани. 1990. N. 156. С. 80–86.

[1050] *Струве Н.* Встречи с писателями: 1. Ремизов. 2. Бунин // Вестник русского христианского движения. 1971. N. 100. С. 306–309.

[1051] *Шаховская З.* Отражения. Paris: YMCA Press, 1975. С. 13–38. (См. также: переизд-е [1031], [1030].)

[1052] *Arland M.* Lettre VII a Alexei Remizov. Sur le contes // Je vous ecris. Paris: Grasset, 1960. Т. 1. P. 109–129. (Воспоминания и переписка.)

[1053] *Berberova N.* C'est moi qui souligne. Autobiographie / Trad. du russe par A. et R. Misslin. Paris, 1989.

[1054] *Pyman A.* Aleksei Michailovich Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. P. 239–242.

[1055] *Pyman A.* Aleksei Michailovich Remizov and Nikolay Efremovich Andreyev // Poetry and Public Opinion: Aspects of Russia 1850–1970. Essays pres. in memory of Dr. N. E. Andreyev / Eds. W. Harrison and A. Pyman. Letchworth, Herts: Avebury Publ. Co., 1984. P. 299–320.

[1056] *Reznikova N.* Reminiscences: Alexei Remizov in Paris (1923–1957) // Russian Literature Triquarterly. 1986. N. 19. С. 61–94.

4.6 Прочие материалы

(сведения о революционной деятельности А. М. Ремизова)

[1057] *Морозов В. Ф.* На рассвете (исторический очерк об образовании и деятельности первых социал-демократических кружков в Пензе в 1894–1897 гг.). Пенза: Пензен. кн. изд-во, 1963. С. 29–37.

4.6.1 Информация о конференциях

[1058] *Б. п.* Под знаком обезьяны (о международной конференции А. М. Ремизов и мировая культура", организованной Ремизовским обществом 27–29 июня 1992 г. в Таллинне) // Alma Mater. 1992. N. 3 (8).

[1059] *Данилевский А. А.* Ремизовская конференция // De visu. 1993. N. 1. С. 92–94.

[1060] *Черняк М.* Алексей Ремизов и художественная культура XX века // Русская мысль. 1992. N. 3957.

4.6.2 Информация о выставках

[1061] Волшебный мир Алексея Ремизова // Русская мысль. 1992. N. 3957.

[1062] *Лазарева Т.* Возвращение Ремизова // Вечерний Петербург. 1992. N. 254.

[1063] *Царькова Т.* Ремизов ждет гостей. О выставке "Волшебный мир Алексея Ремизова" в Комендантском доме Петропавловской крепости и о Ремизовской конференции // Санкт-Петербургские ведомости. 1992. N. 252.

Оглавление

Введение 3

Глава 1 "Миф" и принципы художественного ансамбля 23

Глава 2 Поэтика "женственного" в романе "*Крестовые сестры*" 63

Глава 3 Поэтика "хаоса" в романе "*Крестовые сестры*" 93

Заключение 139

Приложение: БИБЛИОГРАФИЯ 145

Содержание библиографии 145

Источники 145

4.1 Произведения А. М. Ремизова и др. источники 145

4.1.1 Основные произведения, опубликованные в 1900-е–1910-е годы 145

4.1.2 Произведения, опубликованные в 1920-е–1950-е годы 148

4.1.3 Зарубежные издания 1960–1990-х годов 150

4.1.4 Произведения, опубликованные в СССР и России в 1970-е–1990-е годы 151

4.1.5 Рисунки, графика, каллиграфия, опубликованные в России и за рубежом 158

4.1.6 Надписи на книгах 158

4.2 Переписка А. М. Ремизова 159

Критика и др. публикации о Ремизове 167

4.3 Критика и литературоведческие материалы 167

4.3.1 Критика и литературоведческие материалы, опубликованные в 1900–1990-е годы на русском языке 167

4.3.2 Критика и литературоведческие материалы, опубликованные в 1900–1990-е годы на иностранных языках 205

4.3.3 Диссертации, защищенные по творчеству А.М.Ремизова: 217

4.3.4 Статьи о графическом творчестве А. М. Ремизова (рисунки, графика, каллиграфия) . . . 219

4.4 Описания архивов, библиографические указатели, энциклопедические статьи 221

4.4.1 Описания архивов, библиографические указатели, энциклопедические статьи, опубликованные в России, СССР, СНГ: 221

4.4.2 Библиографические указатели, описания архивов, энциклопедические статьи, опубликованные за рубежом на русском языке: 224
4.4.3 Библиографические указатели, описания архивов, энциклопедические статьи, опубликованные за рубежом на иностранных языках: . 224
4.5 Воспоминания о А. М. Ремизове: 225
4.6 Прочие материалы 230
4.6.1 Информация о конференциях 230
4.6.2 Информация о выставках 231

Редактор *В.В. Козлова*
Технический редактор *О.А. Осинцева*

Подписано к печати 23.05.97. Формат бумаги 60x84/16.
Печать RISO. Уч.-изд.л. 14,75. Усл.п.л. 13,8. Тираж 500 экз.
Заказ № 17.

Педуниверситет, Новосибирск, 126, Вилюйская, 28.